

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК
ВОЛГА
№ 5 2022

Литературно-художественный журнал

16+

Участники «Женитьбы Фигаро».
В центре стоят А. Кузнецов и И. Коняев

Антон Кузнецов в роли Фигаро

16+

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 5 2022

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
- А.А. Бусс** – член Союза писателей России (Саратов)
- В.И. Вардугин** – член Союза писателей России (Саратов)
- Е.А. Грачёв** – член Союза писателей России (Саратов)
- Д.Е. Кан** – член Союза писателей России (Оренбург)
- В.В. Ковалёв** – член Союза художников (Рига)
- О.И. Корниенко** – член Союза писателей России (Сызрань)
- М.А. Лубоцкий** – член Союза писателей Москвы (Саратов)
- В.Д. Лютый** – член Союза писателей России (Воронеж)
- Е.Н. Манова** – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
- А.Н. Тимофеев** – член правления Союза писателей России, председатель Совета молодых литераторов Союза писателей России (Москва)

САРАТОВ
2022

№ 5 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Гурген БАРЕНЦ. Человек Бога	3
ОТРАЖЕНИЯ	
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Горький. Дни болезни	7
ПОЭТОГРАД	
Вячеслав ЛЮТЫЙ. Прошлое и настоящее в стихах Андрея Новикова	16
Андрей НОВИКОВ. Вольный свет	17
ОТРАЖЕНИЯ	
Дмитрий ЕРМАКОВ. Свобода	21
СТАТЬИ	
Алексей БУСС. О повести Дмитрия Ермакова «Свобода»	86
ПОЭТОГРАД	
Дина ДАБРИШЮТЕ. Это хорошее лето	92
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Марина СТРУКОВА. Адель	96
ПОЭТОГРАД	
Дмитрий ФИЛИППЕНКО. На горизонте детства моего	108
ОСТАНЕТСЯ МОЙ ГОЛОС	
Нина ВЕСЕЛОВСКАЯ. Исходный файл	112
В МИРЕ ИСКУССТВА	
Анна МОРКОВИНА. Антон Кузнецов — счастливый Фигаро	137
Нелли КУЗНЕЦОВА. Потому что я люблю ...	142
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТУДИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	
Олег ДМИТРИЕВ. Стихи из книги «Волны далёкого моря»	146
РЕЦЕНЗИИ	
Игорь ШВЕДОВ. Палка о двух началах	151
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ	
Виктор КРЕСТОВ. Прославленный лётчик, замечательный художник, любитель искусства, духовно красивый человек	155
ВОЛЖСКИЙ АРХИВ	
Юрий КАРГИН. Саратов в годы войны (Окончание)	167

**Гурген
БАРЕНЦ**

ЧЕЛОВЕК БОГА

Ложатся годы гирями на плечи,
Лишь поскрести осталось по сусекам.
Я осознал, что в Бога верить легче,
Чем в Человека.

«Небо, снимите шляпу! –
Я иду», – гордо сказал поэт.
Все перед ним расступились,
Сняли перед ним свои шляпы
И вписали его имя
В анналы мировой поэзии.

Затем поэт снял шляпу
Не перед небом,
А перед временщиками,
И так никогда и не вышел
За пределы своей эпохи.

Я завидую им, молодым.
Груз веков их совсем не тревожит.
Всё «до фени», «до лампочки» им,
И устойчив устоев треножник.

-
- Гурген Баренц (Гурген Сергеевич Карапетян) родился в 1952 году в Ереване. Поэт, прозаик, переводчик, журналист, литературовед. Кандидат филологических наук, специалист по русской и армянской литературе. Автор более 2000 публикаций в разных периодических изданиях – как в Армении и России, так и за рубежом. Стихи и переводы печатались в десятках антологических сборников современной армянской поэзии. Основные из них: «Лоза и камень», «Дух родного крова», «Современный армянский рассказ» (библиотечная серия в шести книгах). Издал однотомник избранных стихотворений «Уроки Дороги». Автор сборников стихов «Моя страна», «Старая тетрадь. Стихи разных лет», «Акварели», «В свободе нет свободы», «Дракончик Дракоша и его друзья» (сказка-повесть), «Русское ружьё» (киноповесть). Составитель сборника произведений русскоязычных армянских писателей «Лоза и камень» (Ереван, 1985). Автор нескольких сборников переложений сказок народов мира на армянский язык. Лауреат многих литературных премий. Его произведения переведены на английский, армянский, немецкий, украинский, словацкий, сербский, польский, персидский и другие языки. Член СП Армении.

Я завидую им, молодым.
Им сомненья на плечи не давят.
Знания их невесомы как дым,
Спор с отцами как мир стародавен.

Я завидую им, молодым,
Семипядным во лбу неумехам.
Тренированным мышцам литым,
Быстроте и задорному смеху.

Я завидую им, молодым,
Несуразным и суетно-праздным.
Свято место должно быть пустым.
Даже глупостью юность прекрасна.

Не сужу – да не буду судим.
Но усталой душой загрубелой
Я завидую им, молодым, –
С этим мне ничего не поделать.

Судьба звонит по телефону,
В сознание рвётся напролом,
О чём-то шепчет монотонно,
А мы её не узнаём.

Она звонит глубокой ночью
И ослепляет спящий мозг.
Я мёртв, подавлен, обесточен,
Податлив, словно талый воск.

Она надрывно и печально
О чём-то шепчет о своём.
Ей всё известно изначально,
А мы – ни духом и ни сном...

Судьба звонит по телефону...
А голос, голос! – так знаком..
Раскатисто и глухо – стоном
С другого света грянул гром.

Судьба звонит по телефону,
Справляется, как мы живём,
Мы этот голос отдалённый
Опять в упор не узнаём.

По нашей квартире
Давно уже плачет ремонт.
Поплакал, поплакал –
И перестал.

Тает жизнь, как во рту карамелька,
Тень улыбки на бледном лице...
Годы резво бегут – словно белка,
Замурованная в колесе.

Почва стала вдруг зыбкой и шаткой,
Там, в тумане, последний рубеж...
Годы резво бегут – как лошадка,
Измеряя кругами манеж.

Незваной гостьей, жалкой сиротой
Пришла печаль, и мы её впустили.
Она на час пришла – не на постой.
Но лгали нам глаза её пустые.

Она расселась, ноги – шасть! – на стол:
Незванный гость, как правило, нахален.
На час зашла, осталась на постой.
Тоска всё пела и не затихала.

Печаль-тоска снедает души нам,
Клянётся быть надёжною подругой,
Дарить цветы кошмаров серым снам
И воровать, кружить над нами вьюгой.

И вот она нам души бередит,
Она уже – хозяйка положенья.
Распоясалась, судит да рядит
И метко, чётко бьёт на пораженье.

Томится, ноет безотчётно грудь,
Тоске-печали нашей боли мало.
Давай пошлём подальше эту грусть,
Пока она сама нас не послала...

Зимую жду весны,
Весною – лета.
Жду летом осени,
А осенью – зимы.
И так – всю жизнь.
Такое ощущение,
Что жизнь проходит
В зале ожиданья...

Я брожу под дождём
Без плаща, без зонта –
Человек дождя.

Ветер жжёт мне лицо,
Проникает до самых костей.
Я упрямо навстречу иду –
Человек ветра.

Бесконечная ночь
Разложила свой вечный пасьянс
Из баранов, слонов и верблюдов
И просит, чтоб я посчитал.
Я считаю, сбиваюсь со счёта –
Человек ночи.

Ритуальное солнце
Брюзжит и жужжит, словно шершень.
Я в защитных очках и в бейсболке,
Мне не нужно скрываться в тени.
Я ему подставляю ладони –
Человек солнца.

Я родом из праха,
Всю жизнь я по праху ходил.
Моё время придёт,
И я в прахе опять растворюсь –
Человек Бога...

**Светлана
ЗАМЛЕЛОВА**

ГОРЬКИЙ. ДНИ БОЛЕЗНИ

Ночью он часто просыпался и порой, проснувшись, не мог понять, где находится. Было душно, и, наверное, оттого мысль обращалась к Тессели. Да, конечно, он в Тессели. И завтра они с Соловьём займутся дорожками и цветами. Да, не забыть бы сказать Грише Пеширову подобрать и подготовить инструменты для той скалы. Если разбить её, то камни вполне сгодятся для опорных стен. Нужно только расколотить большие куски и перенести все осколки. Но какие же они тяжёлые, эти осколки. Особенно если прилечь, а камень положить вот так – на грудь.

Но потом он просыпался и понимал, что нет никакого камня, что сам, полужёжа в глубоком кресле, недавно принесённом откуда-то Липой, спит у себя в Горках. Да вот же она, Липа – сидит у окна в другом кресле и что-то тихонько читает. И зачем он до сих пор не сказал всем в этом доме, кем она стала для него за долгие годы?

Но потом он снова засыпал, как будто проваливался в какой-то глубокий омут. Воронка крутила его и тянула вниз, вниз, на самое дно какой-то илистой бочаги, какого-то липкого болота, давившего грудь. И неприятный, пугающий голос – чей же это голос? – шептал в самое ухо: «Может, на сома желаете поохотиться?.. Тут для вашего удовольствия сом живёт пуда на три...» Ну конечно, в омуте непременно должен быть сом. Огромный усатый сом, выглядывающий из-под коряги. А впрочем, нет. Это вовсе не болото, и сома никакого нет. Это Волга, и вода прозрачная, чистая, прохладная. А на месте сома – якорь. Оттого и давит грудь, что, нырнув, он ударился об этот якорь и сломал, должно быть, себе рёбра. Ах, как сжимает грудь!

Тяжело, со свистом дыша, он просыпался и понимал, что он в Горках, что болен, что сейчас ночь и часы бьют два раза. А в груди в самом деле что-то клокочет и сжимается.словно бы сом рвётся наружу из-под придавившей его коряги.

– Липочка, – позвал он, – можно мне молока.

И зачем-то добавил:

– Сома напоить.

– Какого сома, Алексей Максимович?

● Светлана Георгиевна Замлелова родилась в Алма-Ате. Окончила РГГУ (Москва). Прозаик, публицист, критик, переводчик. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Кандидат философских наук (МГУ им. Ломоносова). Автор нескольких книг (проза, критика, переводы, философская монография) и многочисленных публикаций в отечественных и зарубежных изданиях. Живёт в Сергиевом Посаде.

– Никакого, Липа. Это я так.

От густого, жирного, сладковатого молока становилось как будто легче. Видно, и впрямь сом наполнил и успокоился под своей корягой.

– Алексей Максимович, – откуда-то, словно издали, донёсся голос Липы, – давайте-ка мне кружку. Не ровён час уроните и разобьёте. Сами же потом и порежетесь.

Но почему он должен порезаться? И какая кружка? Снова всё закружилось и замелькало. Он силился понять, что говорит ему Липа, но всё начало путаться и ускользать. Нет, конечно же, он в Тессели. Он ясно помнит, как вчера приезжали пионеры и кричали ему из машины: «Дедушка Горький! Дедушка Горький!» Ох, эти ребята! Он встречал их на крыльце, а они, выскакивая из машины, бежали к нему. На бегу здоровались, выкрикивали что-то непонятное и наконец окружили плотным кольцом. Все хотели его потрогать и сказать что-нибудь, и он только успевал поворачиваться, чтобы пожать тянущуюся к нему ладошку или ответить тому, кто дёргал его за пиджак.

– Ну что же, Алексей Максимович, – раздался из-за спины голос Липы, – приглашайте ребят чай пить.

– А и в самом деле! – обрадовался он. – Пойдёмте, ребята, пить чай.

Они так и ввалились в столовую шумной ватагой. Он, худой и высокий, в окружении детворы в красных галстуках. В столовой ребят разместили за длинным столом с конфетной вазой посередине. И они, ни на секунду не умолкая, точно рой пчёл или стая маленьких птичек, долго рассаживались, толкаясь и перебегая с места на место в выборе соседства. Принесли самовар и чашки.

– А вы что же не садитесь, Алексей Максимович? – спросила Липа.

– Ребята, – сказал он, – вы пока угощайтесь конфетами. А я должен выйти на улицу, чтобы покурить. Привычка дурная, но избавиться от неё непросто. Так что вы уж меня извините. А пока угощайтесь.

И добавил Липе на ухо:

– Все сласти, какие в доме найдутся, несите к столу! Я выйду, пусть они не стесняются, покушают конфет.

Липа ушла за сладостями, а он – на террасу курить. И оттуда слушал, как они переговариваются за столом, чему-то смеются и шуршат фантиками.

– Ну что же вы, ребята, так мало конфет покушали? – спросил он, вернувшись.

– Мы наелись, дедушка Горький! – раздался чей-то голосок.

И все тотчас подхватили и стали вторить:

– Наелись... Не можем больше... Спасибо...

– Ну, наелись так наелись!

И он тоже уселся за стол и с удовольствием выпил чашку чаю, пододвинутую Липой.

Потом они перешли на террасу, и он спросил, знают ли ребята стихи. И тут снова все стали гадать и даже подпрыгивать, вытягивать вверх руки, напрашиваясь на чтение вслух. Он выбрал смешную девочку – самую маленькую, пухлую, с широко расставленными чёрными глазками на круглом лице, да ещё и стриженную вскобку. Чем-то неуловимым напоминала она Дарью – наверное, такая же егоза.

– Ну, как тебя зовут? – спросил он. – Что ты нам прочитаешь?

Оказалось, что девочку зовут Наташа, а читать она собралась «Песню о Буревестнике». Причём голос у неё изменился, глаза сощурились, кулачки сжались. «...И гагары тоже стонут...» – презрительно выдавила из себя Наташа и мотнула головой в сторону дома. Он повернулся, следуя кивку,

встретил перепуганный взгляд Липы, стоявшей в стеклянных дверях террасы, и чуть не расхохотался – не только на него эта Наташка произвела такое устрашающее впечатление.

«Им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни...» – продолжала она читать с такой язвительностью, что, казалось, вот-вот скажет: «Гром ударов их, видите ли, пугает». Но она прочитала всё верно, ни разу не сбившись и не перепутав текст. Последние же слова произнесла так, словно заклинала небеса: «Пусть сильнее грянет буря!» При этом действительно подняла лицо и даже кулачки к небу, так что, если бы вдруг грянул гром и началась буря, никто бы не удивился.

От этого чтения ему стало немного не по себе: не девчонка, а мойра в пионерской форме. В то же время он с трудом сдерживал смех – пожалуй, такого чтения за всю жизнь не слыхивал.

– Славно, Наташа! Спасибо тебе! А кто знает стихи Пушкина? – надо было отвлечься и от Наташки этой, и от гагар с пингином.

И снова запрыгали, вытягивая худые ручонки, маленькие люди, которых он всегда жалел и любил. А потом, после стихов, раскрепостившись уже окончательно, стали петь песни и даже в пляс пустились. И снова мелькала перед ним маленькая Наташка. «Ох, кикимора! Вот артистка-то вырастет!» – улыбался он, глядя на её задорный пляс. Потом опять попили чай, и ребята уехали. А он долго ещё стоял на крыльце, смахивал слёзы и думал, что этой Наташке и всем этим ребятам повезло больше, чем ему и многим его сверстникам. И как это славно, как правильно. Подошедшая Липа ласково сказала:

– Ну что вы, Алексей Максимович! Не надо плакать.

Он открыл глаза. И впрямь Липа стояла рядом и легонько отирала его мокрые щёки.

– Что с вами, Алексей Максимович? Может быть, чаю? Или молока? И вот что, раз уж проснулись, давайте температуру измерим. И кислород... Алексей Дмитриевич сейчас был – вышел только что...

С кислородом, конечно, дышится свободнее. Никаких сомов, никаких якорей, никаких пут. Да, пути! Как это он чуть не забыл? Ведь в Тесселивском парке надо продолжать расчистку и паразита этого – держидерево – без остатка убрать. Он же по-настоящему душит деревья, растёт возле хороших, здоровых стволов и высасывает соки. Оттого такая слабость, оттого и трудно пошевелить рукой, что кто-то высасывает соки, как держидерево. Надо убрать держидерево, и тогда всё восстановится, силы вернуться. Главное сейчас – не дать задушить себя, как... как Серж Виктор.

– Липа! – хрипло позвал он. – Верно ли, что сын Кибальчица удавился?

– Ну что вы, Алексей Максимович! Не говорите сейчас об этом.

Ах, Липа, чертовка! Милое, родное лицо. И Катя с Тимошей здесь. И Соловей пожаловал, пташечка... И «баронесса» явилась. А кто же это рядом с Тимошей? Нет, не может быть! Да ведь это бабушка Акулина Иванова, а рядом с ней – отец, Максим Савватиевич. Как же это возможно? И куда они зовут его – что это за коридор и что за яркий свет на другом конце?..

Уже неделю Кошенков почти не спал. Вся жизнь его теперь вращалась вокруг телефонных аппаратов. Иногда удавалось задремать, но тут же раздавался звонок, и он бросался к телефонам, словно мать на плач новорождённого младенца.

Часа в четыре, когда небо за окном посветлело, он вдруг вспомнил, как Максим – года за два до своей смерти – рассказывал ему о какой-то фран-

цузской примете. Ну да, конечно: если на Медарда дождь – идти ему сорок дней. Кто такой этот Медард? Максим, кажется, говорил, что это французский святой. А впрочем, бог с ним! До французских ли святых сейчас. Тем более день вроде бы выдался неплохой, а стало быть, нечего и дождя бояться. Лучше так загадать: если день выдаться хороший, то всё обойдётся. А если дождь, то к слезам. Впрочем, нет! Что за глупости! Просто он устал, и вот уже неделю не спит нормально, и от бессонницы у него мешается ум. Всё будет хорошо, надо в это верить, а не в приметы, которые сам к тому же и придумал.

С этими мыслями он задремал на диване, но, как показалось ему, в следующее мгновение в дверь постучали. Кошенков спал чутко и проснулся.

– Кто там? – спросил он.

Вошёл сторож Фёдор Иванович и деловито сел на стул у двери. Так они сидели и смотрели друг на друга: Кошенков, стараясь подавлять зевки, на диване, а Фёдор Иванович на стуле. Часы пробили половину шестого.

Наконец Фёдор Иванович прокашлялся и сказал:

– Ну что там, в Горках?

– Кабы знать, Фёдор Иванович, – продираясь сквозь неотступный сон, медленно проговорил Кошенков и от души зевнул. – Незавидное наше положение – и сами в неведении, и людям сказать нечего. Со всей страны звонят – спрашивают. А я не знаю, что ответить. Один студент даже сердце своё предложил. Я даже не удержался и спрашиваю: «На что оно, ваше сердце?» А он отвечает: «Хирургия, мол». Ну если только хирургия...

– Ишь ты! – усмехнулся Фёдор Иванович. – А Горки-то звонили?

– Ночью звонили. Говорят... не очень. Я с доктором Левиным разговаривал. Ночью, говорит, просыпался часто... Да вот, у меня записано – я ведь дневник веду, всё записываю.

Кошенков подошёл к письменному столу, опустился в глубокое кожаное кресло и раскрыл синюю клеёнчатую тетрадь.

– Ночью часто просыпался, – прочитал он, – плохо, тяжело дышал. Сознание временами спутанное, бред. Общая слабость. Температура – 37,1. В лёгких сухие и влажные хрипы, цианоз.

– Это что ж такое?

– Цианоз-то?

– Ну да! Вроде бы как слышал уже, а не помню!

– Синюха это, Фёдор Иванович. Ну, когда кожа синеет.

– Отчего ж такое бывает?

– Говорят, когда кислорода не хватает.

– Как это – кислорода не хватает? – сторож даже по ляжкам себя хлопнул. – Возим, возим кислород в Горки, а его всё не хватает? Что ж они с ним делают-то? Сами, что ли, вынюхивают?

– Не знаю, Фёдор Иванович! Вряд ли сами. Но это другой кислород.

– Как это так – другой? Так давай какой надо возить!

– Оставь, Фёдор Иванович! – Кошенков поморщился. – Ну почём нам с тобой знать про кислород? На то и врачи, чтобы какой надо, такой и назначать.

Фёдор Иванович помолчал, точно обдумывая услышанное. Потом изрёк важно:

– Вот оттого-то нам с тобой и тяжелее всех, Маркович. Нам правду знать не положено! Вот раньше бывало: заболевает Алексей Максимович, а мы уж всё знаем – вот он тут весь, перед нами. А из Горок-то правды не дождёшься.

– Не зря, видно, Олимпиада Дмитриевна не хотела в Горки ехать, – вздохнул Кошенков.

– Опять же, – как будто не слыша, продолжал рассуждать сторож, – заболел раньше, так шуму не было. Радио да газеты помалкивали. И богов было меньше, – прибавил он, таинственно понизив голос.

– Кого? – удивился Кошенков. – Каких ещё богов?

– А таких, – снова хлопнул себя по ляжкам Фёдор Иванович, – врачей. Ишь, возим их на трёх машинах туда-сюда. Баре какие! Им всё мало, а дело нет.

– Не наговаривай на врачей, Фёдор Иванович! Всё, что могут, они делают.

– Лечат они, как же! Боги у постели его личные счёты сводят. Уж ты мне поверь. Вот и шофёры говорят: Левина везёшь – всё вроде бы неплохо, вылетят Алексея Максимовича. Везёшь Белостоцкого – всё плохо! А уж ежели Плетнёва или Кончаловского везёшь – быть беде, безнадежно.

– Это что, примета, что ли, такая у них? – не понял Кошенков.

– Да какая там примета! Это врачи – каждый своё. Выходит, у них там вроде как борьба: кто лучше знает. Поднимется Алексей Максимович, Левин скажет: вот, мол, я же говорил. А не поднимется, так Плетнёв с Кончаловским славу себе приберут.

В это время за дверь послышались быстрые шаги. Затем, предупредив своё появление кратким стуком в дверь, вошла Даша. Кошенков, порядком уставший от разглагольствований Фёдора Ивановича, подумал, что, наверное, никогда ещё так не радовался появлению горничной.

– Доброе утро, Даша! – улыбнулся он.

– Доброе утро, Иван Маркович. Ну что Горки?

– Не очень, Даша. Ночью сегодня звонили, говорят, сон плохой, дышит тяжело, температура небольшая, даже бредил.

– А ещё этот... цианоз! – вставил Фёдор Иванович.

– Ах ты, батюшки! – вздохнула Даша и покачала головой. – А что говорят, поправится ли?

– Ничего не говорят! – воскликнул Кошенков.

– Левин говорит – поправится, – опять встрял Фёдор Иванович, – Белостоцкий точно не знает, а Кончаловский с Плетнёвым говорят, что нет надежды.

Даша, тревожно смотревшая на сторожа, опять покачала головой. Потом повернулась к Кошенкову:

– Иван Маркович, может, я вам кофе и завтрак сюда принесу?

– Спасибо, Даша. Не откажусь. Да и лучше пока не отходить от телефона – мало ли что...

– А вы, Фёдор Иванович, кофе не хотите? – спросила Даша у сторожа.

Но тот как будто обиделся и напыщенно ответил:

– Не потребляю. Благодарствуй.

Затем поднялся со стула и, заявив, что заболтался, ушёл. Следом вышла и Даша, а Кошенков, оставшись в одиночестве, вздохнул облегчённо.

Но едва затихли шаги Даши, как затрещала «вертушка».

– Слушаю, – ответил Кошенков.

– Это Бухарин. Иван Маркович, – заявила трубка, – что же делать?.. Подскажи ты мне лучше, куда телеграмму направить?

Кошенков открыл было рот, но вдруг понял, что хотел бы не просто переспросить, что нужно Николаю Ивановичу, но и как следует обругать его. Поскольку, однако, осуществить последнее не представлялось возможным, он, сдерживая себя, медленно поднёс трубку к рычагам и плавно водрузил её на место.

Пока он завтракал, по «вертушке» снова позвонили, и мягкий, вкрадчивый мужской голос сказал:

– Ну, и кто же отвечает у вас за жизнь Горького?

Звонков за это время было множество, и Кошенкову казалось, что удивить его уже нечем. Но тут он растерялся. И пока думал с ответом, трубка тем же елеинным голосом продолжала:

– А ведь Алексей Максимович – сердечник. И кто же занимается им из специалистов?

– С кем я говорю? – нашёлся наконец Кошенков.

Но трубка таинственно замолчала.

– Вы меня слышите?

Трубка вздохнула и принялась икать, давая понять, что разговор окончен. Но кто же это мог быть? Ведь ясно же, что по «вертушке» не станет звонить первый попавшийся злопыхатель из телефона-автомата. Значит, звонят из высоких кабинетов. Но кто и зачем? Что за могущественный враг у Алексея Максимовича?

– Слушаю!

– Иван Маркович, да не бросай ты трубку! Это Бухарин опять. Кто-то сейчас позвонил и сообщил, что конец печален: умер Алексей Максимович. Так ли?

– Николай Иванович, слушайте только Никитскую или Горки.

– Так живой?

– Живой, Николай Иванович! Живой.

– Ну, спасибо! Утешил. А что из Горок? Что говорят?

– Говорят, что спал плохо...

Вошла Даша с подносом. И в комнате тут же уютно запахло кофе.

– Есть ли новости, Иван Маркович?

– Пока ничего нового, Даша.

– Вы же понимаете, что потерять Алексея Максимовича – это... это значит всё потерять! – Даша составила кофейный прибор и тарелки с яичницей и ветчиной прямо на письменный стол и налила ему кофе.

– Понимаю, Даша. Но что это меняет? Меня вот, знаешь ли, сразу кольнуло: другой какой-то Алексей Максимович.

– Как это? – Даша с подносом в руке отступила на шаг.

– А так, что приехал он в этот раз из Крыма – и на себя не похож. Я вот как только увидел его на Курском вокзале, сразу подумал об этом: другой человек. Прежде, бывало, приезжал весёлый, бодрый. А тут вроде как старик совсем: вялый такой, хромает, дышит тяжело. Взгляд безразличный, усталый... Никогда таким его не видел!

– А как же все говорят, что он в Москве от внучек заразился? И Надежда Алексеевна говорила: грипп, мол, заразный, а Алексей Максимович слабый, у него лёгкие...

– То-то и оно, Даша! Приехал он уже больной. Может, и не гриппом, но что-то с ним было не так. И если бы не Алексей Максимович это был, я бы так и сказал, на него глядя: не жилец. Пионеры его на вокзале встречали. Ты же знаешь, как он детей любит, а тут ни улыбки, ни шутки для них не нашлось. Только и прошептал: вот, мол, смена растёт.

Даша хотела что-то сказать, но телефон разразился обычной своей трескотнёй, и Даша вышла.

– Говорите!

– Иван Маркович, это Колосов! Сообщение газет о болезни Алексея Максимовича страшно встревожило жителей Измайлова. Они, взволнованные, только и ходят с газетой из квартиры в квартиру.

– Михаил Борисович, мне нечем утешить жителей Измайлова. Передайте, что пока изменений в состоянии Алексея Максимовича нет. Всё будет опубликовано в газетах. Пусть следят за бюллетенем...

– Слушаю! Говорите!

– Это Маршак. Скажите, Иван Маркович, только правду скажите! Ведь он и раньше болел... Я не верю, не может этого быть!.. Скажите мне правду, умоляю вас! Ведь вы и Липа – вы же лучше знаете. Скажите, выдержит он? Не скрывайте от меня!

– Не волнуйтесь так, дорогой Самуил Яковлевич!

– Как же не волноваться, Иван Маркович? Ведь это ужас! Ужас!

– Всё будет хорошо, Самуил Яковлевич. Всё будет хорошо.

– Я приеду в Москву, Иван Маркович. Я решил, что поеду. Понимаете, я хочу посмотреть, мне надо увидеть его. Но когда можно?

– Сейчас всё зависит от врачей, Самуил Яковлевич. От врачей и от организма Алексея Максимовича. А вы же знаете: организм у него крепкий. Он сильный! Он и не то выдерживал. Мы должны набраться терпения и ждать.

– Ну хорошо, я буду звонить...

Да, иногда приходится и врать. Тем более доктор Пигалёв рассказывал, что Маршак и сам не очень-то здоров. Чего доброго, разговоры о здоровье Алексея Максимовича убьют и Маршака. Если же быть до конца честным – честным с самим собой, то в выздоровление Горького он почти не верит. Почему? Сложно сказать. Можно было бы назвать это предчувствием, но... Но уместно ли вообще говорить о предчувствиях? Напряжение, бессонница, постоянный страх делают своё дело, превращая его в суеверного старика, выдумывающего приметы и доверяющего предчувствиям. А если отбросить всё это, что же в самом деле его так гнетёт? Ведь Алексей Максимович и впрямь болел раньше. Точнее было бы сказать, он всегда болел, возвращаясь из Крыма. После долгого путешествия по железной дороге он неизменно уставал. Причём уставал настолько, что каждый раз хворал. Но никогда не было такого сосущего страха, не было давящей тоски, не было тревоги, из-за которой нельзя найти себе места. И, как назло, все эти странные мелочи! На них поневоле обращаешь внимание. Ведь он не преувеличивал, рассказывая Даше о прибытии поезда на Курский вокзал. На платформу вышел совсем другой человек – уставший не от дальней дороги, но от жизни. Горький был неузнаваем. И заметил это не один Кошенков. Неспроста ведь Олимпиада Дмитриевна отговаривала от поездки на кладбище к Максиму. Весь вид Горького свидетельствовал о том, что он болен и что малейшей нагрузки, а уж тем более перенапряжения сил, достаточно будет для того, чтобы произошёл срыв.

А когда уезжал он с Никитской? О! Этого не забыть! В дверях вдруг обернулся и усталым взглядом окинул прихожую, диковинную лестницу, книги, «медузу» – весь этот нелюбимый им и нелепый, по его же слову, дворец. «Точно прощается навсегда!» – подумал тогда Кошенков, и сердце его сжалось от недоброго предчувствия. А тут ещё собака во дворе, отроду никого не провожавшая, вдруг подошла к Алексею Максимовичу и встала на него передними лапами. Горький потрепал её холку и сказал:

– Ну что же, прощай, пёс!

И снова кольнуло Кошенкова.

Дальше всё развивалось как по накатанной. Уже через пару дней он не встаёт с постели. А врачи передают из Горок: «плохо», «безнадёжно», «немного лучше», «плохо», «хорошо», «немного хуже»... А настроение у всех такое, как будто все знают, чем закончится эта обычная, казалось бы, для Алексея Максимовича болезнь.

Его размышления были прерваны настойчивым стуком в дверь. Вошёл светловолосый молодой человек в сером летнем пальто нараспашку и, не здороваясь, оглядел кабинет с видом квартирмейстера.

– Тэк! – сказал он, не глядя на Кошенкова.

– Вам кого? – удивился Кошенков.

Но молодой человек, не обратив на него внимания, прошёлся по кабинету, остановился, потрогал стену, ощупал шкаф с книгами, после чего устался в потолок. Кошенков тоже поднял глаза, зачарованный загадочным гостем. Но, не найдя на потолке ничего, кроме привычной лепнины, он словно пришёл в себя и уже гораздо громче и требовательнее осведомился:

– Да кто вы, в конце концов, такой? И что вам здесь нужно?

Молодой человек изумлённо уставился на Кошенкова, как будто заметил его только что. И вдруг сказал:

– Вы слышали об институте изобразительной статистики?

– Нет, не слышал. И не понимаю, при чём тут...

Но молодой человек оборвал его:

– Меня зовут Брезгунд. Это моя фамилия. Мы собираемся сравнить бывшие жилища купцов с жилищами в новостройках для рабочих. Товарищ Березин – директор нашего института – наметил ваш дом.

Кошенкову стоило усилий сдерживаться.

– Передайте, пожалуйста, товарищу Березину, – процедил он, – что об этом не может быть и речи.

– Почему? – невозмутимо спросил Брезгунд. – Разве мы не можем измерить ваши комнаты и заснять их?

– Потому что я, комендант этого дома, не допущу ни вас лично, ни товарища Березина ни мерить наши комнаты, ни снимать их.

– Но почему?

– Я не намерен ничего больше вам объяснять и прошу лишь об одном: покинуть этот дом. Пока я не вызвал милицию.

Брезгунд пожал плечами с таким видом, словно никогда ещё не слышал ничего более странного. Однако требование Кошенкова исполнил. Так же неторопливо, как вошёл и осматривался, он покинул кабинет. Кошенков на всякий случай проводил его до крыльца и сдал Фёдору Ивановичу. Страшно недовольный тем, что какие-то личности разгуливают по дому, он вернулся к себе. И вовремя. Потому что уже из коридора услышал, как затрещала «вертушка» – он давно уже научился различать телефоны по звуку.

– Слушаю!

– Телефон Горького? – поинтересовался всё тот же вкрадчивый голос.

– Да, – резко ответил Кошенков, тотчас узнав давешний голос и борясь с желанием наговорить резкостей.

– Ну что? – приторно спросили на другом конце провода. – Достигаете желанного? Подлецы...

– Кто это говорит?

В ответ – молчание. Ясно, что трубка прилипла к чьему-то потному уху и что хозяин этого уха ждёт, когда Кошенков выругается и скажет лишнее. Но он этого не сделает. Он спокойно, как не раз уже делал прежде, положит трубку на рычаг и постарается успокоиться. Но кто же этот высокопоставленный враг Алексея Максимовича? И что всё-таки ему нужно?

Он прошёлся по кабинету, думая о том, что от этого Брезгунда с незримым товарищем Березиным и от этого кремлёвского анонима стало ещё тяжелее, так что у самого у него даже сердце сдавило. Поскорее бы всё закончилось! Только бы восстал с одра Алексей Максимович! Вот ведь: пока здоров человек, никто и не думает, как это славно и как это много. А стоит

заболеть – и ничего уже не нужно, лишь бы не вспоминать ежечасно о пульсе, температуре, о хрипах...

Но что там ещё за шум на улице? Он подошёл к окну. Дождь. Обычный летний дождь, очищающий и несущий прохладу, пролился на Москву...

К обеду в Горках никто не сомневался: Алексей Максимович умирает. Он сидел в кресле, закрыв глаза и тяжело дыша. Руки, распухшие и ставшие почти чёрными, лежали поверх пледа. Вокруг него собрались домочадцы: Екатерина Павловна, Липа, Мария Игнатьевна, Тимоша, Крючков, Соловей... Врачи, объявив, что сделать ничего нельзя, сошли вниз на совещание. А в комнате больного, несмотря на множество собравшихся, царил тишина. Вдруг Екатерина Павловна, сидевшая на стуле справа от мужа, поднялась и, обойдя вокруг его кресла, уселась на низенькую скамеечку. Она взяла его за руку – рука была ледяной – и спросила громко:

– Что ты хочешь? Не нужно ли чего-нибудь?

И хоть это было естественно и совершенно уместно, у всех присутствующих в комнате на лицах появилось недовольное выражение. Всем отчего-то показалось, что, нарушив молчание, Екатерина Павловна совершила что-то кощунственное. Горький открыл глаза и, обведя всех потухшим, отсутствующим взглядом, еле слышно сказал:

– Я сейчас был так далеко... Оттуда не все возвращаются. Так трудно было вернуться...

Он снова закрыл глаза, и голова его поникла, так что и в самом деле можно было подумать, что это конец.

– Алексей Максимович, – позвала тихо Липа, – помните, как в Сорренто? Двадцать кубиков камфоры стали спасением.

Голова его дёрнулась, как будто он хотел сказать: «Ничего не надо. Оставьте меня в покое».

– Так, может... – начала Екатерина Павловна и запнулась, не решаясь выговорить страшные слова.

– Я пойду спрошу у Левина, – ответила Липа. – Если, как они говорят... То почему бы... Без их разрешения...

Она ушла, и, пока её не было, в комнате сохранялась напряжённая тишина. Все молчали и опасались смотреть друг на друга. Вскоре вернулась Липа, кивнула, словно обращаясь сразу ко всем, и впрыснула ему камфору. Всем показалось, что прошла вечность, но в действительности счёт шёл на минуты. Он открыл глаза и, взглянув на Липу и Екатерину Павловну совсем иначе – как смотрел прежде, улыбнулся. Потом окинул всех каким-то ожившим, просветлевшим взглядом и сказал обычным своим голосом:

– Ну, что вы тут все собрались? Хоронить меня, что ли, надумали?

Тимоша беззвучно заплакала, а Липа, сглотнув, сказала как можно беззаботнее:

– К вам, между прочим, товарищи Сталин, Молотов и Ворошилов приехали. В столовой, внизу ждут.

– Так зови! Чего же ты ждёшь?

И он улыбнулся, как будто и не было этих часов ожидания конца, как будто врачи не отказывались лечить его и не заверяли домашних, что всякое лечение бесполезно. На глазах у всех он ожил...

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ В СТИХАХ АНДРЕЯ НОВИКОВА

Стихотворения Андрея Новикова озадачивают читателя прежде всего позицией автора по отношению к реальному миру, который он достаточно предметно живописует. Вот его лирический герой смотрит на происходящее с некоторой дистанции, которая вполне может уходить и в нематериальный, понятийный мир. Но одновременно среди действующих персонажей мы видим и его самого, взрослого или маленького мальчика, который живёт очень органично и радостно, хотя сторонний взгляд повествователя с горечью может обронить, что в картине не всё в порядке, не всё естественно и солнечно...

Это раздвоение художественной фигуры продиктовано взаимоотношениями автора со временем. Настоящее для него почти невещественно, зато прошлое обладает чёткими очертаниями и плотностью, насыщено движением и светом (или сумеречным, обманным взаимодействием людей и «объектов»). И практически вся оптика художника в этих стихах сфокусирована на памяти – на её цветах, контурах, звуках, рельефах и обликах.

Надо сказать, что названная дwoякость поэтической речи совсем не выглядит подчёркнутой, демонстративной. Напротив, здесь мы видим уже устоявшееся, почти душевно-автоматическое восприятие дня сегодняшнего и вчерашнего, своего рода образный почерк автора (*«Воспоминанья год от года / Идут дорогой круговой»*). Он почти осязает бег времени кожей и сердцем, мгновения ускользают от него и, только отдалившись от художника, обретают устойчивость и отчётливость линий, очевидную плотность и насыщенный цвет. Наверное, лирический рассказчик что-то добавляет в свой сюжет, какие-то характеристики или оттенки, добываясь его полноты. Однако он говорит о собственной жизни, и уже потому всё, им поведанное, становится, по главной своей сути, пусть и когда-то бывшим, но действительным именно сейчас: *«...Где состоит из некой взвеси / Одно – и радость и беда»*.

Для поэта любимое время года – лето или ранняя осень, наиболее притягательное биографическое время – детство, собственное или чужое, внимательно созерцаемое со стороны (*«Но какая память света / Сквозь кусты и дерева!»*). Он любит узнавать внешне предмет или событие (что это? что происходит?), давая его описание, но потом, уже в финале, делает вывод почти всегда внутренний и почти всегда опровергающий однозначность происходящего. Для него важно не потрогать вещь, а понять её. Вот почему оказывается так близок читателю угол зрения лирического героя: наличная реальность лишена определённой осевой идеи, она сумбурна и противоречива, более того – во многом она откровенно лжива. Тогда как испытанное нами прежде уже поделилось на добро и зло, на правду и обман, на счастье и горе.

Андрей Новиков – очень современный поэт, причём в определение «современный» нужно вложить более горечи, нежели похвалы. Он входит в мир и видит его, кажется, так же, как и читатель. Но затем словно проявляет снимок сегодняшнего дня – и показываются детали и сочетания, ранее совсем не очевидные. За сдержанность по отношению к настоящему и за любовь ко всему лучшему из нашего общего прошлого, пожалуй, и стоит ценить эту лирику.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

**Андрей
НОВИКОВ**

ВОЛЬНЫЙ СВЕТ

СОБЕСЕДНИК

Живёшь, сбиваешься с пути,
Шагаешь от вершин к низине,
«Прожить – не поле перейти...» –
Грустишь в дежурном магазине.
Не факт, что одинока ночь,
Всегда найдётся собеседник,
Хотя бы Бог, ему помочь
Ты напротился сам, посредник.
Немного антивещества,
Ещё нацелит совесть жало.
И ощущение родства
К тому, что память рассказала.
Пытайся осознать до дыр
Затёртый постулат – он мрачен:
Не красота спасает мир,
А лишь покой и сверхзадача.
А также множество дорог
И проводник на них незрячий.
Высокий перечень тревог
Осознан так или иначе...
Ну а потом, как дважды два,
Очнуться в стылом магазине,
Дождь и сырая голова,
Портвейн и яблоки в корзине.
Средь полок, где теснится снедь,
Под гулкой пустотою зала
Имей, что надобно иметь,
Судьба другого не сказала.

-
- Андрей Вячеславович Новиков родился в 1961 году в с. Алабузино Бежецкого района Тверской (Калининской) области. После службы в армии в 1985 году поступил в Литературный институт им. А. М. Горького на факультет поэзии (семинар В. Кострова). После окончания института в 1990 году 25 лет работал журналистом. Первая публикация состоялась в журнале «Подъём» в 1984 году. Публиковался в «Литературной газете», «Московском комсомольце»; в журналах «Нева», «Сибирские огни», «Сура», «Байкал», «Симбирскъ», «Молодая гвардия», «Волга–XXI век», «Подъём», «Артикль» (Тель-Авив), «Русское Эхо», «Сибирь», «Зензивер», «Крым», «Студенческий меридиан», «Южное сияние», «Север», «Литературная учёба», «Петровский мост», «Ночь и день», «Гостиный дворъ», «Литературная Киргизия»; в альманахах: «Поэзия», «День поэзии», «Паровозъ», «Тверской бульвар-25», «Академия поэзии», «Связь времён» (Калифорния, США), Автор 6 книг.

МЕРЦАЕТ УТРО

Мерцает утро стило чёрно-белым,
И у природы жёсткие черты,
И солнце, нарисованное мелом,
Даёт лишь горький привкус немоты.

Он, как всегда, случаен и неточен
В разрывах мимолётных облаков.
Асфальт щербат и девственно-молочен,
День непорочен в зеркале веков.

Живёшь надеждой, да и то напрасно.
Разрежут жёсткий воздух провода.
Над светом бытия, увы, не властны
Ни память, ни прощенье, ни года.

КАЗАНТИП

Кто говорит о чём, а я – о предках,
У памяти порой края остры.
Оранжевой хурмой на голых ветках
В Крыму сады осенние пестры.

Всё высохло в барическом затворе,
И ветер слаб, он навсегда осип.
Зелёным светом колыхалось море,
Гранитом возвышался Казантип.

Вглядись в него – и сердце каменеет,
Татарский пляж, иди ко всем чертям!
Такой же он, как при царе Атее –
Пустынец, дик, безудержно упрям.

Царём последним своенравных скифов
В бою погибнуть в девяносто лет!
Катились камни из-под ног, что мифы,
Смолою пахло, и терялся след.

Ещё к богам незлобна безнадёжность,
В котлах кипит тягучая смола.
Животворящих отчеств непреложность
Непостоянством выжжена дотла.

Простор и волю сверив поимённо,
Скорбят на тризне смелые сыны.
Ещё заката не горят знамёна
Рождённых для кочевья и войны.

Иссушен солнца вековой тоскою,
Пузырь медузы дохнет вдалеке,
И тень веков мелодией простою
Ответит мне на древнем языке.

ВОЛЬНЫЙ СВЕТ

Духотою и астмой коварной
Умер день с бытием расписным,
И прохладу деревьев бульварных
Даже чувствуешь швом черепным.

У виска – как чужой парабеллум...
Грань меж ложью и правдой размыв,
Мы его хоть сейчас перебелим,
Всё больное и злое забыв.

Межсезонье, как смена конвоя,
Станным чувством стучится к тебе,
Тишиной оглушающей воет.
Летний герпес цветёт на губе.

В колыбели своей похоронит
Сущность, вспомнив обвал неземной.
Но теперь даже пальцем не тронет
Вольный свет этой жизни дневной.

СЕМЬ СЛОНИКОВ

Верни мне детство просто и не жалко –
И с улицы зови скорей домой,
Там есть ковёр, где озеро с русалкой,
Семь слоников гуляют на трюмо.

Не Ганнибал на них штурмует Альпы
На отрывном календаре. Упрямя
Внезапный луч с теней снимает скальпы.
Белее снега вата между рам.

С румынским гарнитуром нелюдимо
Живёт в ажурной клетке попугай.
Там раковина с побережья Крыма,
И перламутр её не отвергай.

Родные там живут необъяснимо,
Их нет давно, фотоальбом закрыт.
И в запахе простом валокордина
Эпоха заклеит мещанский быт.

ЮЛА

Ребьячей радости внимая,
Возьмите, например, юлу –
Игрушка, в сущности, простая
Скрипит на крашеном полу.
Мы закрутили её сами
Средь будней, праздников и тризн –

И вот цветными полосами
Пред нами пробегает жизнь.
И вторит ей, без исключения
По звёздной вечности пыля,
В сосредоточенном крученье
На каменной оси Земля.

ТОЧКА

Ты – нытик, так поставим точку,
С улыбкой задерём носы:
Гляди – у солнца на цепочке
Висят карманные часы!
Давай достанем из архива
Дворовый перебор струны
И в монохроме негатива
Латунный инвентарь луны!
Чтоб жизни понимать феномен,
Воображение не унять,
Стоять бы нам у звёздных домен,
Почтительнее шапки снять.
Давай, мы просто балагурим,
На небе разглядим холсты,
Когда затишье перед бурей –
На расстоянии версты.

МЕЛОДИЯ

Мелодия? Что это было
У лета жаркого внутри?
Под шорох чёрного винила,
Где оборота тридцать три.

Уйдя в покой полуподвала
Через открытое окно,
Она ещё негодовала
И колдовала заодно.

Так ностальгия снова, снова
Заполнит страстно естество.
Как будто выковал подкову,
На счастье или торжество.

Как дым витой, где тени робки
Танцуют страстно по стене,
Она живёт в простой коробке,
У радиолы в глубине.

**Дмитрий
ЕРМАКОВ**

СВОБОДА

ПОВЕСТЬ

*Кончится тем, что понесут свою свободу к ногам нашим
и скажут: «Лучше поработите нас, но накормите нас...» –
так ужасно им станет под конец быть свободными!*

**Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы»
(«Легенда о Великом инквизиторе»)**

*Может показаться, что битва за свободу проиграна.
Найдётся предостаточно аргументов в пользу того,
что мы движемся к полностью несвободному обществу,
где тотальное управление людьми будет осуществляться
с помощью денег, внушённых страхов и смыслов,
навязанных рекламой и пропагандой.*

*И тем не менее проблема свободы возникает вновь.
Она возникает, несмотря ни на что.*

*И это оставляет нам надежду. Сейчас я говорю уже
не об анархической свободе и вообще не о политической
свободе, а о свободе как о величайшей загадке, стоящей и перед
каждым из нас в отдельности, и перед всем человечеством.*

В.Я. Голованов, «Нестор Махно» («Тачанки с юга»)

И познаете Истину. И Истина сделает вас свободными.

Иоанна 8:32

...В мой жестокий век восславил я свободу...

А. С. Пушкин

-
- Дмитрий Анатольевич Ермаков родился в 1969 году. Член Союза писателей России, автор 14 книг прозы и многочисленных публикаций в периодических изданиях: «Литературная газета», «Наш современник», «Роман-газета», «Север», «Сибирские огни» и многих других. Лауреат международной литературной премии «Югра», обладатель Золотого диплома международного форума славянской культуры «Золотой витязь», финалист премии «Чистая книга» им. Фёдора Абрамова и ряда других конкурсов и премий. Живёт в Вологде.

Два предварительных рассказа

1. СНЕГИРЬ

Кусты вдоль дороги подёрнуты розовой дымкой. В полях за кустами ошмётки снега. Лес за полями – чёрный, ощутимо мокрый, тяжёлый...

Машина бойко катит по мокрому асфальту, из приёмника – бойкая, как бег машины, музыка. Молчаливый редакционный водитель курит.

Олег Воронин, журналист областной газеты, лысеющий сорокалетний человек, едет в недалёкое от города село. Там проводят вечер памяти поэта Сергея Ломтева.

Лет пятнадцать назад им обоим – Воронину и Ломтеву – что-то там прочили поэтические зубры областного масштаба...

...Ну как Ломтева было не заметить! Рост под два метра, грива волос, на ногах кирзачи, брезентовые штаны, штормовка, под которой видна тельняшка – будто только вчера с рыболовной шхуны или из геологоразведочного лагеря. И как читал свои стихи – будто всё это уже бесспорно, будто и не нужны никакие и ничьи оценки и отзывы – принимайте или не принимайте, а мне, мол, всё равно. Но ведь и боль, боль неподдельная – будто из души каждый стих выбрасывал – нате! А стихи слабенькие в общем и тогда, и позже. Техника всегда страдала... Стихи неотделимые от него самого – только в его личном прочтении они и впечатляли... Но вот нет его, Ломтева, уже пять лет, как нет среди живущих, а есть «вечер памяти замечательного поэта-земляка».

Ломтев сам выбрал Воронина в друзья. Воронин тоже читал стихи, и ему благосклонно кивали мэтры – «члены союза», и делали незначительные замечания, и был перерыв, и курили на весенней улице, и с козырька над входом звонко шлёпались в бетонное крыльцо капли, и воробьи, щеперясь, возились в луже, а машины проезжали мимо, выбрасывая на тротуар солнечные брызги...

...Ты шагнул ко мне, протянул узловатую большую ладонь:

– А ты настоящий, – сказал. – Держи краба!

И опять читали стихи «молодые поэты», и один из руководителей семинара, седой и умный Семёнов, сказал одному «молодому»:

– Вот за стихами Ломтева чувствуется судьба, а за вашими – ничего, кроме попытки самовыражения...

Потом сидели в гостиничном номере (ты ведь приехал откуда-то из глубинки). Пили, конечно... И всё стихи, стихи, разговоры и снова стихи в слящемся табачном дыме. И ты сказал одному там, надрывно читавшему:

– А ты, брат, графоман!

И тот лишь зло глянул на тебя и ничего не ответил. А попробуй скажи тебе...

...Олег Воронин тогда вовремя остановился и ушёл домой. А Ломтев, как рассказывали, продолжал гулять в гостинице, собрав вокруг себя кучку сподвижников. И настал момент, когда нужно было идти за добавкой. Ломтев пошёл сам, с ним ещё двое. Но в вытрезвитель забрали почему-то лишь его.

И на следующее утро, на второй день семинара, те двое сказали, что Ломтева ночью «прихватили».

– Что ж вы, поэты, своего-то бросили? – первым откликнулся седовласый Семёнов, что вчера говорил о судьбе за стихами Ломтева.

И он же, шепнув что-то в ухо такому же седому, но ещё и бородатому руководителю семинара, поднялся из-за стола и пошёл к двери. И Олег Воронин, поняв его движение, пошёл за ним.

...Приехали в вытрезвитель, а там, в «приёмной», где сидела усатая тётка-милиционер, и ещё милиционеры, и «клиенты», Ломтев читал стихи. Помнится: «Январь черёмуховый веет вчерашний снег с холодных веток. Сей мир – лишь череда смертей и новых жизней, век от века...» И его слушали серьёзно и молча...

А за окном мелькали и мелькали кусты, деревья, телеграфные столбы, дома деревень...

Водитель опять закурил, и Воронин тоже достал сигарету и зажег её, чуть приоткрыл форточку со своей стороны, и дым сигареты, уплывая за окно, растворялся в воздухе, становился его частью. И из души Олега Воронина будто выдувало всё лишнее обтекающим машину ветром.

Он любит дорогу, вот эти минуты в пути, может быть, больше всего в своей журналистской работе, а может, и во всей своей жизни.

...Прекрасно ехать и ехать. Удивительное состояние: ты занят делом – едешь. И при этом – свободен от всего остального. Едешь, смотришь и не думаешь даже, а просто вбираешь в душу законные пейзажи или, прикрыв глаза, слушаешь радио или дремлешь. Рядом немногословный, знающий своё дело водитель. Закуриваешь, приоткрыв форточку, выставляешь кончик сигареты наружу, и пепел сразу уносится ветром, и дым сам собой вытягивается за окно... Ехать и ехать...

Воронин вскинулся от забравшей его дремы и увидел, что уже приехали.

Отреставрированный барский особняк с наивными деревянными колоннами на входе, с широким крыльцом, с мезонином... Весь дом свежеекраснен коричневой краской, колонны и наличники окон – белой. Крыша поблёскивает железными листами... Уже какие-то машины и автобус «ПАЗ» на площадке перед входом...

– Здравствуйте, – приветствует высокая, в строгом бордовом костюме (прямая юбка и пиджак), светловолосая немолодая женщина. – Вы из газеты? Очень хорошо. Проходите, пожалуйста...

Водитель остаётся в машине, он, кажется, никогда и не выходит из неё. Воронин сколько раз ездил с ним по всяким журналистским делам – и ни разу Вадим ничем не заинтересовался, разве что в столовую или в киоск за сигаретами.

...Вообще-то здесь музей помещицкого быта – комнаты со старинной мебелью, личные вещи последнего поколения помещиков Дубовых. Потом, говорят, был тут сельсовет, потом уж жилой дом на несколько семей...

...Вот здесь ты и жил, первые и самые задушевные детские впечатления – отсюда. Где была ваша комната?.. Ага, говорят, что здесь, где и размещается «твоя» экспозиция. Одна стена – стенка печи, напротив – стена с окном, вдоль других двух стен, наверное, стояли кровати – твоя и твоей матери, а между ними, под окном, стол... Ничего другого тут и не выдумаешь в такой комнатёшке... Ну, стул у стола, за материной кроватью, ближе к двери – шифоньер... Про отца ты не рассказывал и в биографических справках перед подборками стихов в журналах о нём не вспоминал. Но тёмные волосы и вспыльчивость, наверное, от него... Сейчас тут обшитые гипсокартоном, в приятный розовый цвет крашенные стены (ты писал про старые обои, рисунки на которых превращались в твоих мысленных путешествиях то в архипелаги неведомых островов, то в джунглевые заросли). Стенды с фотографиями, на столах разложены журналы и газеты, развёрнутые на страницах

с твоими публикациями. «Молодые дарования» – заметка в областной газете, в которой теперь и трудится Воронин. «Среди поэтов руководители семинара особые надежды возлагают на Сергея Ломтева и Олега Воронина...» Мутная общая фотография участников и руководителей семинара. (Ну, тебя-то сразу видно – на две головы всех выше. А себя Воронин еле узнал сидящим в первом ряду.) Единственная «самиздатовская», на плохой бумаге неряшливо сделанная книжица «Заветный край». Публиковался ты много, а с изданием книг в те, девяностые, была напряжёнка, особенно для таких, как мы, – начинающих... А на полу сейчас гладкий линолеум, ты же писал о «щелястом поле» и о том, как когда-то, перебирая пол, сняв старые половицы, кто-то найдёт под ними пару материнских заколок для волос, оловянного солдата, двухкопеечную монету, которую ты берёг для поездки в город, чтобы из вокзального телефона-автомата позвонить девочке Ире, с которой познакомился летом, и она дала тебе номер телефона, а адреса ты не знал, но стеснялся спросить у её бабушки... Берёг монетку, да не уберёг, и вместе с ней, может, закатилось под половицу само счастье... Это всё в твоей поэме «Старый дом»...

– Вы из газеты?

– Да.

– А я из Лебединска, там Сергей Николаевич жил в последние годы своей жизни, мы тоже организовали небольшой музей... – Женщина хотела рассказать о деятельности «инициативной группы по увековечиванию памяти»...

И Воронин включил диктофон.

Мария Ивановна, так звали эту энергичную и, видимо, до сих пор влюблённую в Ломтева женщину, рассказывала:

– Я возглавляю комитет по увековечиванию памяти Сергея Николаевича Ломтева. У нас в школе уже три года действует музей его имени. Я приехала сюда не только для того, чтобы рассказать, что мы сделали по увековечиванию памяти Ломтева, но и обговорить вопрос об издании новой книги, потому что найдены его неопубликованные рукописи. Теперь мы издали диск песен на его стихи...

Говорила она, глядя на диктофон, будто именно для него, для диктофона – живого, понимающего существа. И говорила так, как не говорят люди в обычной жизни. И когда Воронин оборвал её вопросом, удивлённо даже подняла на него глаза.

– Как к нему относились люди-то в Лебединске? Я знаю, что он часто попадал в переделки... – спросил Олег.

– Люди к нему относились хорошо, – опять для диктофона заговорила Мария Ивановна, – он человек доброжелательный был. Сергей Николаевич не очень любил власть за отношение к простым людям и откровенно об этом говорил и писал, и это, конечно, не всем нравилось. Но люди его очень уважали. Работал он и в редакции, и в мелиорации, при Доме культуры работал... Он так тонко чувствовал и знал природу... И ещё одиночество его... В стихах это всё проявлялось. Помните: «Я так бываю одинок...»?

...Да, я помню, как ты читал именно это стихотворение.

*Я так бываю одинок!
Насытившись водой и хлебом,
Я, как святой отшельник, мог
Молиться под открытым небом...*

– Кто ж не даёт-то, Серёжа? – я спросил-поддел (я был одним из немногих, кому позволялось высказывать замечания о его стихах).

Но тогда ты не принял шутку, зло глянул и продолжил:

*Но потерялся на земле.
Я потерял Святую Землю!..
Блуждаю горестно во тьме –
Кругом неверье.*

*И я ищу мой светлый край,
Где я ещё ни разу не был...
И только ниточки дождя
Соединяют землю с небом.*

В соседнем зале стали усаживаться на расставленные рядами стулья. Воронин туда пошёл, поторопилась и Мария Ивановна.

Большой фотопортрет на стене. На белый экран проецировались поочередно плохо различимые старые снимки. Школьники, маленькие и большие, читали его стихи... Парень-старшеклассник прочёл с чувством, с толком – сел сбоку от Воронина, вытянул ноги, развалился, ухмылочку изобразил... Мария Ивановна снова рассказывала о том, что делается для «увековечивания памяти» комитетом по этому самому «увековечиванию»...

Я помню, как ты заходил в редакцию, тебя было слышно ещё из коридора – твои быстрые твёрдые шаги, громкие приветствия. «Здорово, сидень кабинетный!» – или что-нибудь подобное кричал ты с порога. Рассказывал, откуда в очередной раз ты возвращаешься в городок Лебединск, в котором был твой вроде бы дом, в котором ты жил между разездами, а в последние года три почему-то, кажется, безвыездно. А возвращался ты то из Сибири, то из Питера, то из недавно открывшегося, из руин восставшего монастыря, в котором жил послушником... Но ведь и я на месте не сидел – в эти же годы всю область объездил, да и за пределами её бывал. Тебя уже много публиковали и в Москве. Но вот с книгами, тем более поэтическими, ничего не получалось. Это прямо изводило тебя... Я пристраивал твои стихи и в нашей газете, хотя это не приветствовалось руководством, и даже выбивал гонорар авансом, который ты обычно в тот же день и пропивал. Я уже не участвовал в пропивании, как бы ты ни обижался... И никогда я не завидовал тебе, и даже не обиделся, когда ты эту самую зависть с моей стороны предположил...

Воронин уже был серьёзным журналистом, хорошим очеркистом слыл. Но публиковать в «своей» газете свои стихи не позволял себе сам, хотя иногда публиковал их в других газетах.

– Сядь нормально! – довольно громко и неожиданно, кажется, даже для самого себя, сказал парню-старшекласснику.

И тот послушно подтянул ноги и сел, внутренне напряженившись. И Воронину стало совсем неудобно сидеть рядом с ним, и пересесть не мог.

Зальчик маленький – мест на тридцать, половину из которых занимали школьники и учителя, ещё несколько – музейные работники, и были ещё какие-то женщины, и один очень серьёзный мужчина с уныло висящими усами, наверное, одноклассник Ломтева...

*Я переписчик снов,
Я очарованный странник,
Я переплётчик строк,
Я отовсюду изгнанник.*

*Я растерял на лету
Всё, что не стало сутью,
Я вечно у черты,
Вечно на перепутье.
Я неизвестный солдат,
Я всадник на поле битвы,
Я песенный акробат,
Идущий по лезвию бритвы.*

Очередной школьник прочитал очередное стихотворение Ломтева. Так себе стишок... Эмоций много, смысла – маловато. Воронин помнил, как сам Ломтев читал это стихотворение – и с его голоса оно казалось шедевром. И было в нём это, правда было: «у черты», и «по лезвию бритвы» было... Однажды появился ко мне в редакционный кабинет с замотанной какой-то тряпкой головой и при этом босой. Сел в кресло, стал рассказывать, как возвращался из Москвы и пил с какими-то уголовниками, читал стихи им... А очнулся с разбитой головой под дорожной насыпью, раздетый, без денег, без вещей, километров десять до города пешком топал... Вдруг ему стало плохо. Вызвали «скорую»... На следующий день Ломтев сбежал из больницы...

Потом ты имел неосторожность испортить отношения с областной писательской организацией: было какое-то застолье, ты перебрал и высказал всем всё, что о них думаешь (а думал ты о них мало хорошего, только Семёнова и уважал). В полный голос и далеко отправил даму из департамента культуры...

Сам потом признавал, говорил: «Да, я не имею права требовать от них того же, чего требую сам от себя». Но слова были сказаны, и все двери в области оказались для тебя закрыты. (Но только не моя!)

Потом ты издал этот сборник за свой счёт. И сам продавал его. И когда я не купил – ты очень обиделся. (А я обиделся на то, что ты не подарил мне, а предлагал купить. Теперь понимаю, что тебе важно было именно продать хотя бы несколько книг, чтобы доказать кому-то, что ты профессионал.) И, кажется, ведь это и была наша последняя встреча, потом – только письма. Ты жил в своём крохотном городке или посёлке, в который занесло тебя, кажется, вслед за очередной женой, и действительно, судя по письмам, работал то в одной шараге, то в другой – и в какой-то «мелиорации», и сторожем, и даже скотником. И кажется, всё время ругался с каким-нибудь начальством...

В одном из последних писем ты просил помочь деньгами. Деньги нужны были, по твоим словам, для переезда. Я знал, если уж Ломтев просит – значит, и правда сильно прижало... Переезжать ты хотел в родной – вот этот посёлок... Не успел или что?.. В последнем письме – о том, что выписался из районной больницы, опять избил сильно (а избить-то тебя и можно было, только опоив чем-нибудь или уж ломом из-за угла). Кто избил, за что, писал ли заявление в милицию?.. Ни слова об этом, о переезде и деньгах тоже ни слова... Потом – год ничего от тебя. Потом – весть о твоей смерти...

Что там случилось, отчего умер – ничего не известно. Говорят – сердце.

А я все эти годы работал журналистом (но и писал стихи!). Да, я не ходил по лезвию, не метался по стране, не рвал на груди рубаху, не лез в драку. Двое детей у меня, жена, дом... А у тебя? «После меня останется гора пустых бутылок и толпа брошенных баб», – смеясь, говорил ты.

И вот ты стал поэтом, тебя помнят, читают, поют. Я сижу здесь, в этом зале, для всех я всего лишь «корреспондент», который должен будет рассказать в газете об этом мероприятии и о тебе.

Эх, Серёга, Серёга, помнишь: капель, солнце, стихи, молодость, надежды... Всё будто в щель меж половиц и закатилось...

Воронин не дождался окончания «вечера памяти». Вышел на улицу. «Уазик» стоял у крыльца, водитель, кажется, спал, опустив голову на руки, скрещённые на руле. Зачем-то Воронин пошёл по асфальтовой дорожке вокруг здания, сигаретный дымок тянулся за ним. На задах дома были остатки барского парка – толстые липы, корявый с дупластым стволом дуб... Пруд, серый ноздреватый лёд которого усыпан пустыми бутылками и банками из-под пива... Куст сирени с бледно-зелёными веточками. И на одной ветке – красногрудый снегирь. Сидит, не улетает, круглый глазок на Воронина уставил...

А ты смог бы написать об этом снегире, ты бы непременно написал о нём. Вот так, например:

*И снегирь на голой ветке
Как фонарик вечности...*

Но написал-то я...

2. ВОРОНИН

Раздражение нарастало...

Всем недоволен Олег Воронин – на работе, дома... Сам себя внутренне корит: «Уж за пятнадцать-то лет работы в газете можно бы и привыкнуть... Что психовать-то?.. Ну?..»

Привыкнуть-то к чему? А к тому, например, что происходящее на самом деле не всегда соответствует тому, о чём приходится писать в газете. Это ещё мягко выражаясь – «не всегда соответствует»... И это вот тоже раздражало, что приходится «мягко выражаться», он уже и привык к таким обтекаемым, мягким выражениям. И не только в газетных статьях... Привык, да вот что-то и случилось – с ним случилось, внутри него, ну, в душе, что ли...

То, что стихи уже лет десять не пишет – это ладно, это глубоко-глубоко, так, что и сам не докопаясь. Но всё же он имел возможность писать и с удовольствием писал очерки – обо всём. Поехал в колхоз «о видах на урожай» поговорить – и потекло: «Лес стоял вдоль дороги тёмной стеной, в полях догорали клочки снега, небо, как линия голубая тряпица...» и т.д. Птички поют, травка растёт... Можно и интервью с интересным человеком сделать – и он делает. И об экономике написать – и пишет... Обо всём может...

«Для чего, кому надо это?..» О том, как трижды «открывали» в соседнем селе Дворец спорта – сначала на День района, потом к приезду губернатора, потом ещё раз к приезду министра... О том, какие замечательные автобусы начала выпускать в их городе какая-то компания, купившая разорившийся завод, – редкостно уродливые автобусы. А он, Воронин, рассказывает, как городской голова подписывает договор с начальником этой «компании»... Или о том, как замечательно поднимают в области льноводство... Сперва уронили, теперь поднимают...

Впрочем, всю страну уронили...

– Ты чего? – спросила жена.

– А чего?

– Да устоялся в одну точку, как... не знаю...

– Ничего.

Вот и поговорили. Воронин поднялся и ушёл курить с кухни на балкон.

Но разве всего этого не было пятнадцать лет назад, когда начинал работать в газете? Было. Но... До какой-то критической внутренней черты дополз.

«Ложь и попса диктуют правила жизни». Да, да... Вот, кажется, он нашёл верные слова, с которых мог бы начать статью... Но кому нужна такая статья? «Мне?.. Нет – мне нужен поступок, а не статья».

Но в чём ложь той же попсы? Народу-то ведь нравится...

Внизу у подъезда как раз остановилась машина, из которой гулко неслась усиленная динамиками ритмичная музыка.

Воронин ушёл с балкона.

На следующий день ехал в колхоз, где как раз «поднимали льноводство».

В области есть специальная программа по поддержке хозяйств, сеющих лён, деньги под это дело выделяются.

– Вот десять гектаров посеяли, поднимается неплохо, – показывал ярко-зелёное от свежих всходов поле главный агроном.

Едут полевой, в колеях и рытвинах дорогой. Воронин молчит. Агроном, давний уже знакомец, не видя реакции на свои слова, как-то даже подрастерялся.

Воронин спросил наконец прямо:

– А убирать-то будете?

– То есть?.. – удивлённо смотрит на него агроном.

– Чего «то есть»?.. Вы и в том году сеяли, осенью половину запахали. Потому что субсидируют вас по посевным площадям, потому что по этому же показателю отчитываются в Москве, а чего там дальше – никому не интересно.

– Ну, да, да... А чего его убирать – лишние расходы, если реализовать негде. Льнокомбинат-то закрыли. А в соседнюю область везти сдавать – так цену там такую дадут, что дорога не окупится... Да и что такое эти десять гектаров – это мизер, для показухи и отчёта... Ну? Эту правду ты хотел? Так ты её и так знаешь. Всё равно ведь писать-то об этом не будешь...

– Не буду, не буду... Ладно, не обижайся... Сколько, говоришь, гектаров нынче-то засеяли?..

...Дома – сын к компьютеру прилип.

– Привет, уроки сделал?

– Привет, пап... Ага, сделал...

Жена пришла. Поужинали. Сел у телевизора с пультом в руке. Новости... Сериал... Новости... «Нет – это невозможно... Враньё, всё враньё».

Бросить всё, зажечь настоящей жизнью. Ну, в деревне, например. Дом, огород, река... Люди простые, деревенские... Да-да, уехать в деревню. Или в городишко, сонный районный центр... Как написал один знакомый по молодости поэт: «...где не горчит, а радуется вино, где умных лиц не делают при встрече...» Но ведь тот же поэт о таком же вот городке и написал: «...Люди здесь хорошие живут... Как живут – убей, не понимаю!»

«Что же произошло со мной, со всеми нами?..» В конце восьмидесятых годов он, Воронин, впервые увидел «бомжа» (тогда ещё и словцо-то такое не бытовало) – тот что-то вытаскивал из мусорного ящика и складывал в мешок, а что-то даже прямо тут же и ел. «Сумасшедший!» – первое,

что подумал, и никакого другого объяснения этому случаю не нашлось тогда. Теперь таких «сумасшедших» – по пятку у каждой помойки, и никого это не ужасает...

И, на мгновение вернувшись к мечтам о «домике в деревне» («Опять навязанный телеящиком словесный мусор», – отметил Воронин, привыкший контролировать даже собственные мысли.), сам себе и ответил словами другого поэта: «...Не купить мне избу над оврагом и цветы не выращивать мне». Хотя бы это надо себе честно сказать. И говорю. Или честность перед самим собой – здесь и сейчас, или невозможность честности в какой-то деревне-мечте...

– Ну что с тобой? – как вчера, спросила жена.

– Ничего, устал...

– Давай съездим куда-нибудь на выходные.

– Давай... Уйти, может, из газеты?..

Жена посмотрела на него внимательно. Да, именно так – внимательно и (она хорошая жена, его Вера) понимающе.

– Ну, уйди... А куда?

Задала с женской непосредственностью вопрос, который сам себе не боялся, а именно стеснялся задать.

– Да никуда, конечно...

– Папа, давай партеечку! – сын с шахматами подошёл.

(Они почти каждый вечер играют. «Да я же счастливый человек!»)

– Давай-давай...

Но легче не становилось...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Самое трудное – начать.

Пусть будет так: сидели двое и разговаривали...

Мастерская художника: высокие окна, комната, заставленная картинами и этюдами в рамках и без (в основном это пейзажи – городские и сельские, виды природы, на всех картинах много неба и облаков), на полках книги, старинная утварь – пара прялок, корчага, ендова. Посреди мастерской – мольберт с начатой картиной, на которой храм... И опять небо и облака...

Хозяин мастерской – маленький, округло-мягкий, уютный, в свитере крупной вязки, с округлой небольшой бородой, плешинкой на макушке среди мягких, тёмно-русых, слегка вьющихся волос. Сидит в старом, с затёртой матерчатой обивкой, но с какими-то фигурными подлокотниками кресле перед полукруглым, на выгнутых ножках столиком и аккуратно режет ножом на дольки яблоко; тут же – плитка шоколада и тёмно-зелёная, матовая, с золотисто-коричневой этикеткой бутылка, пара рюмочек.

По другую сторону стола – худощавый, с глубокими залысинами мужчина, в простом сером костюме, в голубоватой рубашке, без галстука...

Запах красок и скипидара и примешавшийся к ним аромат коньяка, неяркий дневной свет и давнее их приятельство располагали к неспешному разговору...

– Ну, давай...

Выпили. И продолжили:

– А что такое свобода? Возможна ли она у нас, в России? Да и нужна ли она? – вопрошал хозяин мастерской, художник Игорь Мягков, с явным удовольствием рассасывая дольку шоколада. – Болотников, Разин, Пугачёв – реки крови во имя свободы, которой они и не понимали же! Их свобода, может, пострашнее рабства... Потом декабристы, народовольцы, эсеры и большевики – и всё кровь, кровь и кровь во имя свободы. Но вот, казалось бы, свергли тирана, получили свободу в результате якобы бескровного февраля, а за ним уже и кровавый октябрь, а там и красно-белый террор по всей России, махновщина...

– Игорь, я знаю историю, – перебил его Олег Воронин. – Но если люди идут на смерть за свободу, как бы они её ни понимали, значит, это необходимость, потребность жизни души, превышающая потребности жизни бренного тела... «Смерть живая – не ужас. Ужас – мёртвая жизнь», – сказал хороший поэт Прасолов...

– Да надо разобраться сперва, что есть свобода, – перебил его Игорь. – И что на самом деле надо человеку: волю-вольную, но без штанов, или некоторое ограничение этой воли, но с комфортом, да и даже без особого комфорта, но с возможностью спокойно работать, допустим, на своём заводе и кормить семью...

– Это ты говоришь в стране, где сто лет назад произошла именно пролетарская, то есть рабочая революция! – резко прервал его Воронин. И продолжил: – Человек изначально свободен. Но мы продаём свою свободу, своё первородство за чечевичную похлёбку комфорта, каких-то прав человека, за борьбу за эти права.

– Олег, я читал эту статью, – миролюбиво ответил Мягков. – Ты хорошо пишешь... Давай выпьем. – Он капнул по рюмкам, полюбовался ещё на свою, повертел на фоне окна, и коньяк в ней становился то жёлто-янтарным, то тёмно-медовым...

Воронин выпил как хлопнул – не задерживаясь, заел яблоком.

А Мягков, мягко сглотнул, посмаковал, положил на язык дольку шоколада. И миролюбиво сказал:

– Смотри: международные сообщения уже ограничили, практически – закрыли. А вот завтра, например, ограничат передвижения и внутри страны – к этому же идёт. Вот и вся твоя свобода. Но ведь с этой, как её, пандемией, бороться надо? Надо. А ради этого можно и свободу ограничить...

Воронин подхватил раздражённо:

– В Москве, говорят, уже стоят в метро какие-то специальные аппараты – температуру на расстоянии меряют и, у кого повышенная, выхватывают из толпы...

– Ну вот, а ты говоришь – свобода...

– Я не говорю, что это правильно...

Такие разговоры на самые разные темы случаются у них частенько. Воронин приходит в мастерскую Мягкова в «Доме художников» в свободные от дежурства в дендрарии дни. Они почти всегда расходятся во мнениях – постороннему человеку может даже показаться, что они ругаются... Но оба уже не могут без этих разговоров.

Когда-то, лет десять назад, на открытии выставки местных художников Олег увидел картины Мягкова и был поражён свежестью красок, точностью и сокровенной художественной скромностью его работ, в основном – пейзажей. И сам подошёл к нему, познакомился, подарил свою первую книгу...

С тех пор и встречаются, разговаривают.

Вот и сегодня, в предапрельский день високосного года...

...Ещё в детстве, учась в художественной школе, он мечтал макать кисть в небо, в реку, в траву и рисовать живыми, взятыми прямо из природы красками... Или увидеть мир глазами собаки, коровы... Со временем всё прошло, но, так говорят многие, ему удаётся передать невидимое: «белый свет», воздух, тишину... «Мягков удивительно свободен в своём творчестве», – писал о нём один критик. Но он-то знает, что это всего лишь имитация свободы...

2

Назавтра объявили об ограничениях: передвижения по городу только в своём районе или с пропусками от руководства предприятий, выезды за пределы города и области через контрольные пункты, со справками о здоровье и подтверждающими необходимость выезда документами, обязательные медицинские маски...

Вера Воронина сразу же созвонилась с дочерью Светой, которая учится в соседнем городе в колледже культуры.

– Мама, нас закрывают на карантин в общежитии! Отпускают, только если родители приезжают. Мама, заберите меня! – слёзно просила дочь.

Да уж, сидеть безвылазно в общежитии в чужом городе – радость небольшая...

– Надо ехать за Светой, – сказала мужу, собиравшемуся на дежурство. – Прямо сейчас надо ехать, – повторила.

Воронин ещё по инерции продолжает собираться (кладёт в наплечную сумку тетрадь, книгу), но уже и сам понимает, что надо как-то ехать за дочерью. И ехать как можно быстрее. Непонятно, что будет завтра – может, отменят автобусные рейсы...

– Ты слышишь меня? – снова Вера и уже раздражённо.

– Слышу! Машину надо искать...

– Ищи!

– Не ори, пожалуйста.

Он отставил сумку и вышел на балкон, доставая из кармана телефон.

Конечно, задумывался он о приобретении машины, с женой говорили об этом. Плюсы: свобода передвижения, независимость от расписания общественного транспорта. Но минусы (для Олега) перевесили: во-первых, он не любит технику («железо», как он говорит), во-вторых, уход за машиной потребовал бы очень много времени и сил. «Это уже не свобода, а кабала». И разговоры о собственной машине прекратились... Но сейчас машина нужна...

Сначала надо договориться о подмене на работе. Их трое сторожей-охранников, дежурят – сутки через двое. Хорошо, если Гена согласится поменяться сменой, а если нет? Не останется же Коля на вторые сутки...

Позвонил Гене Соболеву без особой надежды (тот не любит меняться), но Гена неожиданно легко согласился.

Так – это решено. Теперь – машина.

Позвонил приятелю, живущему в соседнем доме (такой же панельной пятиэтажке-«хрущёвке»), имеющему машину, который иногда, при необходимости, соглашается подкинуть по городу и даже недалеко за город. Знакомы они давно, приятель пишет стихи (безнадёжно плохо) и бывает на всех литературных мероприятиях.

– Сергей, привет! Такое дело... Надо бы съездить... Я заплачу...

Почему-то, ещё не услышав ответ, Олег понял, что Сергею не надо было звонить.

А тот закричал в трубку, заговорил тоже смущённо:

– Слушай, и по городу-то с пропусками... На выездах посты... Чего-то я это...

– Ладно, Сергей, понял. Извини.

Олег выключил телефон и вспомнил о Вадиме, с которым когда-то, давненько уже, колесил по дорогам области. Их обоих тогда и уволили из газеты («по собственному желанию»): Олег просто отказался писать очередной материал; Вадим ушёл в запой, из которого еле вышел через три недели.

Номер его в телефоне сохранился. Хорошо, если не изменился. Если ответит, если сможет...

– Да! – резко ответил Вадим.

– Привет, это Воронин. Ты на колёсах?

– О, привет! На колёсах.

Вадим согласился. «Ничего, – сказал, – прорвёмся». И Воронин поверил, что они прорвутся.

Он вышел с балкона:

– Звони Свете, что я приеду сегодня. Пусть всё соберёт.

Вера одевалась в прихожей.

– Договорился? – переспросила.

– Да.

– Осторожнее, – мягко сказала. – Позвони, когда туда приедешь и обратно тоже...

– Конечно, если связь будет... Пока...

Они ткнулись губами, и Вера поспешила за дверь, застучала каблуками по ступеням. На работу в свою библиотеку. Достала на ходу телефон...

Неожиданно отозвался трескучим баском сын Михаил:

– Да.

– Ой, Миша, привет. Я Свете звоню-то. У тебя всё хорошо?

– Да.

– Поел?

– Конечно.

– Маска есть у тебя? Без масок нельзя...

– Куплю, – уже раздражённо ответил сын.

...Олег оделся. Вадим приедет через полчаса. Надо успеть дойти до ближайшего магазина, снять в банкомате наличных денег. Хотя это, наверное, было непринципиально – Олег хотел расплатиться с Вадимом сразу и наличкой.

Банкомат в ближайшем магазине не работал. И сразу опять эта мысль (она не отпускала его в последнее время) о несвободе, о зависимости вот от этого аппарата, который сейчас просто не работает, и всё, от электронной карточки, от ещё сотен всяких формальных неживых вещей...

Позвонил Вадим:

– Я подъехал. Выходи. «Нива-шевроле» серая.

– Подбегай к магазину... – Олег назвал соседний магазин и поспешил туда.

Снял деньги и сунулся в аптечный пункт, тут же вспомнил про маски. А там неожиданная очередь – человек уже восемь. Олег встал и скоро понял, что все покупают маски и не одну-две... Оставалось три человека впереди, когда аптекарша объявила:

– Маски кончились!

– Как это кончились?! – возмущённо и сразу зло вскрикнула стоявшая перед Ворониным круглая женщина, в болоньевом плаще и берете. – Как кончились? – повторила.

– Так и кончились! По сколько берут-то! – сверкая большими стёклами очков, ответила аптекарша.

– Надо было не больше трёх в одни руки давать! – крикнула старуха от двери.

– А чего не по одной-то, – буркнул тоже зло Воронин и вышел из магазина.

Вадим уже ждал, дверца серой «Нивы» была приоткрыта.

– Привет.

– Здорово.

Пожали руки. Олег протянул Вадиму деньги. Тот отделил одну купюру, вторую вернул:

– Это лишнее, – спокойно сказал.

– Да... Ну смотри... Я тут маски хотел купить, а все расхватали... Как с цепи сорвались...

– Я успел, у нас в районе взял, в бардачке возьми, – опять спокойно сказал Вадим. И так же внешне спокойно добавил: – Теперь на всех намордники наденут... Заживё-о-ом...

Уже через десять минут выехали к посту ДПС, увидели, что там тормозят машины, проверяют. Вадим, не останавливаясь, свернул к какому-то магазинчику, встал.

– Ясно, – сказал вроде бы даже удовлетворённо.

– Что будем делать? – Олег спросил.

– Прорвёмся...

Вадим выехал от магазина на дорогу, но свернул не к посту, а в обратном направлении, а через квартал ещё повернул. Вскоре машина выехала на какую-то окраинную улицу с разбитым асфальтом, тихо перетекающую в просёлок. Дорога шла через поле параллельно шоссе... В городе снега почти нет, а здесь ещё снег, ещё только выглядывают первые в зелёных волосах озимых проталины.

И Олег вспомнил свою работу в газете, как выезжал с Вадимом на редакционном «уазике» в поля...

– Бросил курить? – спросил Олег Вадима.

– Да. И пить.

– Я тоже...

Выехали на шоссе.

– Вот и все их посты, – сказал Вадим и прибавил скорость.

Как всегда, у него в машине мурлыкала какая-то спокойная музыка, и пришло к Олегу то ощущение дороги, когда работа и дела отступают, потому что дорога сама по себе – дело. И пока она, дорога, есть – других дел нет (они есть, но их всё равно пока не сделать). Дорога дарит свободу...

Смотрел вперёд и по сторонам: дачные посёлки, старые деревеньки, поля, пробуждающиеся леса, ивы – в розовой дымке, ольшаник – в зеленоватой...

– Ты где сейчас трудишься-то? – спросил вдруг Вадим.

– Я-то? – очнулся Воронин. – Сторожу...

– Что?

– Дендрарий, – ответил Олег. И пояснил для надёжности: – Это где разные виды деревьев выращивают.

– Я знаю. Я бы дуб и клён купил. Хочу в деревне у дома посадить. Можно купить?

– Они не торгуют с частниками... Но я тебе и так дам.

– Ну смотри...

Впереди показалась будка поста ДПС. Вадим вытащил из кармана и одной рукой кое-как нацепил ещё твёрдую маску. Олег достал из бардачка и тоже надел.

У Вадима маска оказалась надетой синей стороной наружу, а у Олега белой.

Впрочем, пост оказался абсолютно пустой. Вадим сразу снял маску.

– Быстро нас выдрессировали...

Олег не ответил, маску сначала только сдвинул на подбородок, но от резинки скоро заболели хрящи ушей, и он тоже снял маску.

А через два часа уже и подъезжали к городу.

Вадим сбросил скорость, включил навигатор.

Олег видел, что он беспокоится. И тут вспомнил и удивился: как же раньше-то не подумал об этом? Он достал телефон и стал набирать номер.

Вадим тем временем ушёл с трассы на отворотку и притормозил на обочине.

В этом городе живёт и служит старый приятель Олега, ныне священник – отец Василий. (Когда-то Вася Сулов тоже баловался стишками.)

– Отец Василий, приветствую!.. Да-да... Вот еду за дочерью, да боимся, что на въезде задержат... Да... Хорошо... – Он обернулся к Вадиму: – Где мы находимся?

Вадим протянул руку за телефоном, взял:

– На северном выезде из города, за постом – сразу отворотка налево, – деловито сказал и вернул трубку.

От поста ДПС машину закрывали кусты... С другой стороны просёлка был негустой березняк, перемежаемый изредка невысокими ёлочками. В лесу ещё снежно. Но снег уже тяжёлый, мокрый, синий, усыпанный лесным мусором – кусочками коры, ветками, хвоей; на обочине клочья прошлогодней травы, колючий шиповник с почерневшими ягодами... На дорогу опустились две белобокие сороки, клюют что-то... Неожиданно из-за поворота выбежала собака (видимо, там, дальше по этой дороге, какая-то деревня) – пегая, с жёлтыми подпалинами, хвост крючком. Сороки с треском поднялись с дороги, сели на ближнюю берёзу. Собака, не обратив внимания ни на сорок, ни на машину и людей в машине, пробежала мимо, выбежала на шоссе и повернула, кажется, в сторону города... Сороки вернулись на дорогу. На шиповник села синица, повертела головкой, клюнула сморщенную ягоду...

«У всех своя жизнь, свои дела и заботы, которые не меняются годами, веками, тысячелетиями: снег падает, тает, трава растёт и вянет, птицы и звери живут соответственно своим повадкам и инстинктам... Только мы суетимся: то война, то революция, то эпидемия...» И тут Олег увидел в зеркало свернувшую с большака чёрную машину. Увидел и Вадим.

Чёрная «Киа» встала у обочины.

Олег Воронин вышел навстречу старому другу.

– Здравствуй, отец Василий!

– Здравствуй, дорогой, здравствуй!

Священник, в чёрном длинном подряснике и накинутой сверху болоньевой курке, шёл навстречу. Он первым протянул руку и ещё накрыл руку Олега большой пухлой ладонью и потряс.

– Здравствуй, дорогой, – повторил.

Был он на голову ниже Воронина, квадратно-толстый во все стороны, с широкой, на полгруди бородой, волосы гладко забраны назад, в хвост. В круглых старомодных очках. Выглядит старо, хотя одного с Олегом возраста.

Вадим из машины не вышел, священник сам к нему подошёл. Вадим открыл дверь, но не выходил, сидел. Олегу стало неудобно за него перед священником, но отец Василий будто и не замечал пренебрежения или грубости, радостно даже поздоровался и первым протянул руку.

– Здравствуйте, – ответил Вадим и тоже протянул ладонь.

– Вы машину-то на посту оставьте и садитесь ко мне. Съездим в город, пообедаете, – предложил отец Василий.

Вадим отказался.

– Ну, тогда здесь подождите, – покладисто согласился священник.

– Мы быстро, – добавил Олег.

Вадим кивнул.

– Минут через тридцать, – уточнил отец Василий.

Воронин набрал номер дочери – она сразу ответила, сказал, что скоро приедет...

Когда они сели в «Киа», Олег надел маску и, как бы оправдываясь, сказал:

– Вот только Вадим и согласился ехать.

– Да, сейчас многие боятся, – кивнул священник.

На КПП он благословляюще поднял руку к стороне молодого гаишника, тот, улыбнувшись, кивнул, пропуская машину.

– Ничего себе, как у тебя всё поставлено, отец Василий, – усмехнулся Воронин.

– Да он же у меня ребёнка крестил, – спокойно ответил священник. – Всё слава Богу...

– А вот зараза-то откуда эта навалилась? – Воронин прямолинейно задал вопрос священнику.

– Ну, откуда, я не знаю, а что Господь попустил, значит, так и надо – это знаю точно.

– Ну, к Пасхе-то, наверное, снимут запреты? – не отставал Воронин.

– Надеюсь. На то не наша воля...

– Да скоро нашей-то воли совсем не останется, отец Василий! Не ты бы – мне бы и за дочерью не прорваться!..

Священник не ответил, он уже свернул во двор общежития. И Олег сразу увидел на крыльце Свету.

Света стояла одна, в синих джинсах и расстёгнутом жёлтом пальто, и её светлые, до плеч волосы шевелил ветерок, и была она красива, хрупка и тревожна. Хрупкость её и тревожность подчёркивала огромная чёрная сумка, стоявшая на ступени крыльца. Олег, кажется, впервые так, со стороны увидел свою дочь и понял её уже взрослость и её незащитность в этой взрослости...

Света не сразу увидела его, только когда он вышел из машины. Обнял её, чмокнул в щёку (отчего оба смутились – дома у них это как-то не принято), подхватил сумку.

Света застеснялась священника и коротенько поздоровалась с ним, садясь в машину на заднее сиденье:

– Здрасьте...

– Здравствуй, здравствуй, – ответил добродушно отец Василий.

Олег поставил сумку в багажник и сел рядом с ним.

– Ничего не забыла? – спросил ещё у дочери.

– Да вроде нет...

– Что, все по домам разбежались? – спросил батюшка, выруливая на центральную улицу.

– Да, все... Тут делать нечего, – ответила Света. И добавила: – Сказали, дистанционно будем учиться.

– Дистанционно учиться, дистанционно молиться, жить дистанционно... – впервые выразил явное недовольство и отец Василий.

Снова проехали мимо полицейского КПП, и снова полицейский (но уже другой) козырнул машине священника.

Прощаясь, отец Василий и Олег Воронин обнялись. Батюшка ещё прочертил в воздухе крест и прошептал молитву вслед отъезжавшей «Ниве-шевроле».

Дорога к дому всегда быстрее...

На въезде в город их тормознули. Полицейский, лейтенант, круглолицый парень лет двадцати пяти, в сдвинутой на затылок зимней шапке, козырнул, невнятно представился:

– Руку, – сказал.

– Чего? – не понял Вадим.

– Руку, температуру померяю...

– А-а... Я уж думал: «руки»!

Температура у него и у Олега оказалась нормальной.

Заглянул лейтенант и на заднее сиденье и не стал будить девушку. Спросил:

– Откуда? Командировочное удостоверение есть?

– Да мы с дачи едем, командир, какое удостоверение? – стараясь быть непринуждённым, а оттого нарочито развязно сказал Воронин. Ему самому противно стало от такого тона... От себя...

– А как выехали? – не отставал полицейский.

– Так мы ещё позавчера туда уехали.

– Счастливого пути, – козырнул, махнул рукой и пошёл к машине, оставленной напарником.

Минуты две молчали. Потом Вадим процедил сквозь зубы:

– Убивал бы...

– Ментов?.. Полицейских?

– Да нет... Эти-то... исполнители...

– Ну, это же борьба с пандемией, – ввернул Олег ставшее за последние дни модным словцо.

– А может, лучше тогда уж на воле умереть? – вопросом ответил Вадим.

Олег оглянулся на дочь. Она сидела в наушниках и, кажется, спала.

Подъехали к дому.

– Звони, если что...

– И ты...

– Счастливо!

– И тебе! За саженцами-то приезжай.

Вадим в ответ неопределённо махнул рукой...

3

Миха Воронин (он любил, чтобы так, «Миха», называли его друзья) стеснялся того, что пишет стихи. Никому не показывал. Потому что стихи писал и его отец. И вдруг скажут: вот за отцом повторяет. А Михе хотелось самому чего-то добиться.

Но стихи появлялись будто сами собой, заставляли записать себя. И он подчинялся им...

Вот и сегодня быстренько набросал на листок:

Мы

*Мы – это ты и я, поэтому,
Когда я не знал тебя –
Нас не было.
Была другая, похожая на тебя,
И был другой – на меня похожий.
Но это не были ты и я,
Были просто прохожие,
Пробегавшие, пролетавшие,
Жившие мимо нас.
Я не знаю, как жил
И как буду жить
Без твоих глаз.
Но и ты без меня
Будешь не ты – другая.
Ты – это я; я – это ты.
Знаю!*

«Мы» – это понятно: он и его новая подруга Лена. Познакомились неделю назад на панковской тусовке. Пока что только дружат...

Миха уже года полтора живёт отдельно от родителей. Сначала снял комнату в общежитии, а потом переехал в квартиру, оставшуюся от умершей бабушки.

А случилось тогда, год с чем-то назад, что он бросил универ (поступил на бюджет истфака без всякой помощи, хотя отец мог словечко замолвить), получил повестку из военкомата и заявил, что в армию не пойдёт.

– Как не пойдёшь-то? Дезертиром будешь? – долдонил отец. – Ну как? Я вот тоже, если честно, не сильно хотел, но надо – и пошёл, и не жалею...

– Да ты сам себе врёшь, что не жалеешь. Просто не смог откосить.

– Да и не думали мы тогда о том, чтобы откосить!.. Ну, были единицы... Но я не жалею, что долг родине отдал...

– Скажи ещё, что армия сделала тебя мужчиной.

– Да, сделала! Посмотри на себя – дрищ! – уже кричал отец. – Я тебя отмазывать не буду.

– Без тебя справлюсь!

– Да хватит вам! – вмешивалась мать.

Светка отсиживалась в комнате во время этих кухонных разборок.

Кончилось тем, что однажды отец схватил его за капюшон толстовки и вытащил за дверь квартиры. Миха не сильно и упирался: во-первых, потому, что отец был в ярости (в таком состоянии Миха если и видел его, то пару раз за жизнь); во-вторых, боялся сам сорваться и ударить отца; в-третьих, он давно хотел уйти из дома (уже был подготовлен вариант с комнатой в общежитии), но не решался сделать этот шаг – мать жалел.

Конечно, мать тут же начала его вызванивать по мобильному, он не отвечал. Отец, конечно, побежал искать по соседним дворам и вернулся ни с чем. Тут Света сказала:

– Миша мне позвонил. У него всё нормально.

Вера выведала у дочери, где это общежитие, пошла на следующий день. Ну, помирились, конечно, все...

Миха тогда действительно сумел получить медицинскую справку, навсегда решавшую его проблему с военкоматом (дома не распространялся, но через

психушку, конечно, решил – перечитал массу книг и статей по теме и отлично сыграл «хроническую депрессию»).

Отцу уже спокойно сказал (заходил домой – «в гости»):

– Если надо будет родину защищать – пойду. А год жизни терять – не вижу смысла. Да ведь если война будет – не такая же, как раньше, там такие, как я, и не нужны будут. Я лучше буду заниматься тем, что у меня получается и что мне нравится. А служат пусть те, кто сам хочет. Таких хватает сейчас, платят там нормально.

И Олег Воронин молча, неохотно соглашался с сыном. Вспоминая и свою службу в части при штабе армии: два года перекрашивания казармы, подметания плаца и строевой муштры, не давшие, если честно, ему ничего, кроме разве что «жизненного опыта», который совсем и не нужен ему (дедовщина умеренная, умение откосить от дурацкой работы; да, сумел приспособиться за два года, а надо было?).

Тем временем Миха устроился работать в частную мастерскую по изготовлению мягкой мебели – руки у него всегда на месте были – и весьма неплохо заработал в первый же месяц. А на второй месяц ушёл с этой работы.

– Чего ушёл-то? – спрашивал отец. – Зарплата – у меня такой и не бывало...

– А зачем мне столько? – отвечал довольный Миха. – Я по панку живу, мне столько не надо. На жизнь мне в интернете заработка хватит.

– Ну, это пока хватит... – хотел Олег Воронин добавить, что неплохо бы и родителям помочь, да не стал. А сказал другое:

– В моё время панки уже были, но такие – дети помойки, вы, нынешние, почище...

– Ну, всякие есть... Дети помойки – это теперь, скорее, игра... Мы, нынешние панки, прежде всего – анархисты, за свободу от государства.

– Но без государства, а значит, и без администрации, бюрократии – невозможна жизнь общества.

– К администрации и бюрократии добавь принуждение и насилие. Почему же без этого нельзя? Ещё ведь не пробовали.

– Батяка Махно тоже был анархистом, но без насилия не обходился, – усмехнулся Олег.

– Это другое... Но сильно. Я читал про него. Если бы ему дали построить анархическую республику в Гуляй-поле, может, он и обошёлся бы без насилия, – серьёзно ответил сын.

– Ну, кто же даст... Пустые мечты, за которые реки крови льются. – Олег коротко махнул рукой, закрывая разговор. – А в интернете что за работа? – на всякий случай сына спросил.

– Да... не волнуйся, не противозаконная...

Вот так и живут: Миха раз в неделю к родителям и сестре заходит, мать каждый день ему звонит. А Олег вроде как даже успокоился по поводу сына. Двадцать лет почти ему – не пьёт, не курит, читает книги да свою непонятную музыку в интернет выкладывает. «Пусть. Женится – найдёт работу, жизнь (вернее, жена) заставит...»

Сейчас Миха («чисто по панку») изготавливал себе модную антиковидную маску: вышивал на тряпке с завязками зубастый оскал – прикольно. Он и штаны с дырами на коленях сам себе из джинсовых кусков сшил. И бейсболка затёртая и драная у него. И волосы до плеч... И скоро на тусовку... Там разговоры «за политику» и про музыку. Там Ленка. Потом, может, сюда с ней придёт... И в холодильнике сваренные макароны, банка тушёнки и помидор... И всё у него хорошо...

4

Вера боялась. Не за себя – за родных и любимых. И, кажется, она боялась всегда. Только в раннем детстве (она помнила многое из того времени) было время бессмертия и отсутствие страха. («Наверное, как у Евы и Адама», – подумала она недавно.) А потом долго болела и умерла бабушка, а ей, Вере, было десять лет, и она уже всё понимала... Она видела, как тяжело и больно было бабушке, она знала, что бабушка умрёт, что её не будет, совсем...

Потом, когда ей было четырнадцать, летом погибла на реке, утонула её подруга. Вера прибежала на берег, когда девушку уже достали из воды, и она лежала – красивая, как живая, мёртвая. И Вера особенно остро поняла, что смерть может быть и неожиданной, внезапной.

Боялась потом за родителей, которые ушли из жизни один за другим, уже давно... Очень боялась за детей... За себя только не боялась, думала так (может, услышала где-то): «Живу, пока живётся. Смерть – мгновение, а что потом – никто не знает». И ещё не боялась за мужа, за Олега. Потому что он – часть её. Они – часть единого целого. С первого мгновения, когда она, двадцатилетняя, никого до того не любившая, увидела и полюбила.

Когда сын из дома ушёл – поначалу чуть с ума не сошла, и только когда увидела, что Миша живёт в приличной комнате, работает, немного успокоилась. А главным образом успокоилась потому, что успокоился муж.

Когда Света проявила своеволие, уехала в чужой город поступать в музыкальный колледж – переживала очень. Опять Олег успокоил: «Мы всё думали, что Светка у нас маленькая, а она, гляди-ка, сама документы подала». Конечно, когда узнали, что Света прошла по конкурсу, поехала Вера с дочерью, посмотрела, где та будет жить и учиться. (Олег в тот раз поехать не смог.)

Теперь боялась, что дочь и сын могут заболеть этой новой и такой страшной болезнью. Новости из телевизора и интернета пугали.

– Запугивают, – говорил Олег. – Ну, что такое десять тысяч заболевших на всю Россию? Как будто других болезней нет... Да кто болеет-то – те, кто по границам шастает, нас это не касается...

Вера верила ему, успокаивалась, а потом видела в телеэкране белые, безликие фигуры врачей, больных с кислородными масками – и ужас охватывал душу... За детей.

– Да ты сама-то хоть одного заболевшего не по телевизору видела? – спрашивал муж.

Но когда бело-скафандровые фигуры появились у подъезда соседнего дома, что-то обрызгивали там, кого-то увозили на «скорой», тогда и Олег сказал: «Ну, надо соблюдать элементарные правила... Нас же с детства учили, проходя с улицы, мыть руки...»

А потом Вера увидела на своей работе, в библиотеке, обезумевшую от страха коллегу. Та в истерике кричала на пришедшую сдавать книги молодую маму с ребёнком – девочкой лет шести:

– Уходите! Вы чихаете. Ребёнок чихает! Уходите! Я полицию вызову!..

С искажённым лицом, дрожа, убежала в дальний угол зала, за стеллажи с книгами. Её насилу тогда успокоили... А Вера перестала бояться. Дома рассказала об этом случае Олегу.

– Так скорее от страха умрёшь... Стыдно глядеть.

– Да уж, – ответил муж. И добавил, усмехнувшись: – Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Но лучше ещё пожить... Ты, Вера, Мишке будешь звонить, так скажи, чтобы он по своим тусовкам поменьше шастал.

Вскоре библиотеки и вовсе закрыли – книги разрешалось заказывать по телефону, электронной почте или интернету. Выдавали в специальное окно: клали в коробку, читатель из коробки брал...

Да и вся страна, весь мир, кажется, перешёл на «удалёнку» и самоизоляцию.

Тем временем в Венеции сама собой очистилась вода в каналах. В Китае в зоопарках стали активно размножаться панды...

Да и в их городе воздух стал чище. Утром идёшь на работу – людей почти нет, редкие машины проезжают, да ленивые полицейские ходят, покачивая палками и наручниками на поясах.

Вера не пошла на удалёнку, не пошла во временный отпуск – осталась работать среди немногих сотрудников, «поддерживающих жизнедеятельность учреждения»...

А в город, в мир не спрашиваясь властно входила весна, свежая зелень покрывала деревья, кусты, газоны. Солнце, так редко баловавшее последние два-три года, заливало мир своим светом, и не верилось, что в этом солнечном свете может быть смертельная зараза, а хотелось жить и жить...

...И Светка влюбилась. Но пока что никто не знал об этом...

5

Олег Воронин сначала дошёл с Верой до её библиотеки, а дальше пошёл через город один. И хотя сейчас, в дни «самоизоляции», чувствовалась живая природа – свежая зелень, воздух, спокойная, играющая под встающим солнцем вода реки, – явно виделось уже не первый год и умирание города, того города, в котором он жил всю жизнь.

Нет, ему не жалко было старых, барачного типа, двухэтажных деревянных домов, составлявших целые районы города. «Хотя, – думал он, – когда-то, не так уж и давно, ещё для его родителей получить квартиру в таком доме с печным отоплением и водораздаточной колонкой метрах в ста, считалось за счастье: ведь своя, отдельная (и большая!) квартира. И в этих домах, с дворами, сарайками, помойками, люди жили, и у них было всё, чем наполняется жизнь: счастье, любовь, горе, смерть... Так почему бы и не оставить хотя бы один и такой дом, не сделать в нём музей быта шестидесятых-семидесятых годов прошлого века...» Такие мысли часто возникали у него, когда шёл он мимо полусгоревших (вернее, полусожжённых) таких домов, мимо стеклянно-бетонных новых построек на их месте...

Ещё думалось, что у каждого дома, двора, переулка, как у человека, есть своя тайна, свои прошлое, настоящее и будущее. Любой город, посёлок... да любое место хранит свою древнюю географию и историю. Или даже не древнюю, а вечную. Ведь древнейшее сливается с древним, древнее – со старым, старое – со вчерашним, вчерашнее – с сегодняшним... И всё вместе – предсказывает будущее... Это – душа места. И хочется эту душу понять. Хочется знать: а что было вот здесь, на месте этого дома, пятьдесят, сто, тысячу лет назад? А ведь что-то было! То ли жили здесь люди. То ли рос на этом месте лес – тёмный ельник или светлый березняк, и своя сложная жизнь шла в этом лесу... А потом появились люди, вырубил и сожгли лес, землю распахали, построили первый дом...

Будь он художником, как Мягков, нарисовал бы: современный дом, а в нём виден, просвечивает старый, деревенский, а в том старом – старинная избушка, а в ней – дерево...

Но даже на глазах одного поколения меняются пейзаж, планировка, архитектура. Уходит тот город, улицы, дворы, дома, в которых прошли твои детство и юность. А то и вовсе исчезает с лица земли родная деревенька. Они живут только в памяти. Потому так волнуют старые фотографии, уцелевшие от новой застройки уголки города, старые деревья и очертания огородов на месте деревни... Душа человека душе места отзывается!

Отзывается вот эта старая яблоня-китайка, сохранившаяся во дворе нового, безликого (но это для него, Воронина, безликого) дома. Он-то помнит этот район из частных деревянных домиков, примыкавший к его барачному району... И эти яблони... Нет тех домов, нет большинства людей, живших в них, а вот растёт яблоня, живёт, готовятся уже раскрыться на ней цветы... И вспоминает Олег, как именно с этой яблони, опустившей ветви за невысокий заборчик, срывал красные, некрупные, овально вытянутые, кислые и невообразимо вкусные, ароматные яблоки... По пути в школу. Той двухэтажной школы нет – на её месте девятиэтажный куб.

Он вышел на берег реки. Река была серая – и вода, и берега... Раньше в это время берега всегда уже зеленели свежей весенней листвой и травой, подушками прибрежных ив, пологими спусками к воде; вдоль берега, особенно у моста и там, где впадает речка Златица, на земляной кромке всегда стояли рыбаки с длинными удочками...

Сейчас – серо и пусто. Потому что в позапрошлом году начались работы по «благоустройству и укреплению» берегов: вырубил все кусты, сняли слой земли, засыпали берега щебнем, потом залили бетоном, сверху накидали булыжников. И валяются эти булыжники, как черепа, по всему берегу, кое-где торчат раньше скрываемые кустами какие-то ржавые трубы – из берега в реку. По камням-черепам уже не хочется подходить к воде. Из живой реки сделан сточный канал... И только утки и чайки, как раньше, качаются на воде или выходят на каменный берег, толкуются на воде под мостом, с которого дети и старушки, как и прежде, крошат им хлеб...

Люди, жители города, вяло протестовали против «благоустройства». Несколько городских оппозиционеров сделали себе хорошую протестную рекламу. Но дело благоустройства берегов было сделано, и теперь приходилось только ждать, когда эти камни будут засыпаны пылью, мусором, почвой, когда начнут они сползать в воду, а берега снова покрываться травой... Сейчас, на второй год благоустройства, видна только непрометаемая грязь между камней, да остался разбитый тротуар на берегу.

Олег Воронин перешёл по мосту реку, потом ещё по узкому мостику перебрался через речку Златицу и вскоре шёл вдоль деревянного, когда-то зелёного, облезлого, но достаточно прочного сплошного забора, огораживающего дендрарий.

Вдоль забора и во все стороны от него стоят сухие дылды прошлогоднего борщевика, а снизу уже прёт зелёными пузырями борщевик этого года.

В сторожке на входе встретил его лениво куривший сменщик Гена Соболев – здоровенный рыжий мужик, возрастом за пятьдесят.

– Здорово, Гена...

– Здорово-здорово... Что там, в городе, пропуска не требуют? – Гена спросил, взглянув на остаток сигареты между плоскими желтоватыми пальцами.

– Через весь город прошёл – ни разу не остановили.

– Понятно... – Гена затащился последний раз, откинул окурок и шагнул в комнату со столом, старым диваном и телевизором, взял свою сумку, сказал: – К Петровне зайди, пропуск даст.

Петровна – директор дендрария – была на месте, её голос был слышен в приоткрытое окно соседнего конторского здания – белокирпичного домика, во второй половине которого был склад для инструментов. Петровна кричит в трубку телефона (она всегда кричит): «Переводите, и всё будет... Нет, мы так не работаем. Предоплата!»

– Сморчки пошли, – показал Гена прозрачный пакет с грибами.

Воронин не считал их за серьёзные грибы, как и шампиньоны.

– Ну, давай, счастливо, – лениво подал руку Гена и пошёл вдоль забора в сторону автобусной остановки.

А к Воронину подбежал, виляя хвостом, «сторожевой» прилудный пёс (похоже, помесь лайки, немецкой овчарки и ещё какой-то породы) Шарик.

– Привет, привет, дружище, – потрепал его за холку Олег. – Принёс тебе, принёс...

Олег Воронин подумал и не пошёл к директору за пропуском, лишний раз встречаться не хотелось.

...Днём работа заключается в открывании ворот для изредка подъезжающих автомобилей – приезжают из «Горзеленстроя» и других организаций за саженцами. Ещё надо периодически обходить территорию.

В обед, пока ворота на запоре, прошёлся Олег по внутреннему периметру, новых лазов в заборе не увидел, а два старых, можно сказать – официальные. Первый выводит к ближайшему магазину, в который, бывает, и сторожа ходят (за сутки-то мало ли что понадобится может), второй – в противоположном конце, укрытый кустами акации – на всякий случай, для тех, кто знает о нём.

Сразу после обеда уехала на своей машине директор Петровна, даже не кивнула в окно, когда Воронин открывал ворота. Машина у неё такая – будто она директор крупного завода. Впрочем, у них действительно небольшое предприятие – сотни, даже тысячи саженцев редких и нередких деревьев и кустарников.

Говорят, что когда-то именно здесь акклиматизировали для севера борщевик Сосновского. Здесь или нет, но эксперимент прошёл успешно: тысячи гектаров земель русского Севера зарастают борщевиком.

Бороться с этим зелёным ядовитым паразитом на охраняемой территории – ещё одна обязанность Воронина и его сменщиков. Забор для борщевика не преграда – он и прёт зелёными пузырями, раздвигая почву и прошлогоднюю листву на территории дендрария не хуже, чем по ту сторону забора. По-хорошему, надо бороться с ним везде одновременно, и то, что они перекапывают на своей стороне, рубят, выдирают длиннющие корни, – дело пустое. Но Петровна крикнула, как всегда: «У нас чтоб не было!» – вот и ходят перекапывают.

Впрочем, стоит Воронин с лопатой у забора и видит, что Гена ничего не копал...

Олег натянул матерчатые перчатки и перелопачивал необычно чёрную для этих мест землю (видимо, когда-то сюда специально привозили чернозём), старался поглубже вкопаться к корням борщевика, выдёргивал их и выбрасывал через забор. Через щель увидел, что кто-то бродит там, в сорняковом сухостое. Прижался к щели вплотную и увидел бомжа Валеру, сивобородого, в солдатской шапке, одетого ещё по-зимнему – в какую-то старин-

ную, из свалывшегося искусственного меха шубу, на ногах добротные валенки (наверное, в церкви отдали) с чёрными резиновыми галошами.

– Привет, Валера!

– Здорово! – сразу откликнулся бомж, хотя не видел того, кто позвал его. – Закурить есть?

– Не курю... Поищу. Иди к дырке.

Олег вспомнил, где его курящие сменщики хранят заначку в строжке. Он прошёл через аллею молодых клёнов, с кулачками готовых распуститься листьев, через посадки лип и тополей, мимо крепких дубков, через берёзовую рощу, в которой впервые в этом году увидел и услышал скворца.

В ящике стола нашлась початая пачка бесфильтровых (похоже, из каких-то старых запасов) сигарет «Прима». Олег достал три сигареты, подумал и взял ещё три, завернул все в целлофановый пакет и аккуратно, чтобы не сломать, убрал в карман своей болоньевой куртки.

Он пошёл к пролomu, сдвинул две доски и сам вылез за территорию.

Валера ждал его, деликатно не подал руки. Воронин первым протянул ладонь:

– Здорово.

– Приветствую. – Бродяга аккуратно пожал ладонь.

– На.

Олег подал ему сигареты, дождался, когда Валера, достав одну, бережно уберёт остальные куда-то под шубу, прикурит от старой, прозрачной, лишь на третий чирк давшей чахлый огонёк зажигалки, сделает первую торопливую затяжку и вторую, уже сладкую, неспешную...

Лишь тогда Олег спросил:

– Перезимовали?

– Да... Серый помер в феврале, – ответил Валера.

Воронин покачал головой, но не стал спрашивать, отчего умер бомж Серый. Кивнул на борщевиковый сухостой и прущий молодой борщевик и спросил:

– Скоро перебираться будете?

– Да. На свежий воздух, – улыбнулся бомж чернозубым ртом и погладил подбежавшего к нему и похожего на него, в такой же свалывшейся бурой шерсти, со слезящимися красновеками глазами, пса.

...Небольшая колония бомжей – два-три мужика и одна бомжиха – каждую весну селилась в зарослях борщевика за дендрарием. Никто в эти ядовитые заросли не лез, а им того и надо – восстанавливали упавшую за зиму хибару из досок и ящиков и жили своей жизнью. В дендрарий бомжи не лезли, но всё-таки за годы соседства сторожа и бродяги стали узнавать друг друга. На зиму бомжи уходили в теплотрассу, а весной возвращались.

Олег никогда не спрашивал, понимая, ненужность таких вопросов, но сейчас почему-то спросил:

– Не устал, Валера, от жизни такой?

– А чего от неё уставать, от воли-то? – блаженно улыбаясь (наверное, от сигареты и солнышка), ответил тот.

– Это – воля?

– Ну, не тюрьма же... Да ведь и надо жить, пока не помер.

– Это точно, – кивнул Воронин.

– Говорят, какая-то зараза появилась новая, мрёт народец... Да? – спросил заинтересованно Валера.

– Да. Ковид какой-то... Вот, в масках ходим... – Достал из кармана мятую бело-голубую медицинскую маску.

– Ну, тогда я пойду... – серьёзно ответил Валера, но тут же опять улыбнулся и добавил: – А то ещё заразу своим принесу.

И пошёл. Он шёл, стараясь не ломать старые стволы борщевика и не наступая на новые стволы и листья, кажется, значительно подросшие за этот день.

Воронин не стал больше перекапывать землю вдоль забора, вернулся в сторожку, покормил Шарика, заварил чай. В блокноте записал: «Время масок. За маской безопаснее, за маской удобнее... За маской честного чиновника – брать взятки; под маской благочестия – совершать мерзости; под маской человеколюбия – ненавидеть весь мир... Под маской заинтересованности или «занятости делами» – скрывать равнодушие... И носим одну, две, три маски одновременно, меняем одну на другую. Забываем самих себя истинных...»

Олег Воронин передал смену молодому, чернявому, улыбочивому сменщику Мише, который приехал в дендрарий на своей машине – в остальные дни он работает таксистом.

Пошёл не сразу домой, сначала к Мягкову. И снова сидели, пили кофе и по капле коньяка и разговаривали.

– Семидесятые-восьмидесятые годы прошлого века принято называть временем застоя, а как назвать время нынешнее? – спрашивал Воронин.

– Время трясины, – отвечал Мягков.

– В смысле...

– Трясина – бездонное грязевое болото, подёрнутое сверху красивым моховым ковром. По-моему, очень точная характеристика наших дней... Смотри: лужа застоя сменилась бурей перестройки и девяностых, взбаламутившей всю грязь в этой луже; потом – затишье благополучных двухтысячных; искусственный всплеск четырнадцатого года... И вот – нынешняя трясина. Трясина, поглощающая экономику, культуру, судьбу, жизни... Чья-то судьба тонет в трясине несправедного богатства, чья-то – гибнет в безысходной нищете; кто-то теряет совесть ради карьерного благополучия... Трясина...

– Хорошо: была застойная лужа, теперь – трясина... Что ещё будет?

– Боюсь, что будет провал, чёрная дыра, которая поглотит сама себя... Конец... Но конец – это всегда и начало чего-то нового...

– Да, обнадѣжил...

– Ну...

И ещё выпили по тёплому глотку коньяка...

6

И Светка влюбилась...

Кинотеатры закрыты, дискотеки, театры – всё закрыто. И по улицам-то ходить, кроме как до магазина и обратно, без каких-то пропусков нельзя.

Вот они – Света Воронина и Ксюша Золотова – и гуляли «в магазин»: по набережной до пешеходного моста и обратно – до берёзовой аллейки на берегу.

Вечер был тихий и светлый, душу заливало радостью и предчувствием счастья...

Девушки остановились на берегу, напротив красивого пешеходного моста, в арке его виднелись церковь и совсем свежая, нежная зелень кустов ещё не «облагороженного» и не «укрепленного» в том месте берега, и солнце как раз опускалось за церковь...

– Давай здесь, – сказала Ксюша и встала на краю берегового склона: невысокая, стройная, с короткой стрижкой крашенных в чёрный цвет волос, в вызывающе ярко-красной курточке, синих расклешённых джинсах и красных ботинках на толстой чёрной подошве. Повернулась одним боком – улыбнулась игриво, развернулась другим – сделала задумчивое лицо.

Света фотографировала на её смартфон.

Потом поменялись. Света встряхнула русыми до плеч волосами, встала – в бежевой длинной куртке, голубых джинсах, белых кроссовках...

Затем вместе делали селфи...

– Полиция! – шёпотом сказала Ксюша в ухо подруге.

К ним шли двое полицейских.

Света вцепилась в руку Ксюши, крепко сжала...

– Тише ты! – уже громко сказала Ксюша, вырывая руку.

Полицейские – строгие, с какими-то полосками на погонах, в чёрных, скрывающих лица до глаз масках – шли прямо на них.

– Девушки, ваши пропуска! – строго сказа первый полицейский.

– Мы в магазин! – сразу твёрдо ответила Ксюша.

– Все магазины в другой стороне, – откровенно рассматривая девчонок, сказал тот же полицейский.

– А мы из магазина, – уже улыбаясь, ответила Ксения.

– А где же ваши маски?

– А вот, – Ксюша достала из кармана голубую маску, помахала ею в воздухе, держа за резинку.

Света тоже достала, показала маску и убрала в карман.

– Мы же не в общественном месте, – объяснила Ксюша.

А Светка стояла, опустив глаза в землю, будто и правда провинилась в чём-то.

– И где же ваш дом? – строго спросил всё тот же полицейский с двумя полосками на матерчатых погонах.

– А вон, – кивнула Ксюша.

Пятиэтажный дом из серого кирпича, в котором они обе жили – Ксюша в третьем подъезде, а Света в первом – виднелся одним углом метрах в ста от реки.

– Тогда мы вас проводим, – сказал вдруг молчавший до этого второй полицейский.

– Зачем? – глупо спросила тоже молчавшая до того Света.

– Чтобы арестовать, – совсем уже глупо ответил парень.

И они – Света и он, имени которого она ещё не знала, – посмотрели друг на друга и улыбнулись...

Ксюша чуть отстала с первым парнем, а у того, что шёл рядом со Светой, вдруг громко, с шипением заговорила рация...

– Счастливого пути, девушки! – козырнули полицейские, приспустив при этом маски, и поспешно ушли.

Света и Ксюша были уже в своём дворе, они посмотрели друг на друга, обе фыркнули со смехом и разошлись по домам.

Дома Света достала синтезатор... Недавно она, перебираясь с одного музыкального сайта на другой, случайно услышала запись песни, которая поразила её – словами, мелодией, исполнением. Преподаватель колледжа, пожилая и всё знающая Августа Созонтовна, сразу сказала, что песня из репертуара Северного народного хора, а слова, скорее всего, поэтессы Ольги Фокиной. Так и оказалось. Нашла Света и ноты, и слова, стала раз-

учивать песню «для себя». А пела будто бы не о себе, а о какой-то неизвестной далёкой девушке, страдающей по «соколеньке»...

Сейчас, поставила синтезатор на диван, звучание – на самую тихую степень и сама пела негромко, но... о себе. Хотя нет у неё никакого «соколенька», и нет никаких страданий (и пусть бы и не было никогда!) оттого, что он «улетел»...

Пела:

*Был у меня соколенько,
Светел да ясноглаз.
Там, где другому польньве,
Этому мост и наст...*

Ведь ничего ещё не знала о нём, а пела и видела его...

– Света, ты заканчивай с пением, десять вечера! – заглянула в комнату мать. – Ты чего? – ещё спросила.

– Ничего, – ответила дочь и сразу убрала синтезатор.

Отец был на дежурстве, брат в своей квартире... Вот и сидели мать и дочь в кухне, попили чаю, посмотрели какой-то старый концерт на ноутбуке...

– Вот под эту песню с отцом твоим гуляли, – сказала Вера. – А песенка-то была совсем глупая...

Света улыбнулась:

– Стал бы папа такую слушать...

– Так из каждого окна её пели, куда денешься... Он и не слушал, он мне стихи читал – свои и Есенина...

Так разговаривали, потом легли спать.

Света долго ещё блуждала, ни на чём не задерживаясь, в смартфоне, переходя из фейсбука в инстаграм, из гугла в мейл...

Утром мать, собираясь на работу, посетовала:

– Светка, опять с телефоном уснула... – И скоро ушла.

А Светка, проснувшись, сразу же зашла на страницы в «соцсетях» своей подруги Ксюши. Та уже выложила вчерашние фотографии (а Света почему-то решила подождать). И под ними она нашла комментарий – очень оригинальный: «Красотка» – от вчерашнего полицейского, того, что разговаривал с Ксюшей.

И тут замигал зелёный кружок входящего вызова и заиграла мелодия Стинга. Номер был неизвестный.

Она ответила:

– Да?

– Привет, Света. Это Сергей, мы вчера познакомились...

– Привет...

– Я тут, в вашем дворе... Ты не хочешь прогуляться?

– Хочу...

Света даже не вспомнила о дистанционном занятии с преподавателем колледжа...

В это время щёлкнул замок входной двери – вернулся с дежурства отец.

– Ты уходишь, что ли? – спросил.

– Да, – подводя глаза у зеркала в прихожей, ответила Света.

– Надолго?

– Не знаю, папа, – Света улыбнулась и как-то стыдливо опустила глаза.

И Олег вспомнил, как несколько лет назад вошли они с Верой в квартиру, а Света вышла из комнаты и вот так улыбнулась и опустила глаза – в руке держала отрезанную косу... Не стали ругать...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Когда Мишке Воронину было десять лет, он впервые ушёл из дома.

Просто вышел на крыльцо их пятиэтажки, посмотрел вперёд: ряд машин, мусорные баки, стена другой пятиэтажки; посмотрел налево: тротуар с выщербленным асфальтом вдоль их дома; глянул направо: дорога, обсаженная по краям тополями, вдоль дороги дома, сначала панельные пятиэтажки, потом – деревянные двухэтажные, за ними – похожие на деревенские домики, а ещё дальше – старое кладбище... В ту сторону и пошёл...

Что был за день? Мишка с утра был не в школе, но родителей дома не было... И было лето. Да, летние каникулы... Светлый, золотисто-зелёный день.

Он шёл и шёл. Мимо панельных домов, мимо унылых, барачного типа «деревяшек», мимо уютных, в зелени яблонь, домиков с палисадами и огородами... Дорога сворачивала влево, а впереди были старинные полуразрушенные воротные столбы из малинового кирпича, остатки кирпичной ограды и будто дремучий лес за ними – огромные, старые, сплетающиеся вершинами деревья. Один раз с приятелями-одноклассниками он заходил туда... Зашли под тёмные своды – и сначала один, за ним остальные бросились бегом оттуда. Потом спросили побежавшего первым Ваську Тарасова: «Ты чего побежал?» – «Там кто-то ходил» – «Ну и что?» – «Ничего! А вы-то что побежали?..»

И вот Мишка один стоял и думал, куда пойти: дальше по дороге или на кладбище... И он не просто так стоял, он знал, что не просто гуляет – он ушёл из дома и сам выбирает дорогу...

Сейчас Миха вспоминает тот день, но уходить уже некуда. И от кого? Он живёт в квартире бабушки (матери отца). Она умерла полгода назад, и Миха поселился в этой квартире. Один. Вот она – свобода!

...А тогда он шагнул за ворота... Страшно не было, хотя он был один.

Через кладбище вела хорошо натопанная тропа, от неё отбежали кое-где тропинки – туда, под старые деревья, тополя и липы.

Липы гудели пчёлами. Мишка не сразу понял, откуда этот гул. А когда понял, увидев золотистые проблески в листве и местами даже будто облако над листвой, вот тогда немножко напугался этой непонятной, согласованной пчелиной силы. Но быстро преодолел этот страх, привык к гулу и шёл дальше по тропе.

Свет струился сквозь листву, ярко пятнал траву и кусты.

Могилы в большинстве без оград. Но вот старинная ограда, будто вросшая углами в стволы тополей. В их тени белый камень в зелёных напльвах мха.

Мишка подошёл к камню с высеченным на нём крестом и едва видимой надписью. Прощупывая пальцами буквы, вглядываясь, он прочёл: «Здесь упокоен купец второй гильдии Матвей Иванович Воро...» Дальше он не смог разобрать, но подумал, что тут похоронен какой-то дальний его родственник. «Когда были купцы? Наверное, лет сто назад. Спрошу у бабушки», –

думал он, идя дальше уже не по главной тропе, мимо поваленных могильных камней, разбитых крестов... И вышел на участок кладбища, где могилы были не такие старые, где почти не было крестов, но было много звёздочек над могилами, и даты на скромных могильных тумбах с 1941-го по 1945-й... Он понял, что здесь похоронены те, кто умер в войну. И даже догадался, что это те, кто умирал в госпиталях, которых было много в их городе. Увидел большой монумент, плиты с надписями и понял, что здесь он бывал почти каждый год в день 9 Мая, когда люди приходили вслед за ветеранами сюда, к воинскому кладбищу. Но двигались всегда по другой дороге, от центра города, и он не воспринимал этот монумент и эти плиты как часть старого кладбища.

Он вышел с воинского кладбища и снова шёл под ветвями деревьев, мимо могил... Шёл и думал... о смерти.

Он знал о смерти, знал, что люди умирают. Поэтому у него только одна бабушка, а ведь должны быть две и два дедушки...

И в этот момент очень сильно ощутил, что умрёт и бабушка Люда, умрут мама и папа. И он умрёт. Он понял это, но не испугался.

Мишка приблизился к полуразрушенному, загаженному, похожему на церковь (это была часовня, но он тогда не понял этого) зданию. И стало ему стыдно за эту грязь и заброшенность...

А ещё дальше среди деревьев и кустов стояло что-то большое, чёрное. И Мишка не испугался, пошёл. Полуразрушенное, из кирпича и чугунных решёток сооружение, похожее и на дом, и на церковь... И Мишка понял (где-то читал или слышал про такое), что это склеп. И смело двинулся к нему. И тут из склепа появился человек. И Мишка вздрогнул, остановился...

Но человек сразу сказал:

– Не бойся, малец. Я дядя бомж, живу тут. Я живой.

Бомж был как бомж – грязный, вонючий, беззубый, но не страшный. Он улыбался.

– Я и не боюсь, – ответил Мишка.

– Вот и я живу и не боюсь, чего их бояться... Тут все хорошие, смерть-матушка всех уравнивает. Мёртвые плохого не сделают. Это живые вон безобразят, – он кивнул на загаженную часовню. – Ты-то как сюда попал?

– Я... просто так... Я из дома ушёл...

– А-а... Я вот тоже ушёл. Тебе-то рановато ещё. Ну, пошли покажу тебе, как выйти.

И Мишка понял, что действительно не знает, где выход с кладбища.

Бомж вывел его к воротам.

– Ну, беги. Всё у тебя хорошо будет.

И опять по-старушечьи улыбнулся...

...С тех пор Мишка не раз «уходил из дома». Но всегда возвращался.

И вот он ушёл от родителей, живёт один. Он свободен.

Но вот теперь-то раз в неделю да зайдёт домой – с сестрой поболтает, с отцом в шахматы перекинется. Мама всегда к его приходу что-нибудь вкусное приготовит да и с собой даст.

Светка раз напомнила ехидно:

– Ты же говорил, что уйдёшь из дома и больше не придёшь, что тебе одному лучше.

Но Миха не обиделся на неё, усмехнулся добродушно:

– Говорил... Ну, всё по Цюю: я хотел быть один, но не смог быть один...

Свобода не в одиночестве.

...А про могилу однофамильца на кладбище он спросил тогда у бабушки.

– Купцы – вряд ли. Дед твой, мой муж, его фамилия-то, из крестьян был. Говорил, что сбежали из деревни в двадцать девятом, раскулачивать их хотели, а они успели уехать. На какую-то стройку сначала. Потом сюда, ближе к дому, вернулись, но уже не в деревню. Тут он в городе и вырос... А купцов в их роду не было, нет, не знаю, чья там могила... А вот на военном кладбище, где братскую могилу сделали и памятник поставили, – там и старшие братья деда твоего, и прадед. Да и моя мама там – она-то уж в сорок седьмом от голода... Как стали там этот мемориал строить – могилки и потерялись...

...А сейчас Миха шёл к своему другу Дэну – Денису. За спиной рюкзак в панковских, самолично сделанных значках, на голове бейсболка. Футболка, драные штаны, берцы – всё «уделано по панку». Наушники с музыкой, конечно, в ушах. Но глаза-то открыты – вот и видит: идёт его сестра Светка с парнем-модником (джинсики чистые у него, кроссовки...)

– Светка, привет! – не подходя крикнул, обернувшись парню кивнул.

– Ой, Миша! – Света обрадовалась, пошла к нему и парня потянула: – Это мой брат... Знакомьтесь...

Они, мельком, но оценивающе осмотрев друг друга, пожали руки.

Света отвела Миху в сторону:

– Ты только родителям пока не говори, – попросила.

– Ладно, чего... А он кто?

– Он в полиции... Сержант.

– Мент... А-а... Не люблю я этих... в погонах...

– Зато я люблю! – улыбнулась Света и, дёрнув за козырёк, натянула бейсболку ему на нос.

– Любишь, так чего прятаться, – тоже вдруг улыбнувшись, пробормотал Миха.

Но Светка уже не слышала его, не шла – бежала к своему полицейскому. А Миха подумал о том, как выросла его сестра, с которой то вместе сказки сочиняли, лёжа на соседних кроватях, то ругались, то дрались, то играли...

2

Вход в художественные мастерские со стороны двора, перед входом во двор – деревянный двухэтажный дом с угловым широким крыльцом и балконом над ним. Такие дома характерны для их города, говорят, что мода на них пришла из Европы вместе с пленными французами, так же, как гораздо позже на двухэтажные кирпичные оштукатуренные дома, построенные уже пленными немцами...

Вот этот дом. Сейчас к нему подходит бывший журналист, нынешний работник дендрария и с юношеских стихов поэт – Олег Викторович Воронин...

Олег давно знал, но от кого, забыл, что в этом доме бывал Есенин. А сейчас вдруг вспомнил, что первым (потом это подтвердил кто-то из краеведов) рассказал ему об этом Серёга Ломтев. В день их знакомства. Литературный семинар, в котором оба принимали участие как молодые поэты, проходил в доме напротив. Они стояли на крыльце, курили, и Ломтев указал толстым и жёлтым от сигарет без фильтра пальцем на вот этот самый балкон.

– Вон там Есенин стоял.

– А что он тут делал-то?

Воронин, конечно, знал, что Есенин бывал в их городе, но без подробностей...

И Ломтев рассказал. Он как бы нёс в себе есенинское начало, хотя внешне совсем не походил – но вот та стихийность, «народность» и при этом неприкаянность в Ломтеве, как и в его тѣзке, была.

Мало ли городов объехал тот «гуляка праздный», а вот осталась память, хоть и был-то он в городе дня два, а в этом доме – только один вечер.

Воронин присел на скамейку в сквере и оказался между «есенинским» балконом и тем крыльцом, на котором стоял при первом знакомстве с Ломтевым.

И вспомнил всё, что знал о той давней и трагической истории...

...Есенин и Ганин познакомились в пятнадцатом или шестнадцатом году. Оба служили санитарями вблизи Петрограда. Оба были молодыми и уже достаточно популярными поэтами. Есенин, конечно, был более знаменит – именно в это время его даже приглашали читать стихи перед царской семьёй.

Оба, Есенин и Ганин, печатались тогда в основном в эсеровских журналах, которых было много в Петрограде. Вместе и ездили в столицу, ходили по редакциям. В одной из редакций познакомились с двумя девушками-машинистками, красивыми евреечками...

Летом семнадцатого Есенин, Ганин и одна из тех девушек – Зинаида Райх – собрались в непонятную поездку на Соловки. Почему и зачем именно туда? О той поездке смутно упоминают биографы Есенина. И лишь в одном его стихотворении что-то «беломорское» мелькает... С Соловков приехали сюда... Странная история: Ганин считал Райх своей невестой и вроде бы вѣз её в свою недалёкую от города деревню – показать родне. Но Райх стала невестой Есенина, и здесь-то, в пригородной церквушке, они венчались в августе 1917-го. И Ганин был на венчании поручителем (свидетелем, по-нынешнему) со стороны невесты... Как такое могло случиться?..

И вот перед венчанием в этом самом доме и был устроен «мальчишник», на котором приятели и родственники Ганина и пропивали Серёгу... А он в разгар гулянки (Воронин очень чётко это увидел) вышел из полной табачного дыма, бражного духа и парнишечьего (все были очень молоды) гама вот на этот балкон. А Ганин встал у балконной двери и не пускал туда никого: «Не лезьте, у Серёги стихи пошли!»

Скорее, конечно, просто вышел проветриться. Что он мог увидеть тогда? Этих домов не было, конечно. Монастырь был разрушен почти полностью. Осталась лишь коробка обезглавленного храма, бывшего долгие годы клубом, ныне ставшего пустым кубом, с пробоинами окон, с ободранными стенами и проступившими из-под смывшейся побелки и осыпавшейся краски ликами... Поруганный, обшарпанный, но всё-таки – храм. Как человек с содранной кожей...

Эх, Серёга, Серёга, поверил, и Ганин поверил, и все, кто был тогда с вами, поверили в свободу, в братство, в «землю – крестьянам»...

Поутру в двух колясках ехали через разнотравные луга в пригородное село, в церковь... Есенин выпрыгивал из своей коляски, рвал цветы, бросал на колени невесте... Все молодые, красивые, счастливые... Храм был в память святых мучеников Кирика и Иудиты... После венчания была свадьба в городском ресторане и... поездка всё-таки в деревню Ганина.

А потом было скорое разочарование всех этих парней – выходцев из небедных крестьянских семей – в идеях равенства и братства, понимание, что обманули их лозунгом «земля – крестьянам». Был и скорый разрыв Есенина и Райх...

И все они стали мучениками: первым был обвинён в организации «ордена русских фашистов» Алексей Ганин и, конечно же, бессудно расстрелян,

потом было странное «самоубийство» Есенина, были репрессированы все служители той церкви, большинство участников свадьбы; страшно погибла уже в конце тридцатых бывшая жена и мать двоих детей Есенина Зинаида Райх... Сам храм был полностью разрушен уже в шестидесятых, не осталось на Земле и ганинской деревни...

Но вот есть этот дом, есть память...

Воронин поднялся и пошёл мимо этого дома в Дом художников, вспомнив ещё, что уже в семидесятых именно здесь, в этом Доме художников, прощались навечно с другим поэтом, ставшим, как и Есенин, поэтом национальным. И ещё вспомнил, что тут же рядом стоит небольшой бревенчатый домик, хранимый все эти годы – дом, в котором отбывал ссылку Сталин. Говорят, что он тоже был по молодости неплохим поэтом. Но, значит, сумел задавить в себе дар поэта. Ради чего? Счастья народного и свободы? Но тогда для чего пишут поэты?..

Думая обо всём этом, Олег Воронин поднялся в мастерскую Игоря Мягкова.

В мастерской художника Мягкова происходило что-то необычное. Олег не сразу понял, а Игорь улыбнулся, как всегда, мягко пожал руку, сказал:

– Вот, чищу, лишнее убираю...

Действительно прямо посреди мастерской на столе лежали картины и этюды, в рамках и без них, книги, художественные альбомы, на полу стояло несколько прялок, ещё что-то...

– В каком смысле – чистишь? – спросил Воронин.

– Да в прямом. За меня-то кто сделает? Насмотрелся я, как после смерти художника его работы на помойку выносят. Буквально. Это, может, какому-то академику музей посмертный сделают, а у большинства – ну что-то останется в музеях, в коллекциях, а остальное? Родным хранить негде, неинтересно... Лучше я сам разберусь. Оставляю только самое важное...

– Не рано? – перебил его Олег.

– А кто знает сроки? Мрёт народец-то... Вот какую заразу на нас наслал незнамо кто...

– Ну, будто только от этой заразы мрём... От кирпича на голову никто не гарантирован...

– Ну, вот видишь, – добродушно усмехнулся Мягков, – а ты говоришь: рано. Садись-ка. Давай по капельке... – И достал коньяк со стеллажной полки.

Они сели за овальный столик, сдвинутый сейчас в угол. Выпили...

– Так, и куда ты лишнее-то деваешь? – спросил Олег, кивнув на завал в центре комнаты.

– Совсем лишнее – на свалку, – спокойно ответил художник. – Что-то продам, что-то подарю. Книги посмотри, возьми, что хочешь... Да, посмотри-ка, вот что я нашёл! – И из завала вытащил тоненький школьный альбом для рисования, подал Воронину. – Помнишь?

Странно, они очень редко вспоминали свою совместную службу в армии. И сейчас Олег листал альбом, в котором текст был его, а рисунки – Игоря. Он совсем забыл про этот альбом, который они сделали незадолго до дембеля...

Тут же, усмехаясь и похохатывая, прочитал...

«РАКЕТНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

Повесть о том, как служили в ракетной армии
художник Мягков и поэт Воронин

Поэт – это я, Воронин.

А художник – Мягков.

Почему по фамилиям? Так ведь про армию буду рассказывать, а там всех по фамилиям зовут. Например:

– Рядовой Иванов, будьте любезны заступить в наряд по кухне.

– С удовольствием, товарищ лейтенант Петров...

Вот так примерно...

И служили мы с Мягковым в ракетных войсках стратегического назначения. Почему «ракетных», это понятно – на ракетах летали. А «стратегического назначения» потому, что стратегия такая была – куда назначат, туда и полетишь. Ну, мы и летали да радовались.

У нас там всё ракетное было: и наша рота разведки была ракетная, и все соседние роты – ракетные, и штаб ракетный. Ну, а мы с Мягковым были ракетные разведчики. Он – художник, я – сказочник.

Хорошо жили-служили: Мягков ракеты раскрашивал и разрисовывал, а я сказки сочинял да рассказывал. Это в свободное время. А в служебное – охраняли главный ракетный штаб, следили, чтобы шпионы не проникли за главные ракетные ворота, бывало, и в тыл врага ходили, брали языков, спали в холодной землянке... Что поделаешь – служба.

Но самое главное – мы летали на ракетах в космос, разведывали новые космические места.

Летишь, бывало, по космосу – только огонь из сопел вырывается!

Ракеты наши далеко было видно, потому что они были очень красивые, разрисованные цветами и травами, и все добрые существа на дальних планетах сами к нам выходили, а злые прятались, а потом прилетали на Землю шпионить за нами, и мы их ловили.

В космической роте разведки нас было, конечно, не двое – шесть человек, шесть бравых вояк: я, Мягков, гвардии рядовой Серобаба, гвардии ефрейтор Бибиков, гвардии прапорщик (старшина) Хмырёв и командир роты, гвардии капитан Пушкин.

Бывало, выйдем вечером на строевой плац, да как пойдём в ногу, да как грянем:

*Начеку стоят у нас ракеты!
И взлететь готовы в час любой!
Чтобы всё кругом на земле цвело,
На ракетах мы летаем ого-го!*

Это была наша бравая боевая песня ракетных разведчиков...

А потом возвращаемся в любимую казарму, и гвардии прапорщик Хмырёв всегда уж доброе слово найдёт: «Ложитесь-ка, – скажет, – сынки, баиньки». И мне – по-доброму так (а я уж жду, дыхание затаив, свой звёздный час): «Начинай, гвардии рядовой Воронин».

И я начинал рассказывать сказку. Да не простую, а с присказкой:

*«Кашу съели,
День прошёл.
Спать мы будем хорошо.
И ракеты отдыхают,
Тоже в космос не летают...»*

Жили-были в одной ракетной армии шесть разведчиков, шесть верных друзей...»

Рассказываю, а солдаты слушают и потихоньку засыпают, и видят сказочные сны. Тут и командир нашей роты гвардии капитан Пушкин посапывает, положив ладошки под щёку, и гвардии прапорщик деликатно похрапывает... Все спят.

А мы с Мягковым не спим. Неслышно, на цыпочках выходим мы из казармы. Во дворе выводим из гаражей свои ракеты – и, как говорится: «Поехали!»

Землю облетим наперегонки, а потом всё выше и выше, в самый дальний космос, бывало, заберёмся. Найдём какую-нибудь мрачную планету, и Мягков всю её самыми яркими красками раскрасит, а я на какой-нибудь скале или стене сказку напишу... И быстро назад, в казарму. Ляжем потихоньку в свои постели и засыпаем.

А утром командир нашей роты ракетной разведки гвардии капитан Пушкин ходит, солдат будит: «Просыпайтесь, пожалуйста, просыпайтесь. Кофе остынет». Залезешь тут под одеяло поглубже, только дырочку оставишь, и говоришь оттуда: «А я в норке, я мышка». «А вот мышку сейчас кошка съест!» – закричит тут капитан Пушкин, засунет руку да как начнёт пятки щекотать! Строг был, но справедлив... Выскочишь как ошпаренный из-под одеяла, а тут уже стоят ребята из роты ракетной столовой, подносы держат. На них кофе да круассаны с повидлом – не до разносолов, армия всё-таки...

Выпьешь наспех кофе, круассан зажуёшь – и в ракету. Всей ротой на разведку летим. И вдруг на самой далёкой планете наши с Мягковым следы отсыскиваются: его рисунки, мои сказки, ну, ещё что-нибудь по мелочи на пыльной тропинке отпечатается... Посмотрит на нас строго гвардии капитан Пушкин, головой покачает и скажет: «Опять в самоволку летали?» Стоим, головы опустив. Мягков разве что скажет: «Виноваты, товарищ гвардии капитан, не удержались...»

«Два компота вне очереди!» – строго скажет Пушкин. И всё, больше ни слова.

Возвращаемся на Землю и – что делать – в обед ещё и два компота вне очереди пить приходится. Гвардии прапорщик Хмырёв ухмыльнётся, по плечу хлопнет: «А ты не нарушай!» – скажет. И ещё непонятно добавит: «Живи по уставу, завоеешь бабу Клаву!»

«Да зачем мне какая-то баба Клава нужна, – подумаешь. – Вот шпиона бы поймать! За него генерал Увралов медаль даст...» Но со старшиной Хмырёвым не поспоришь...

Однажды вот что случилось: идём мы с Мягковым мимо главных ракетных ворот, а там на посту гвардии рядовой Серобаба стоит, ворота сторожит. И вдруг со всех сторон налетают на него шпионы. Серобаба большой, а шпионы маленькие. Так они и по сапогам его лезут, и с самолётиков бумажных на него прыгают. Серобаба отбивается, как может. А в это время другие шпионы под воротами пролезли и вот фотографируют и штаб нашей ракетной армии, и казарму, и гаражи с ракетами. У меня в руке папка с новыми сказками была, так я этой папкой и давай шпионов прихлопывать, а Мягков на них гуашью брызжет, и становятся они разноцветными: синие, зелёные, красные... Серобаба тоже их с себя скидывает, сапогами притаптывает. Шпионы корчатся, мёртвыми прикидываются. Собрали мы их всех в стеклянную трёхлитровую банку (у Серобабы всегда с собой была на вся-

кий случай), крышкой закрыли и прямо в штаб понесли, к генералу ракетной армии Увралову. На стол ему эту банку и поставили.

Посмотрел он брезгливо, как разноцветные шпионы в банке копошатся, достал из стола шило, проколул в крышке дырку, чтоб воздух к шпионам поступал (и нам стало стыдно, что мы сами об этом не догадались). А генерал сказал:

– Сыну отдам, пусть в школе в «живой уголок» поместит. Ну а вас, гвардии рядовые, награжу!

И тут же всем нам: Серобабе, Мягкову, мне – по медали на грудь вешает.

Гвардии ефрейтор Бибииков, как увидел наши медали, побледнел, из казармы выскочил, побежал шпионов вокруг штаба в кустах искать. Штук восемь нашёл. Двоих, правда, пришлось выпустить – местными жителями оказались, а остальные – настоящие, матёрые. Так ему генерал Увралов даже орден выписал.

Зимой, под Новый год, вся наша ракетная армия уходила в лес, на зимние ракетные учения.

По тревоге утром гвардии капитан Пушкин будит: «Вставайте, солдатики, что-то тревожно мне, ох, тревожно». Встаём, на улицу выбегаем, каждый свою ракету из гаража выводит, на санки укладывает – и всей армией в лес уходим, только снежок под валенками и полозьями санок поскрипывает, снежинки в воздухе искрятся... Хорошо!

В лесу первым делом – маскировка.

Каждый свою ракету ставит, а художник Мягков все ракеты в коричневый цвет красит, а потом уже каждый в свою ракету еловые веточки втыкает, для этого на ракетах даже специальные дырочки есть.

И ракеты становятся совсем неотличимы от ёлок. А каждый солдат ещё из снега ёлку лепит, её тоже художник Мягков раскрашивает.

И попробуй-ка в таком лесу ракету найти!

Однажды один непутёвый шпион зимой в лес сунулся и стал от ёлки к ёлке ходить, ракету искать. Одну палкой лыжной стукнет – звенит, другую стукнет – тоже вроде звенит, и третья звенит. Так от ёлки к ёлке ходил и не понял, которая из них ракета. Устал, прислонился к стволу ёлки – да и примёрз, насили паяльной лампой потом его оттаяли...

Жили в лесу в домиках. Каждый себе рядом со своей ёлкой строит, кому как нравится.

Командир роты гвардии капитан Пушкин себе глубокую яму выроет, туда веток накидает, сверху накат из брёвен сделает, снегом присыплет да и завалится спать до весны. В марте ручьи побегут, его берлогу подтопят, он и вылезет, с голоду-то даже первую травку и мох сначала ест, а потом ничего, поотойдёт...

Гвардии прапорщик Хмырёв в лесу дом не строил, а как медведь-шатун от одного дома к другому бродил – у одного переночует, следующую ночь у другого. «Своего старшину обогреть и накормить каждому приятно», – говорил. И то верно, бывало, даже упрашиваешь его: «Не уходите, товарищ гвардии прапорщик, ночуйте ещё у меня, больно уж хорошо под ваш храп спится, да и тепло от вас по всему дому – как от печки». Улыбнётся гвардии прапорщик Хмырёв да и останется.

Я себе эскимосское иглу делал. Художник Мягков – что-то наподобие сакли из веток и снежком присыпал.

Гвардии рядовой Серобаба гнездо вил огромное, как для орла или филина, в ветвях могучего дуба.

А гвардии ефрейтор Бибиков уходил сторожить от шпионов лесную ракетную столовую, там и жил.

Другие ракетные роты тоже себе дома строили. А для гвардии генерала Увралова солдаты возводили лесной ракетный штаб...

Под Новый год на лесной полянке солдаты из всей ракетной армии наряжали ёлку. Рядом делали снежную горку. И всей гурьбой весело катались с горы да водили вокруг ёлки хороводы. В этот вечер и шпионы прекращали шпионить и присоединялись к весёлому празднику. Ну а кому охота в новогоднюю ночь ракеты искать?

Ровно в полночь на поляну всегда выходил Дед Мороз: в красной папахе, в красной шинели, на красных лыжах и с большим красным мешком за спиной. Я хоть знал, что это его художник Мягков покрасил, но делал вид, что генерала Увралова не узнаю.

А Дед Мороз снимал из-за спины мешок, доставал из него красную табуретку и звал:

– Ну, подходи, рядовой Воронин, расскажи дедушке стишок.

Встанешь на табуретку да всю-то правду и выложишь: «Однажды, – мол, – в студёную зимнюю пору...» Дед Мороз похвалит да шоколадную медаль из мешка вынет и на шею тебе наденет. А если кто стишок не знает, как водится – два компота вне очереди. Всё-таки армия...

Раздаст Дед Мороз подарки и уходит, только красные следы на снегу от его лыж остаются. А вскоре и гвардии генерал Увралов придёт, тоже в хоровод встанет...

Весной обратно в казарму, опять полёты в дальний космос да охрана главных ракетных ворот...

Так все восемь лет мы с художником Мягковым и служили. Почему восемь-то? А у нас год за четыре считался, за вредность.

Настал день: нарисовал художник Мягков два дембельских портрета – свой и мой – повесил их на стене в казарме, и покинули мы нашу ракетную армию, поехали в родной город.

Сколько уж лет прошло, а бывает, соберёмся мы с художником Мягковым, наденем все свои медали и ордена да и попьём чайку, вспомним, как служили в ракетной разведке.

Такое не забывается...»

... – Да-а-а... А ведь это мы ещё там и сочиняли... И зачем детей в армию брать? Вот тебе да мне что там было делать? Это же, – он ткнул пальцем в альбом, – защита от несвободы.. – Открыл ещё раз первый лист альбома, посмотрел, ухмыльнулся: – Вот же было время – писали-рисовали такую ерунду и радовались.

– И не только ерунду, и даже там находили время, – поправил Мягков и добавил: – А теперь всё, я дак слил воду...

– Ну, ты опять...

– Дак ведь уже ничего нового-то не сделать. Умение есть – огня нет, – продолжал Игорь. – Ты альбом-то возьми себе...

– Нет! – неожиданно резко ответил Воронин. – Хочешь – выкинь, а мне не надо. Вспомнили – и ладно. Давай ещё по капле за нашу молодость – и пойду.

И они выпили.

Дома, уже вечером, раскрыл тетрадь, стал писать.

Не знаю,
 Мне сколько осталось...
 Ну, десять,
 Ну, двадцать...
 Ну, сто...
 Но мало же,
 Господи,
 Мало...
 Всё мало...
 И дальше-то
 Что?
 За этим
 Незримым порогом,
 За этой
 Заветной чертой...
 За жизнью,
 За болью,
 За счастьем,
 За этой
 Земной красотой?..

Не закончил стихотворение, оставил (в последнее время всё чаще оставлял неоконченные стихи). Но вопрос-то поставил. Да этот вопрос уже давно стоит перед ним, наверное, впервые ещё в детстве возник (может, у всех людей так?): ведь и я умру, и что там? Неужели ничего? А если что-то есть, то что?.. Но в детстве такие вопросы проносятся мыслью и забываются, а чем старше – тем они, эти вопросы (вернее, один по-разному заданный вопрос), всё необходимее, неизбежнее встают. Вот и перед Мягковым, и перед ним...

И ещё подумал: а может, взяться всерьёз за прозу? Не за газетчину эту, которой отдал такой большой кусок жизни, а за прозу. Ведь говорил ему старик Семёнов...

Он вспомнил Семёнова... Александра Ивановича...

Семёнов после того памятного областного семинара молодых литераторов не то чтобы опекал, но поддерживал Сергея Ломтева и Олега Воронина – разговорами при встрече и по телефону, рекомендациями для публикаций в местных и даже московских газетах и журналах.

Серёга тогда мощно начинал – и в Москве первым из «молодых» опубликовался, в журналах то и дело шли подборки его стихов... Но кочевая жизнь и в особенности его неуёмный характер (вечно везде «боролся за правду»), ну и винишко, конечно, да что там – и водочка, скоро привели к печальному концу...

На похоронах Семёнов сказал:

– Потеряли настоящего поэта... Но, – он поднял седую голову и обвёл взглядом всех немногих, стоявших у разрытой могилы и ещё открытого гроба, – настоящие поэты не теряются, нет... Теперь Сергей в жизни вечной, вне времени, и его стихи, я уверен, не забудутся, будут жить в народе, для которого писал поэт своим сердцем...

Белый снег падал на седую голову Семёнова, на рыжую могильную землю.

Семёнов не поехал на поминки. Олег тоже почему-то не поехал. Они стояли на автобусной остановке, курили... Тогда-то Семёнов и сказал ему:

– А тебе, Олег, надо бы попробовать себя в прозе. Ты поэт, да, но и поэзию свою в прозе, мне кажется, лучше выразишь... Попробуй. Во всяком случае, ничего не потеряешь. А из газеты вовремя уйди. Покрутиться там, на жизнь, людей разных посмотреть – это полезно, особенно как раз для прозаика. Но и не засиживайся... Лет пять – и уходи...

Воронин проработал в газете гораздо больше... Стихи писал, пробовал и прозу...

А Семёнов умер года через три после Ломтева. Олег ещё виделся с Семёновым, здоровались, о чём-то говорили, но вот именно тот короткий разговор на остановке запомнился как последний...

«Да, попробовать прозу...» – в уме проговорил Воронин, сам себе усмехнулся, открыл чистую, давно хранимую для такого случая толстую тетрадь, написал на первой странице: «Свобода», роман...»

4

Собрались, как обычно, в гараже у Дэна...

Дэн рассказывал, что гараж этот строил его дед ещё в каких-то семидесятых годах, и тогда это было очень круто – иметь свой гараж. «У некоторых даже машины не было, а гараж был! А у деда и машина была, какой-то «Москвич», я даже, кажется, помню его смутно, как и деда», – со смехом рассказывал Дэн – Денис Лебедев. Мишка Воронин учился с ним в одном классе.

Уже долгие годы гараж этот стоит пустой. Машину отец Дэна, конечно, ставит у дома. Даже ямой для картошки не пользуются. И гараж теперь в распоряжении Дэна и его друзей.

Их компания – человек шесть-семь, учившихся в одной школе, а теперь разошедшихся по жизни: кто-то благополучный студент, кто-то работает; у каждого есть ещё и своя компания. Встречаются здесь раза два в месяц. Не пьют пиво, почти никто из них не курит. На праздники иногда покупают вино, но сегодня не праздник. Вот и сидят, разговаривают о музыке, о политике, о девушках, которых никогда не бывает в этом гараже.

– Из Питера приедут френды, надо сходить поддержать, настоящий панк играют... Миха, я твоё последнее слушал (Мишка выкладывал некоторые свои песни в интернет) – круто вообще, но так можно и крышняком двинуться.

– Лучше крышняком двинуться, чем в армию идти, – отвечает Миха такому же, как он сам, длинноволосому парню и своему сподвижнику, тоже панку, Валере.

– Двигаться не надо, а продемонстрировать движение можно, – говорит Дэн, аккуратно одетый – пиджачок, чистые джинсы, полуботинки даже здесь блестят, упитанный, румянощёкий и всегда улыбающийся.

– Ну, мне можешь не объяснять, – парирует Миха. – Я не вижу смысла... Вернее, я вижу смысл в том, чтобы не ходить туда.

– Да, по Москве, сегодня видел, нацики маршем идут, а их менты охраняют. Не разгоняют, а охраняют, понимаете? – говорит ещё один парень, недавно вернувшийся из армии, Толик. – Я даже хотел было в Донбасс поехать, но когда узнал, что там вот эти нацики добровольят... Не... Я бы, если бы мог, вышел бы, встал бы между теми и теми и сказал: «Хватит, ребята, самих себя убивать... Убейте тогда меня и помиритесь...»

– Ну, ты уж, Толик, совсем, – Дэн сказал. – С такими мыслями в монастырь тебе надо...

– А я, может, и уйду! – резко ответил Толик.

– Ты это своей Марине скажи, – засмеялся Дэн, но увидел изменившееся лицо Толика и замолчал.

– Закружи тему! – почти скомандовал Валера.

Все знали, что Толик скоро не в монастырь уйдёт, а на Марине женится.

– Я вот тоже про Украину думаю, – продолжил Валера. – Ну как я могу воевать с украинцами, зачем? Какие они мне враги – эти парни, призванные в армию? У меня мать украинка. А вот нацики – враги, государство, охраняющее их и откармливающее против меня и таких, как я, эту национальную гвардию – тоже становится врагом.

– Ну, ты как на митинге.

– А уже и пора на митинги выходить.

– Ну и скажут сразу, что ты за Навального.

– Да плевать мне, что скажут. Я за правду!

Так говорили, перебивая друг друга, кто серьёзно, а кто смеясь.

Валера взял гитару и запел Башлачёва:

*Если б не терпели – по сей день бы пели,
А сидели тихо, так разбудили лихо...*

И Мишка Воронин с уважением подумал, что Валерка – панк, а точнее – анархист, как и он, Миха, не только «по субкультуре», но и «по политике».

...И никто из этих парней не знал, что встретились они вот так, все вместе, в последний раз в жизни...

5

Позвонил вдруг отец, спросил:

– Ты за грибами не хочешь съездить?

– Я, пожалуй, съездил бы, – сразу откликнулся Мишка.

Договорились завтра утром встретиться на автостанции...

Миха любил ходить за грибами. Очень... Он помнил, как отец первый раз взял его в лес. Вернее, он помнил то удивительно чувство – одновременно опасения, радости, ожидания чуда, когда они входили в лес, когда огромные деревья закрывали кронами и ветвями небо... Помнил лесную дорожку, по которой шёл рядом с отцом, у которого на сгибе локтя висела плетённая из ивовых веток корзина, и такая же корзинка висела на локте у него, Миши. Помнил, как отец подобрал сухую ветку и шёл, опираясь, как на посох. И Миша тоже нашёл палочку и шёл так же, как отец. Но потом потерял палку и забыл про неё. Ещё на спине у отца висел рюкзак, в котором были термос с чаем и пакет с бутербродами. И вкуснее того чая и того хлеба Мишка уж не едал... И уж ни с чем не сравнимые, незабываемые чувства – сначала надежды, когда только показалось, смутно поверилось, что там, под кустиком, накрытый сверху листком, растёт настоящий гриб; потом удивления – да, точно гриб; и потом радости, восторга: «Папа, я гриб нашёл!»

А на следующий день пошёл во второй класс.

Потом каждые лето и осень, не часто, но раза два-три, ездили в этот пригородный лес, в котором Мишка помнил каждую тропку, кустик, упавшее дерево, в котором не однажды встречал ёжика и даже зайца, в котором

всегда были грибы, в котором они никогда не ругались с папой и в который почему-то никогда не брали маму и Свету.

Потом Мишка вырос и уже не каждый год ездил с отцом в лес. Он не был в лесу два года, и так захотелось, когда отец позвал.

– Только у меня сапог нет, – сказал.

– Я возьму на тебя, – ответил отец. – Завтра на автостанции в шесть тридцать.

– Ок.

...Олег Воронин ездил в этот лес ещё мальчиком со своим отцом. И в то время надо было всего лишь утром сесть на пригородный автобус и выйти из него через пятнадцать минут, а к обеду можно было уже вернуться домой с небольшой, но почти всегда полной корзинкой грибов... Конечно, это «ненастоящий лес», много здесь ходит горожан, которые не могут или не хотят ездить за грибами на электричках, как делают это грибники настоящие – привозящие каждые выходные огромные корзины рыжиков и белых. Конечно, за свою жизнь Воронин бывал и в таких грибных экспедициях, но ему хватало и этого пригородного лесочка между автомобильной дорогой и речкой.

Пришло время – и сына привёз именно сюда. И помнил, как волновался: понравится ли Мишке, будут ли грибы... А в тот день долго ничего не попадалось. И вот он – подосиновик. Олег остановился, закурил, присел на пенёк, Мишке сказал: «Я отдохну немножко, а ты пока вокруг поищи». И, конечно, Мишка нашёл. И Олег вместе с ним снова пережил это счастье первого гриба...

Когда сын подрос и уже не всегда соглашался съездить в лес, Олег отправлялся один. А это особое удовольствие – быть в лесу одному, это чувство растворения, слияния с небом, листвой, землёй, с запахами и звуками леса, чувство свободы от суеты, выдуманных обязанностей...

Однажды сочинился экспромт:

*Я вчера гулял по лесу
И спешу вам доложить:
Человек имеет право
Без обязанностей жить!*

Эти строчки он и выдал редактору газеты, в которой тогда работал. Он не всегда ставил в известность начальство о своих отлучках (при этом редакционные задания всегда выполнял вовремя).

Однажды брал в этот лес и Веру со Светой. Грибов набрали, но Свету тогда укусила оса, и, может быть поэтому, она больше в лес не ездила. А Вере на неделе некогда, а в выходные... в выходные тоже некогда.

...Олег и Мишка встретились на автостанции. Взяли недорогие билеты и сели в почти пустой пригородный автобус.

И вот они переобуваются в сапоги. Отец достаёт ещё из рюкзака свою большую корзину, в ней корзина поменьше – отдаёт её сыну, в рюкзаке остаются термос с чаем и хлеб...

Они идут по росистой луговине. Капля в натянутой между травин паутине отражает розовое солнце...

Вступают под своды «своего» леса.

Олег находит подходящую палку-посох, идёт, то опираясь на неё, то двигая ею траву и палую листву...

Выходят на мягкую лесную дорогу.

– Первый пошёл! – Это Мишка прямо на дороге срезает ножичком серый гриб.

Дорожка мягко пружинит под ногами, местами она перекрыта павшими стволами, которые надо высоко перешагивать или обходить. Дорога в утреннем свете, затенённая листвой и ветвями, – не серая, она сиреневая. И каждый (давно знакомый) поворот этой дороги предвещает открытие тайны..

Они дошли до того места (высокая тёмная ель на повороте), с которого всегда сходили с дороги в лес, тут начинаются – проверено – самые грибные места. В этом ельнике однажды Олег и Мишка нашли десятка три белых. И именно здесь почти каждый раз встречали ежа. Будто этот ёжик уже поджидал их..

Свернули. Хвойный запах, сумрак, далёкий гул большой дороги, будто усиливающий лесную тишину... Вышаривают затайки под нижними ветвями елей, заглядывают под кусты, под широкие листья папоротника..

– А вот и белый! – опять подаёт голос Мишка.

И оба – отец и сын – любуются красавцем на твёрдой, будто костной, ноге, с широкой коричневой шляпой с налипшими на ней хвоинками, с выщербинкой от мышиных зубов..

В ельнике нашли ещё пару белых, ежа не встретили. Бродили по светлому березняку, по бликующему осиннику, переходили лесную дорожку и осторожно перебирались через болотину на остров, где всегда было много подосиновиков, снова выходили к дороге..

– Ну, пора сесть на пенёк и съесть свой пирожок.

Так Олег всегда говорил. Так и в этот раз сказал.

И они присели, примостив рядом свои корзины, на ствол упавшей осины. Олег развязал рюкзак. И пили они самый вкусный чай, и ели самый вкусный хлеб. И было им хорошо..

Они и не говорили друг с другом, потому что всё понимали, всё чувствовали и через те немногие, казалось бы, ничего не значащие фразы. Были они – отец и сын..

А в это же время Света спросила у матери:

– Мама, а ты папу сразу полюбила?

И Вера улыбнулась и сказала:

– Да. С первого взгляда. – И спросила: – Влюбилась, что ли?

– Да, – ответила Света и счастливо улыбнулась.

6

...А писалась опять «газетчина», вернее – публицистика..

Всё-таки многолетняя работа в газете сказывалась, диктовала форму. Но Олег Воронин решил для себя писать как пишется, что пишется, и пусть будет то, что получится. И в тетради почти каждый вечер появлялись новые записи: цитаты, свои размышления, то, что вспоминалось вдруг..

«Время масок»

Время масок. Кто-то сознательно прячется от вируса (хотя эпидемия панического страха, кажется, пошла на спад), кто-то просто выполняет указание..

Есть и те, их много сейчас, кто надевает маску не от вируса: им не нужно узнавание.

И носим одну, две, три маски одновременно, меняем одну на другую.

Забываем самих себя истинных..

Но вот иду в детскую библиотеку читать с детишками сказки (есть у меня такая счастливая забота). И там наконец-то я не вижу масок, вижу чистые лица и глаза – озорные, заинтересованные, ждущие...

И я снимаю маску, я свободно дышу, я читаю сказку...»

...Да, уже лет пять есть у Воронина и такая добровольно взятая на себя работа-забота – клуб детского чтения в одной из городских библиотек. Началось неожиданно. В газете, где он тогда работал, нерегулярно, но выходила «литературная страница». «Делали» эту страницу по очереди все журналисты. Однажды подбежала Ольга Баева, как всегда, суматошная и опаздывающая: «Олег, детского ничего нет на страницу? У тебя есть что-нибудь? Только не стихи». – «Я не пишу прозу. И для детей не пишу». – «Ты же писатель, член союза. Напиши, Олежка». «Когда надо?» – вздохнул Воронин. «После обеда полоску надо сдавать!»

Воронин опять вздохнул. Сел и написал сказку.

С тех пор это стало его негласной обязанностью – писать для литературной страницы сказку.

И однажды ему позвонили из детской библиотеки и пригласили на встречу со школьниками, первоклассниками...

– Почитаете ребятам сказки? Детям ведь очень интересно увидеть живого сказочника.

– Да, я пока что живой, – ответил Воронин и согласился прийти.

В тот раз он читал сказку о том, как мальчик не послушался родителей и один ушёл из дома в лес (Олег и не знал, что его сын Миша прочитал тогда эту сказку в газете и подумал: «Если бы папа знал, сколько раз я уходил!»). О том, как стал он кричать «ау» и кто-то откликнулся ему из чащи...

Дети слушали раскрыв рты, во все глаза глядя на «живого сказочника».

В первом ряду выделялся очень внимательно слушавший мальчик с серьёзным лицом всезнайки. Он поднял руку. Воронин прервался, спросил:

– Что?

– Этот эффект называется «эхо», – серьёзно ответил первоклассник.

– Да, правильно, молодец... А вот мальчик в сказке этого ещё не знал.

Воронин продолжил чтение. Умный же первоклассник через какое-то время опять поднял руку.

– Что? – снова прервал чтение «сказочник».

Ребёнок встал и проговорил то, что, видимо, волновало его, о чём он забыл предупредить:

– Если что – у меня со звуком «р» не очень...

– Ну, у меня с этим звуком тоже не очень, – поспешил успокоить его всю жизнь картавящий Воронин.

– Ну, у вас, похоже, и со звуком «с» не очень, – с сочувствием даже заметил первоклассник, махнул рукой и сел...

И молоденькая учительница, и женщина в годах – библиотекарь, едва сдерживая смех, заговорили:

– Федя, разве можно так... Извините...

– Он у нас очень начитанный уже...

В конце той встречи дети подходили к «сказочнику», трогали его, как Деда Мороза, убеждаясь, что он настоящий. Некоторые ещё спрашивали недоверчиво: «А это вы написали сказку?»

И так это всё понравилось Воронину, что на предложение учительницы и библиотекаря встретиться ещё раз, он согласился.

С тех пор раз в месяц Олег Воронин читал детям свои сказки. «Ты сказки-то собери в сборник. Я тебе оформлю его», – говорил художник Мягков. Но всё не доходило руки до сборника, да и как его издать-то...

А ребята выросли. Федя к четвёртому классу полностью избавился от картавости. Все они перешли в пятый класс, и их уже не водили на встречи со сказочником, но теперь водят новых первоклашек, и Воронин с удовольствием читает им сказки («Будто душу умываю», – говорит он об этих встречах). Мир детства спасает его от времени масок...

...После встречи в главной областной библиотеке с «известным современным писателем и политиком» появилась другая запись:

«ПМ – человек и проект

...Гляжу – нисколько он не изменился, только щетина белёсая, седая. Так и у меня на висках седые нитки... А так – какой он был пятнадцать лет назад (лысый и щетинистый), такой же и сегодня. И говорит так же и, как ни странно, то же, что и говорил...

А тогда было так...

– Аллах акбар! – первые слова, которые услышал я от него.

Видимо, я замешкался, и он добавил:

– Ну, что не отвечаешь: «Воистину акбар»?!

– А надо так отвечать? – наконец спросил и я с усмешкой: как-то очень уж театрально всё это звучало.

– У нас так говорили.

(Чтобы я сразу понял, откуда он, если ещё не знаю и не понял. Но уже и без пафоса.)

И мы пожали руки.

На нём была чёрная кожаная куртка, джинсы, сапоги-«казаки». Ну и лысина тоже была при нём...

...Это было совещание молодых литераторов, устроенное одним издательством, и проводилось оно в знаменитом писательском посёлке, в Переделкине.

Приехал я в Переделкино, нашёл новый корпус пансионата (или как там это называется?). И первое, что мне сказала женщина, отвечающая за размещение участников: «Вы не будете против, если с вами в номере будет жить Макар Прицепин?» «Не против. Пожалуйста». Тем более что я и знать не знал, кто это...

И вот – познакомились.

Он дал мне номер журнала, в котором был опубликован его роман «Патология». Я подарил ему свою книжечку стихов.

И он сразу уехал в Москву, а когда вернулся – я уже прочитал его роман, а он, наверное, в электричке прочитал мою книжку.

Меня зацепило начало романа – маршрутка, едущая по мосту и падающая в реку... Живо, натуралистично написано. И дальше – про Чечню, с матерщинкой, с «натурализмом» тоже...

Обменялись мнениями...

– Олег, а ты будешь сильнее... – он назвал фамилию известного «патриотического» поэта.

– Ну уж не знаю... Я сам по себе...

– Будешь сильнее, когда напишешь десять таких книжек, – поправил сам себя и Макар.

А я ему:

– Ну ты лихо начал роман... Зацепил... Но без мата можно бы обойтись...

- Это же про войну...
- Ну, как-то же обходишься... И название «Патология» неудачное.
- Нормальное название.

На этом, кажется, тогда и остановились...

Потом было обсуждение по группам. Мы были в разных группах. И было ещё совместное подведение итогов. Руководитель семинара (довольно известный писатель и заведующий отделом в журнале) тоже упрекнул Макара в матерщине, но в основном, конечно, хвалили его. Я тоже неплохо «обсудился», с того семинара начались у меня регулярные публикации в столичных журналах.

Вечером мы вдвоём сидели в номере и разговаривали.

Странные это были посиделки. Может, я что-то уже забыл, упустил... Но почему-то каждый из нас сидел со своей бутылочкой коньяка (навверняка какая-то «палёнка» продавалась в поселковом магазине), у каждого своя шоколадка... Почему-то вот так у нас получилось...

- Олег, я вообще-то Женя, а не Макар. Это псевдоним.
- Не понимаю псевдонимов, всегда под своим именем публикуюсь. (Позже, уже в газете, доводилось мне, и под псевдонимами публиковаться.)
- Ну, есть такая литературная практика...
- А почему Макар?
- У меня деда так звали...

Заговорили о Лимонове. Макар был тогда ярим «лимоновцем».

- Он с таким знанием дела и вкусом в «Эдичке» всё описывает... – я начал.
- Сразу скажу: он мужик, и эту тему закрываем! – резко Макар ответил.
- Зачем же он всё это написал? – ещё спросил я.
- Ну, для эпатажа...

Ещё говорили...

– ...Надо, чтобы в жизни что-то происходило, тогда будет о чём и писать. Вот я съездил в Чечню... Теперь роман издам... Надо в телевизор попадать... – говорил он.

Я в общем-то согласился, что надо жить интересно и активно, но заметил, что были писатели, в жизни которых ничего особенного не происходило, а они всё же стали великими:

- Например, Достоевский... – И тут же сам себя оборвал: – Нет, с Достоевским я маханул, конечно... Ну, Гоголь...
- Да, Гоголь, – согласился он.

Не буду называть руководителя семинара, о котором он пренебрежительно сказал: «Это писатель из тех, которым платят тысячу долларов за книгу». Меня покорежило оттого, что именно о деньгах сказал...

Я спросил, почему и как его роман появился в журнале.

- Я, когда написал, стал подыскивать журнал. Мне хотелось в провинциальном начать. Ну, выбрал...
- Ты, Женя, так был уверен, что они возьмут?
- А они не могли не взять! – как отрезал Макар, чем меня тогда и удивил.
- Как думаешь, книги издадут нам? – наивно спросил я, имея в виду издательство, собравшее нас на семинар.

И откровенный его ответ снова удивил:

- Олег, мне издадут, а вам – нет.

(Одна-две книги участников того семинара, кроме книги Прицепина, всё-таки были потом изданы в том издательстве, впрочем, вскоре прекратившем существование.)

Заговорили снова о политике, об НБП.

– Россию надо менять. Чтобы поменяться, она должна умыться кровью. Нужны новые Дзержинские и Блюмкины!

(Тут у меня мелькнуло, что не под Блюмкина ли он и косит?)

– Ты и сам готов умыться? – спросил я (и, возможно, это прозвучало как угроза).

Помню ещё отдельные фразы, что-то даже по «еврейскому вопросу» прошлись...

Когда прощались на следующий день (я уезжал, а он, кажется, ещё оставался), он сказал:

– Олег, я боялся, что мы подерёмся...

Я снова что-то невнятное ответил, потому что – что тут ответишь? – хотели бы, так и подрались бы, но оба не хотели, обошлись разговором...

...Прошло пятнадцать лет.

За эти годы он и в телевизоре прописался, и много толстых книг издал... Воспел и проклял Д. Быкова, расстался с Лимоновым, публиковался в «Снобе» и «Нашем современнике». Написал «Ваньку» про русский бунт и эротические рассказы для гляцевых журналов, призывал идти на штурм Кремля и стал «кремлёвским проектом» (если я ошибаюсь – поправьте).

Смотрю на него на встрече с читателями в библиотеке: всё те же самоуверенность и самодовольство... Вальяжность ещё появилась. Говорить научился спокойно, не торопясь (хотя иногда забывается и начинает частить).

Его попросил кто-то из местных краеведов помочь в деле сохранения исторического облика города и рассказал о сторающих регулярно деревянных (тех самых, с угловыми балконами) домах, об изуродованной набережной, о том, что чиновники не идут на диалог...

И он тут же, с чувствуемой усмешечкой, отвечал:

– Неужели вы без меня тут договориться не можете? Нужно, чтобы Прицепин Макар приехал и стал мостиком между чиновниками и гражданским обществом? Хорошо, я приехал, если нужно приеду ещё. – И добавил: – Я понимаю, что вы хотите, чтобы прилетел на чёрных крыльях Прицепин Макар и кого-то расстрелял...

Пошутил так.

– Я бы прилетел, но мне нужно знать, кого расстреливать...

Ну прям опять кумир его – Блюмкин – вспоминается (а ему и хочется, чтобы вспоминался). Но он пугает, а никому не страшно... Впрочем, что это я за всех-то расписываюсь... Но, по мне дак, всё это, выражаясь языком его «пацанской повести», «понты корявые»...

...Полный зал областной библиотеки, выступление на полтора часа (под конец он явно стал уставать) – почти всё это я уже где-то читал или слышал... Говорит уверенно, безапелляционно, не стеснясь похвалить самого себя. Легко проговаривает: «Однажды я был на встрече с президентом... ну, конечно, не однажды...»; «...Моя приятельница Дуня Смирнова...» и тому подобные, как бы случайные фразы. С пафосом озвучивает общеизвестные факты или какие-то банальные мысли (зато и слушатель может радостно поддакнуть: «Да-да, и я это знаю, и я так думаю»). Ну и «баннеры» с названием проекта: «ПМ», «ЗА ПМ»...

О чём говорит – в общем неважно, люди пришли «на Прицепина» и получают «Прицепина» – и большинству всё равно – человек это, писатель или проект...

И ведь не спросишь: ты сейчас кто? Женя? Макар? ПМ?..

Как я отношусь к тому, что и как он пишет?.. Сам себе попытаюсь объяснить... Вот как с того первого чтения «Патологии» двойственное чувство появилось, так и не прошло оно, только усилилось. Публицист он бойкий. Пишет много. Поставил перед собой задачу переписать (по объёму) Д. Быкова и, наверно, близок к этому... Читаю его рассказы, и все они мне что-то, чей-то стиль напоминают – то Хэма, то Гайто Газданова и т.д. (Это и неплохо – уметь написать в стиле кого-то, но...). Чего не отнимешь – Макар Прицепин-автор знает, как и чем зацепить читателя (своего читателя): эротика, патетика, смесь натурализма и лиризма. Брутальный герой, при этом нежный («Девочка моя, каждый пальчик твой оближу» – это не цитата, но нечто подобное во множестве в его рассказах) – что ещё нужно женской аудитории? Ну, молодёжи – про бунт и водку, постарше – «про историю»... Он талантливый копиист чужих стилей и умеет, когда нужно, быстро, раскованно и много писать, не думая о языке и стиле...

Это моё личное отношение к творчеству Макара Прицепина. Возможно, что и ошибаюсь. Тем, кто скажет, что я завидую (такие наверняка найдутся), отвечу (хотя они и не поверят): нет, не завидую. Рассуждаю. Ведь ПМ стал проектом, заметным явлением на поле общественной жизни, имею же я право высказать мнение о проекте...»

...Да-да, всё так и было. И давняя встреча, и разговор в Переделкине, и недавняя в библиотеке. Пару раз они там встретились глазами. Прицепин не узнал...

...С Лимоновым тоже были встреча и разговор. Была смерть Лимонова. И после Прицепина захотелось написать и об этом... человеке. Воронин сначала написал о «странном человеке», задумался.. «А что в нём странного?» Станным было то, что оказался Лимонов «простым» человеком... Олег подумал и слово «простым» тоже убрал...

«Лимонка в Лимонова»

И вот – Эдуард Лимонов умер...

При встрече с ним я спрашивал, написал ли он книгу о себе самом...

Книгу-то про Савенко-Лимонова он написал – книгу жизни. И это действительно лимонка – осколочная граната – в наш мир. Лимонка от Лимонова. Яркий был человек...

Несколько лет назад в наш город приезжал известный (теперь уже и без приставки «скандално» можно сказать) человек – политик и писатель Эдуард Лимонов. Изначально – Эдуард Вениаминович Савенко.

Когда местные «лимоновцы» позвали меня на встречу с ним (у него были две встречи с читателями за день), я сначала отказался. А когда пригласили во второй раз, вроде бы и не серьёзно сказал: «Место в первом ряду на встречах и разговор с глазу на глаз организуете – приду». И ведь организовали!

И в первом ряду сидел, и с глазу на глаз поговорили (ну, не совсем, с глазу на глаз – куда от настырных журналюг и желающих сфоткаться на фоне знаменитости денешься?).

Объясню своё отношение к Эдуарду Лимонову до этой встречи. Конечно, я уже слышал о нём к тому моменту, когда где-то в самом начале 90-х в руки мне попало «Это я, Эдичка». Именно «попало»... Чувство омерзения...

Потом читал его публицистику (о Югославии что-то) и удивлялся тому, что это тот же самый Лимонов.

Потом появились его партия и газета «Лимонка», которую я никогда не читал (просто не попадала в руки), но о которой много слышал.

Когда начали сажать ребят из его партии, невольно думалось: «Ребята сидят, а он нет. А ведь они его наслушались-начитались...» Но вот посадили и его, всерьёз... Тут уж что скажешь...

Перед встречей с ним я снова заглянул в «Эдичку» (нашёл в интернете). С первого прочтения прошло почти тридцать лет. За эти годы к чему только не приучили нас ТВ, эстрада и прочая... «культура». Но я убедился, что и сегодня «Эдичка» вызывает всё то же чувство гадливости (а может, он этого и добивался? Тогда – точно получилось). Поглядел и другие его книги... (А «Эдичка»-то ярче!)

Пошёл на встречи. Первая – в небольшой библиотеке в одном из микрорайонов города, камерная, человек на двадцать всего.

И вот заходит бодрый дядька семидесяти с чем-то лет. Усы, борода – всё как положено. Здоровается. Голос с каждым словом крепче. На шутку-угощение «хозяйки» библиотеки – чай с лимоном – отмахнулся, на стул так и не присел за весь час встречи (и на второй встрече полтора часа стоял). Когда подала затрёпанную книжку, того же «Эдичку», поморщился:

– Я написал это сорок лет назад... А книжки надо подклеивать...

И как-то я упустил – подписал или нет.

«Но ведь это ты написал, и через сорок лет всё равно – ты...» – подумал я.

Но вот он начал говорить, отвечать на вопросы. Я не помню все вопросы, которые задавали ему, помню кое-что из того, что он говорил, весьма далеко отклоняясь от вопросов... И уж смешаю в своём пересказе обе встречи (вторая была в кинотеатре, человек, наверное, сто с лишним было там).

Говорил он очень просто, не «по-лимоновски» (не так, как можно было ожидать по его текстам), по-человечески. Рассказал, например, о том, что побывал недавно в Харькове, где прошла его юность. Там видел, как сносят цеха завода, на котором он работал (в энциклопедиях, конечно, пишут про то, что Лимонов шил джинсы и т.д., про завод там не пишут). «Мы шли по длинным заводским коридорам, в негнущихся, суровых робах, как какие-то терминаторы. Я был одним из них... И вот я вижу, как ломают... До слёз...» Тут я не выдержал, спросил:

– Вы написали об этом?

– Да.

И как-то уже можно представить и то, как был он ребёнком, мальчиком со светлыми волосёнками... И я понимаю, как появился этот глупый в общем-то псевдоним. Об этом сам рассказывал, мол, был кружок молодых поэтов, писателей: «Придумывали себе как можно более вычурные литературные имена. Один, например, назвался Одеядовым...»

Но не остался же он «Одеядовым» на всю-то жизнь! А Савенко «Лимоновым» остался...

И ведь сам признаёт: «Наверное, я совершил ошибку, когда, например, на выборы президента пошёл как Эдуард Лимонов, наверное, надо было идти под своей фамилией». Уж не знаю, были бы какие-то шансы на выборах у Эдуарда Савенко, но у Лимонова их точно не было.

На встрече в кинотеатре к сцене подскочил бритоголовый парень:

– Доколе?! – истерично крикнул.

– Что «доколе»? – спокойно спросил Эдуард Савенко (а бритоголовый-то и другие провокаторы рассчитывали на Лимонова).

– Доколе будут унижать русских?!

– Пока русские будут вот так кричать, – ответил Савенко и больше не реагировал на провокаторов.

Про тюрьму тепло говорил. «Там люди. Разные... Ведут одного... – Показывает, как ведут, с руками за спину. – Он мне кричит радостно: «Эдик, двадцать!» Это он радуется, что не пожизненно...»

На вопрос, в какой гостинице остановился, назвал самую дешёвую в городе. Часто ли ездит? «Езжу. Желательно, чтобы оплатили хотя бы дорогу». Очень простые ответы. Ведь все думают, что у Лимонова денег много...

Когда мы разговаривали между встречами «с глазу на глаз», я тоже спросил про тюрьму. «Есть понятие: хорошо или плохо сидел. Я сидел хорошо, из камеры в камеру не бегал», – ответил он.

Тут я вспомнил чьи-то слова, мол, русскому писателю в тюрьме побывать полезно. «И не только писателю!» – откликнулся Эдуард Вениаминович.

– А не жалко ребят, которые, наслушавшись или начитавшись Лимонова, попали в тюрьму?

– Хорошо, что они за идею туда попали, а не за что-то другое.

Ещё о чём-то говорили. Я специально не стал брать у него интервью. Хотел просто поговорить, и мы поговорили очень просто. И спасибо ему за этот разговор...

Дома я посмотрел ещё одну книгу Лимонова. А там – история, изложенная в духе Носовского и Фоменко, и, мол, каждый сторонник Лимонова должен придерживаться именно этой теории... Ну что за глупость!

Человек Савенко (пусть даже он называется по привычке Лимоновым) показался мне гораздо умнее и приятнее писателя Лимонова.

Когда на одной из встреч его спросили о планах на будущее, он ответил: «Мне семьдесят четыре года, и я не загадываю далеко. Хотелось бы чем-то помочь Харькову. Об этом думаю...»

Во Франции издана его биография. Говорят, только что издана биография в серии ЖЗЛ. Про Лимонова.

А вот написал бы он сам книгу не как Лимонов, а как Савенко. Может, это и была бы лучшая книга Эдуарда Лимонова – «Лимонка в Лимонова»...

Тем временем начались митинги и демонстрации в Москве. Не видеть их, не думать о них – о молодых ребятах, выходящих на улицы и избиваемых полицейскими дубинами, Воронин не мог. Он ведь думал и о своём сыне...

...Вспомнил по пути от Мягкова домой о Вадиме, который хотел приехать в дендрарий за саженцами ещё весной. Вспоминал и до этого, но всякий раз думал, что если не звонит и не едет, значит, передумал...

А сегодня вспомнил да и набрал номер... Не сразу ответил женский голос:

– Алло...

– Здравствуйте. А мне бы Вадима... Я ошибся?..

– Нет, не ошиблись. Вадима нет. Уже два месяца. Он умер. Ковид.

Голос был спокойный и усталый.

– Спасибо, – глупо ответил Воронин и выключил телефон.

Но сразу же снова набрал номер – посочувствовать, узнать, где похоронен.

Трубка после долгих гудков проговорила механическим голосом: «В настоящее время абонент не может ответить, перезвоните позже или оставьте голосовое сообщение».

А в город, в природу, в жизнь пришло «бабье лето» – солнечное, нежаркое, спокойно красивое...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

– Давай съездим, – сказала Вера.

– А что, давай, – согласился Олег.

Она предложила старинный русский город...

На курорты наши и заграничные денег у них всегда не хватало, и Воронины убедили себя и друг друга, что им и не хочется, чего, мол, на пляже тюленями валяться. Но старались куда-то по возможности хоть на два-три дня выехать: Москва, Питер, волжские города... Конечно, с детьми.

Дети выросли. Последние два года никуда Олег и Вера не ездили вместе. Вера на дачу к подруге, Олег за грибами, а так – все в своём городе...

Мишка сам по себе живёт. Света уехала на учёбу. Олег работал сутки через трое, да ещё с Геной подменился, чтобы лишний день отдыха прихватить, у Веры отпуск. Вот и собрались, поехали...

...Городок назывался Легкодым.

Они будто сразу, минуя поезд, пересадку в Москве, электричку, автобус, проснулись в сказке.

Белые церкви на холмах, тихая речка между холмами, дома – небольшие среднерусские избы, в лёгкой, ненавязчивой резьбе наличников и подзоров, стоящие в одних уличных рядах с могучими меднолистыми липами, резными красно-жёлтыми клёнами, трепетными берёзами... Дела рук человеческих и природы органично сливались... Воздух был наполнен запахом палой уже листвы, которую, кажется, никто и не удосуживался здесь сметать, и она никому не мешала, тихо шуршала под ногами. Редкие машины, редкие прохожие... И лёгкий запах дыма тоже витал в воздухе – то сжигали в огородах картофельную ботву.

Олег представил, как зимой деревья и крыши отяжелеют снегом, а над каждой трубой дымы лёгкими белыми веретёнами будут ввинчиваться в тёмное, с россыпью звёзд небо...

Но пока – разноцветье, политое солнцем...

– Куда, куда ты привезла меня?! – блаженно улыбаясь, спрашивал Воронин.

– В сказку, – также улыбаясь, отвечает Вера.

Они идут по дорожке, загребая туфлями и ботинками лёгкую золотую листвяную мелочь... Останавливаются у калитки...

– Зайдём?..

И от калитки по дорожке идут к крыльцу синего домика. Здесь жил писатель, сказочник, книги которого любили и знали они с детства...

Светловолосая спокойная женщина продала им билеты, выдала бахилы.

– Вам провести экскурсию? – спросила.

– Нет, мы сами, – ответил Воронин, и Вера кивнула.

И билетёрша, она же, видимо, и смотритель да, наверное, и директор этого музея, тоже кивнула и улыбнулась...

И Воронины пошли по залам-комнатам.

А их и было-то две, этих комнат. В первой три окна, у стены простой письменный стол, здесь же висит брезентовый плащ, в котором писатель ходил в лес собирать грибы и сказки. Тут же, на столе, чернильница, сделанная из коряженки, и книжка: «Сказки из корзинки». На стенах фотографии. Вот ещё не старый, но уже бородатый сказочник с друзьями-писателями, вот – с корзиной на локте, в плаще и резиновых сапогах на крыльце дома – собрался в лес. Вот некрасиво, но счастливо улыбаясь, держит в руке боль-

шой белый гриб. Вот он в окружении детей – школьной малышни, уже старик, похожий одновременно на доброго лешего и Деда Мороза...

Во второй комнате – библиотека, шкафы и стеллажи, полные книг. Некоторые книги раскрыты, чтобы видны были автографы. По автографам можно изучать советскую русскую литературу...

– Где-то он писал, в дневниках, наверное: «Лучше свободно написать сказку про муравья, чем вынужденно врать про человека», – вспомнил Воронин. – И ещё: «Лес делает меня свободным...» Только кто-то в это же время должен писать и про человека, причём честно. Да и в леса всем не уйти...

– А это кто сказал? – спросила Вера.

– А это я сказал, – ответил Олег и усмехнулся.

...Потом по засыпанной листвой улице они вышли на обрывистый берег, с которого видна была и долгая нитка реки, с церквами и деревнями по берегам, и бескрайняя даль золотого, багряного, тёмно-зелёного, рыжего покрывала земли – леса.

«Сюда бы Мягкова привезти, он бы, может, снова за работу взялся», – не сказал, а подумал Олег.

Правее по берегу – стены и башни древнего монастыря, а внутри стен и действующая церковь.

Олег и Вера вошли в храм. Службы не было. Вера купила свечи и с поклонами ставила их перед иконами. Он просто стоял. Может быть, молился...

Рядом с храмом – церковная лавка. Олег и Вера выбрали два серебряных кольца с надписью «Спаси и сохрани» и тут же надели их.

Был день двадцатипятилетия их свадьбы...

У монастырских стен – небольшая, мощённая старой брусчаткой площадь и на ней городской рынок. Крепкий, пьянящий запах солёных рыжиков смешивался с тонким запахом свежепросоленных огурцов; в замотанной в тонкое одеяльце кастрюле оказалась горячая, в мундире сваренная картошка; корзины, банки, россыпи брусники и клюквы...

– На черноплодке и яблочках, не пожалеете, – предложил старик, похожий на писателя-сказочника.

И Олег Воронин не отказался, взял пол-литровую (из-под водки) бутылку с густо-бордового цвета настойкой, открутил крышку, и сладко-горький осенний настой опьянил...

Покупателей было довольно много, откуда-то появились явные, такие же, как Воронины, туристы. И ходила странная здесь, в глубинке, пара: высокий, белоголовый, узкоглазый человек и маленькая, узкоглазая, полноватая женщина. Они растерянно смотрели на прилавки с едой, на продавцов, говорили между собой на непонятном, видимо, азиатском, языке...

Вера купила простой красоты корзинку, и корзинка всё тяжелела в руке Олега: к грибам, овощам и ягодам добавились терпкий, домашнего изготовления сыр, масло местного производства, кусок хорошо прожаренной телятины... А ещё зашли в магазинчик с поэтическим названием «Легкодымское райпо», в котором купили тёплый ароматный хлеб с зажаристой хрусткой корочкой и местный мармелад, пахнущий настоящими ягодами – морошкой, черникой, клюквой...

Наверное, все туристы уехали в недалёкий большой город. В гостинице, вытянутом одноэтажном деревянном доме, кажется, не было постояльцев, кроме Ворониных.

Дежурная, очень похожая на смотрительницу музея, выдала им ключ и отвела в самую дальнюю в правом крыле, уютную комнату. Все удобства

были в номере. Стол, кровать, окно в палисадник с рябинами. Что ещё надо? Ничего больше и не надо было Олегу и Вере...

...Утром они ещё прошли по тихим улочкам города, а днём сели на крохотной автостанции в автобус и уехали в большой город, там сели в поезд и утром были в Москве.

В полудремотном метро, где большинство пассажиров были без всяких масок и тем более перчаток, перебрались с вокзала на вокзал...

Вера уже не первый раз попросила Олега надеть маску (у неё голубая медицинская маска спущена на подбородок, резинками смешно оттопырены уши). Он опять отмахнулся.

В вокзальной кафешке выпили из пластиковых стаканчиков растворимого, «3 в одном», кофе, заели какими-то пирожками (несъеденные легкодымские продукты тщательно упакованы и уложены в корзинку).

Вышли в зал ожидания, сели на пластмассовые оранжевые кресла...

Тут-то и подошёл этот – размытой внешности, в непонятной форме, в чёрной, но явно несвежей маске – человек, с папкой под мышкой.

– Добрый день. Инспектор... – что-то ещё пробормотал, раскрыл удостоверение. – Ваши документы, пожалуйста.

Воронин, не задумываясь, подал паспорт.

– Согласно постановлению мэра Москвы... – уже записывая данные Олега, человек что-то бормотал...

Вера первая опомнилась:

– Вам что надо-то?..

– Согласно постановлению...

– Маску, что ли? – опомнился Воронин. – Так вот она, сейчас наде- ну... – Достал из кармана.

– Ваш паспорт, – вернул Олегу документ. – Протокол подпишете?

– Какой протокол? Ты чего?

– Согласно постановлению...

– Ты серьёзно? Да вот маска-то... Да тут на десять метров людей нет...

– Паразит! Тунеядец! – не выдержала и Вера. – Не будем мы ничего подписывать.

– Это ваше право, – спокойно ответил человек. – Квитанция на оплату штрафа придёт по почте.

– Это у тебя работа такая? – спросил Олег.

И на этот раз человек взглянул на него испуганно, покосился на стоявших неподалёку полицейских (со спущенными, конечно же, масками), поспешно сказал:

– Согласно постановлению... Всего доброго!..

...Торопливо шли по перрону к своему вагону. И уже забылся сказочный Легкодым, только оттягивала руку нелепая корзина...

2

Света повязала неяркий платок на голову, оглянулась, торопливо перекрестилась и шагнула на порог храма.

Шла какая-то служба. Среди певчих Света увидела двух девушек из своего колледжа и поспешно шагнула за колонну.

Священник, отец Василий, тот самый, который помогал ей и отцу выезжать из города весной, торжественно произносил молитвы.

Света стояла за колонной, душа её дрожала от предстоящего шага. Она не сразу увидела икону Богородицы, перед которой случайно оказалась. Она

не понимала слов молитвы, читаемой священником, и стала молиться сама, шептать что-то вечной Деве-Матери и Младенцу...

Окончилась служба, ушли певчие, что-то речитативил ещё чтец... К священнику выстроилась небольшая очередь. На исповедь – поняла Светлана. Она не встала в очередь, а дождалась, когда последняя бабушка, утирая глаза кончиком платка, отошла от священника, и тогда лишь вышла из-за колонны... Ещё обернулась на икону и будто услышала: «Иди»... И она пошла. И священник, которого она и видела-то мельком, но запомнила церковь, в которой он служит (они проезжали мимо неё весной), стоял и ждал её, ласково улыбаясь глазами, совсем не торжественный, просто добрый...

– Ну, здравствуй... Светлана? – засомневался и спросил отец Василий.

– Да, Светлана.

– Говори...

...И тогда священник накрыл её склонённую голову епитрахилью и перекрестил широким крестом, твёрдо прикладывая троеперстие к голове.

– Иди с Богом.

– А маме можно сказать?

– Маме скажи обязательно, мама поймёт, – мягко улыбнулся отец Василий.

И Света в этот же день вечером (была пятница) поехала в родной город. Знала, что завтра родители должны вернуться. И решила твёрдо, что, когда папа уйдёт на работу, она расскажет маме обо всём, что произошло между ней и Сергеем...

А что должно было, то и произошло. Но ведь они поженятся. Надо было бы, конечно, Серёжу с родителями уже познакомить. Ну, вот и познакомит.

Она не стала звонить ему, а только написала смс: «Еду».

...Сергей уже хотел ответить: «Жду, встречаю», но в этот момент получил сообщение о переходе на казарменное положение и приказ явиться немедленно. Ещё три секунды подумал... и не стал отвечать Светлане. Собрался и побежал в казарму (бывшее рабочее общежитие рядом с райотделом).

– Ты где? – позвонила она с вокзала.

– Я в казарме. Я перезвоню, когда будет можно. Завтра никуда не ходи, – сдавленным голосом ответил Сергей и тут же выключил телефон.

3

Ночью на город выпал снег. Лежал и не таял...

Света слышала, как приехали рано утром родители. Мама заглянула к ней.

– Привет. Приехала? Спишь?..

– Привет, мам...

– Чай с нами попьёшь?

– Нет, я сплю ещё.

Она слышала, как разговаривали в кухне родители. Как собирался на работу отец. Всё же встала.

– Привет, папа.

– Привет и пока, – ответил отец, уже одеваясь. – Видела? Снег выпал, – сказал ещё.

Вера подошла к нему и, Света заметила, не как обычно чмокнула мужа в щёку, а при этом прижалась к нему, и он коротко обнял её одной правой рукой и сразу отпустил и поспешно раскрыл дверь, ушёл, щёлкнув замком.

Мать и дочь остались дома вдвоём.

Вера позвонила Мише.

– У тебя всё нормально?

– Да, да, всё нормально, – ответил он.

И по его дыханию было слышно, что он идёт, и даже слышно было похрустывание ледяной корочки на луже.

– Ты не дома? Куда-то идёшь?

– Да мне тут надо...

– К нам когда?

– Может, завтра.

– Хорошо, мы ждём, – ответила Вера и не сразу выключила телефон.

Мишка тоже не сразу отключился, и какое-то время слышны были его шаги по первому снегу...

И сейчас Вера особенно остро поняла, что сын не просто живёт отдельно, он ушёл в свою жизнь.

– Мама...

– Что, Света?

Дочь не сразу сказала:

– Ты Мише звонила? Как у него?..

И Вера не сразу ответила, зажгла газ, поставила подогреть чайник...

– Не знаю. Говорит, что нормально... Ты что-то сказать хочешь?

– Да... – Света смотрела в окно: на земле лежал и не таял снег... –

Я потом...

– Про Сергея?

– Да... Мы скоро придём с ним...

– Да уж не тяните, – ответила мать, подошла к дочери, приобняла её за плечи и тоже посмотрела в окно на снег и даже увидела на тротуаре следы ботинок Олега...

...Мишка шёл к месту сбора. Лена шла с ним. Как ни отговаривал, сказала: «Нет, пойду с тобой». – «Там всякое может случиться». – «Я с тобой...»

И вот – идут. Снежок, первый, лёгкий, ожидающий неизбежной гибели, мягко проминается, слюдинки льда на мелких лужах похрустывают под ногами...

В последние дни забрали несколько ребят «за призывы в интернете». И вот сегодня – общегородской митинг, на котором должны собраться все: те, кто против масок-намордников, те, кто против готовящейся войны, те, кто против коррупции, те, кто против полицейского государства... Анархисты будут требовать освобождения своих друзей.

Когда у Миши и его товарищей спрашивают: «Вы за Навального, что ли?» – они отвечают: «Мы за свободу!»

...Идут они: мальчишка, длинноволосый, в чёрной куртяжке со знаком «анархия» на спине, в самошитых, с дырками, какими-то ремешками и железками штанах, в высоких ботинках; и девчонка – в такой же чёрной куртке, красный капюшон толстовки выпущен на спину, короткие волосы высветлены до белизны, чёрные джинсики, чёрные кроссовки... Глянешь на таких да и скажешь: «Детство ещё играет...» А они идут с желанием пострадать за свободу...

...Олег Воронин принял дежурство у напарника Гены, перекинулись парой ничего не значащих слов и расстались. Суббота, и директорши сегодня нет, никого нет и завтра не будет. Олег промёл тропку от сторожки к воротам. Промёл и другие дорожки. Деревья – и взрослые в старой части парка, и подростки в дендрарии – стоят, присыпанные снегом. Олег сорвал гроздь

красной рябины и по одной отправлял в рот сладковатые ягоды... Дело уже было за полдень, а снег всё не таял...

Прибежал, виляя хвостом, и ткнулся носом в колени Шарик, почему-то с утра его не было...

– Привет, дружище, – потрепал его холку Воронин. И хлопнул себя по лбу: – А косточку-то и забыл тебе взять, вот что значит не в свою смену выходить...

Шарик будто бы с укором посмотрел на него.

– Ничего, что-нибудь найдём, – уверил его Олег и пошёл к сторожке.

Пёс с надеждой во взгляде торопливо побежал за ним.

В старом, с разболтанной дверью, но работающем холодильнике нашлись остатки хлеба, пакет ещё с какими-то объедками. Всё это и отдал Воронин Шарику, высыпав с тыльной стороны сторожки. Дождался, пока пёс наестся, и тогда свистнул и сказал:

– Пошли, Шарик, проверим границу.

И они пошли вдоль дощатого забора.

У «секретной» дырки Олег остановился, сдвинул доску. И сразу увидел своего знакомца – бомжа Валеру. Тот будто ждал его, сидел среди присыпанных снегом зонтов и жёлтых изросших стволов борщевика на перевернутом ржавом баке и курил, сдвинув на бороду грязную голубую маску. На нём была уже старая синтетическая шуба и чёрная от грязи солдатская ушанка без кокарды, у его ног лежал похожий на бомжа пёс с вывернутыми красными веками... Псы повели носами и равнодушно отвернулись друг от друга. А люди улыбнулись друг другу. Валера поднялся и шагнул навстречу Олегу. Воронин вылез через дырку и подал руку Валере. Бомж, как всегда, аккуратно пожал протянутую ладонь.

– Здорово, здорово, не твоя вроде смена-то...

– Подменились. На зимнюю форму одежды перешёл?

– Ага.

– Забыл тебе сигарет-то взять...

– У меня есть, – Валера «забычковал» окурочек и сунул за козырёк шапки.

– Как живёте-то? – спросил Олег.

– А живём как живётся... Раньше смерти не помрём да и её не обойдём, – философски ответил Валера. – Никого не трогаем, и нас не трогают... А то сейчас вон идём с Валькой... Ходили в церковь одёжку на зиму посмотреть, там дают, тоже все добрые такие – принесут старьё своё и, понимаешь, – благодетели... Ну, мы чего, мы не гордые...

– Лучше, чтобы на помойку выкинули? – сказал Олег на разглагольствования бомжа.

– Лучше. Я бы и на помойке взял... Ладно, так идём обратно, а за старым кладбищем-то площадка есть, знаешь, там теперь митинги проводят. И вот молодёжка всякая, с плакатами, орут: свобода, свобода! А их уже эти, космонавты-то, окружили. В скафандрах все, с палками... Машины, автобусы ментовские стоят, ждут... Вот и вся свобода...

– Валерка! – крикнула, выходя из зарослей борщевика бомжиха, тоже в какой-то уже шубе старой, но пока не грязной, и даже в сапогах на высоких каблуках с голенищами-чулками... – Валерка! Ты чё, жрать-то будешь?

– Иду я, иду... – И, не подав руки, бомж пошёл к своей подруге.

Олег снова нырнул в заборную щель, сдвинул на место доску. Тут и позвонила Вера. И Олег уже знал, что она скажет...

...Света дома не усидела. Ксюша позвала гулять, она и не отказалась.

Пошли сначала в центр, потом в городской парк, сливавшийся со старым городским кладбищем.

Не виделись девушки давно – было что рассказать. Ксюша уже забыла тех полицейских, с которыми познакомились они полгода назад.

– Так ты с ним и гуляешь?

– Ага...

– Серьёзно, значит...

– Ага...

– Ну а что, у них зарплата хорошая, льготы всякие... – говорила Ксюша. И сама себя оборвала: – Скучно ведь! Муж на службе – муж со службы, дети...

– Ещё не муж.

Тут и увидели разбегающихся по парку парней и девчонок, а за ними, да и впереди них, со всех сторон – будто роботы в своей амуниции, с невидимыми лицами, с палками... Они и не заметили, как оказались уже не в парке, а на кладбище и внутри этой отнюдь не игры в казаки-разбойники...

В беспорядочном кружении-движении носились люди и затапывали, превращали в грязь первый снег, прикрывший старинные могилы...

Мишкин голос Света узнала сразу.

– Стыдно быть ментом!

Обернулась и увидела, как его уже крутят двое роботообразных: один схватил за собранные в хвост волосы, второй заломил за спину руку, потащили к автобусу. И девчонка какая-то кинулась с кулачками:

– Отпустите, сволочи! Отпустите его!

Тут же какая-то взрослая тётка с микрофоном и мужик с камерой идут рядом:

– Молодой человек, как вас зовут?

– Миха!

– Отпустите его!..

Кидается, как пичуга на пса, девчонка, и её отталкивают, и она падает в грязь. И мужик с камерой идёт на неё снимает крупный план: грязь, девчоночье личико, слёзы...

– Миша! Миша! Отпустите! – закричала Света и кинулась к брату.

Ксюша рядом с ней побежала... Прямо перед ними фигуры в скафандрах встали: двое, но как стена. Не толкали, просто придержали.

– Вы-то ещё куда! – сказал один, и Свете показалось, что она узнала голос.

Мишки уже не было, наверное, его утащили в стоявший неподалёку полицейский автобус, а девчонка с выветренными волосами сидела на земле, прислонившись к камню со стёртыми буквами...

Света и Ксюша подбежали к ней, подняли и повели туда, где не было людей, к старой полуразрушенной часовне. Там у костра сидел бродяга, протянув к огню руки. Он был не страшный. Взглянул на девчонок, улыбнулся, сказал:

– Что, бедолаги, наигрались в свободу? Посидите тут, пока уберутся... У меня вот чай есть, – и протянул большой, сбоку помятый, но чистый термос. – А если что, мы и в склеп спрячемся... – непонятно добавил.

...Олег попробовал дозвониться до напарников, но у обоих телефоны отключены. Директорше он звонить не стал. Просто запер сторожку и поспешил через город, туда, где за парком и старым кладбищем власти выделили будто площадку для выгула собачек – «гайд-парк», место для митин-

гов. Очень удобно: вся «оппозиция» как на ладони – хочешь гляди на неё, хочешь – забирай. Сегодня забирали...

Ещё на подходе к парку и кладбищу увидел полицейских и гвардейцев в полной боевой экипировке – с дубинками и щитами. Они стояли, вытянувшись в шеренгу, перекрывая дорогу, ведущую в сторону центра города, будто ожидая наступления или просто перекрывая путь тем, кто ещё пробирался из «гайд-парка» и его окрестностей.

Воронин, прижимаясь к стене дома, постарался обойти их.

– Мне бы пройти туда, – крайнему сказал.

Тот подвинулся, но ответил весело:

– Обратно не пустим!

Олег обернулся, коротко глянул на молодые румяные лица в шлемах с поднятыми забралами и не выдержал, спросил громко:

– Кого бить собрались, ребята?

– Дураков! – опять весело кто-то из парней ответил.

– И меня будете бить?

– Если дурак, то будем!

Смешок прошёл по всей шеренге.

– У меня дед вон там лежит, – побелев лицом, проговорил Воронин и кивнул в сторону обелиска воинских захоронений.

– Да мне пох, если ты дурак! – ответил румяный мальчик из своего скафандра.

Но тут уже подошёл, видимо, старший, в такой же экипировке, без погон.

– Отставить! Проходите, гражданин, не задерживайтесь.

И Олег прошёл.

Он прошёл оставшийся до парка и кладбища отрезок улицы, видел валявшиеся на затоптанном снегу перчатки, шарфы... И даже, кажется, кровь была там, где ещё не наступил сапог или ботинок.

Прошёл через парк, видел наивно спрятавшихся в полузакрытой веранде троих парней. Мишки среди них не было. Минувя воинские захоронения, он оказался на старом кладбище...

По растоптанной дорожке навстречу ему шли три девушки. И одна из них – Света. Она, увидев отца, подбежала:

– Папа, они Мишу забрали!

– Я знаю, вы-то здесь зачем?

– Автобус вон там стоял, – сказала девушка в чёрной куртке с белыми волосами, махнула рукой в сторону обелиска.

– Это ва-а-аще... – сказала зачем-то подруга Светы, Ксюша.

– В первый отдел их всех увезли, – сказал вдруг будто бы случайный прохожий – незаметный, в штатской одежде. Сказал равнодушно, но глянул из-под козырька кепки внимательно и мимо, будто по делам, прошёл.

Но через несколько шагов обернулся и сказал:

– Оцепление сняли, можете выходить.

И снова отвернулся и пошёл торопливо в сторону выхода с кладбища.

И они не пошли в ту же сторону.

– Света, позвони маме и скажи, что я поехал в райотдел.

– Хорошо, папа.

Девушки шли впереди, Олег чуть отстал. На старом покосившемся камне надпись: «1800–1900. Девица». Имя «девицы» – вечной девушки – не читалось. А рядом на другом камне: «1895–1917. Корнет».

Рядом голый куст сирени, и на ветке неожиданно рано прилетевший в город снегирь. И Воронин вспомнил строчку:

*И снегурь на голой ветке
Как фонарик вечности...*

Только не мог вспомнить, чья это строчка: его – Олега Воронина, или Сергея Ломтева...

Улица была пуста, и он отпустил девчонок домой, а сам пошёл на автобусную остановку и через полчаса был в городском отделе полиции, где в огороженном решёткой коридорчике сидели на стульях вдоль стен «манifestанты», среди них и Мишка. Некоторых уводили в какой-то кабинет, видимо, опрашивали. Мишка всё сидел у стенки...

Внутри горотдела, перед стеклянной будкой дежурного и вертушкой на входе, толпились родственники задержанных, что-то узнавали у дежурного капитана и проходивших мимо полицейских. Деловито заходили вызванные адвокаты...

Приехал бойкий, с шустрыми глазами парень – адвокат общественной организации «Свободный город». Предлагал помощь в защите задержанных. Олег ещё по журналистской работе знал, что он мошенник...

Время от времени Олег звонил Вере, успокаивал, говорил, что всё в порядке, что он видит Мишку...

Мишка подошёл к решётке, Олег со своей стороны.

– Ну, доигрались? – спросил отец.

– Это не игра, – ответил сын.

– Хорошо... Если этот, – он повёл глазами на адвоката-общественника, – будет предлагать помощь, не соглашайся и другим не советуй... Я сейчас позвоню знакомому.

Мишка кивнул и отошёл от решётки.

Олег Воронин вышел на улицу и позвонил знакомому адвокату.

– А! Тоже прихватили! – даже, кажется, радостно откликнулся Алик, выслушав Воронина. – Не переживай, подержат и выпустят, сегодня и выпустят. Повестку в суд на завтра дадут. Десятка штрафа – и свободен... Ну, ещё радуйся, что не тридцать седьмой – в застенки не бросаю, к стенке не ставят. Коллег моих не приглашай – без толку. Десятка штрафа для всех – установка сверху. Но это на первый раз, на первый. Что потом будет – не знаю. Так и объясни своему балбесу. – Алик тараторил безумно и весело. – Да, сколько их уже держат. Два часа? Через час, если ничего не предъявят, – пиши заявление. Да. Там коллеги подскажут...

Через час Воронин написал заявление на имя начальника горотдела полиции о задержании сына более трёх часов без предъявления каких-либо обвинений, отдал дежурному капитану. И уже вскоре из боковой двери, за которой была лестница на следующие этажи, вышел сержант.

– Воронин Олег Викторович? Пройдёте, пожалуйста.

Проводил Олега в кабинет на третий этаж.

Навстречу Олегу поднялся плотный подполковник, с красной лысиной и седыми волосами на висках. Олегу он показался знакомым. Но он не пытался угадать, кто это, зная, что в их городе человек, проживший лет пятьдесят, наверняка где-то да видывал всех своих ровесников...

– Здравствуйте, Олег Викторович. Подполковник Тарасов, заместитель начальника городского отдела полиции. Садитесь, пожалуйста. Рассмотрели ваше заявление, официальный ответ придёт вам по почте. А неофициально скажу: более трёх часов держим без предъявления по простой причине – не успеваем опросить. Не ожидали такого ажиотажа...

- Разве не вы этот ажиотаж устроили?
- Это каким же образом?.. Я, между прочим, могу и не разговаривать с вами, но из уважения...
- Поблагодарить вас, что ли?.. Разве не вы ребят этих заманили на ту собачью площадку, на которой якобы можно свободно выражать свои мнения?.. Это уж не говоря о более глубоких причинах.
- Во-первых, конечно, не мы. Во-вторых, там не просто выражались мнения, а звучали и экстремистские призывы. В-третьих, санкционирован митинг был лишь общественной организацией «Свободный город», остальные – без санкции.
- То есть на высказывание своего мнения санкция нужна?
- Получается, что так, Олег Викторович. И закроем эту тему. – Подполковник прихлопнул ладонью по столу. – Моей внучке очень нравятся ваши сказки, Олег Викторович, вы к ним в школу ходите... А я стихи ваши читал... Тоже... Так что, с уважением... – Он вдруг вроде бы смутился, поднялся из-за стола, подал руку. – Выпустим сына, опросим и выпустим...
- побыстрее бы... Меня-то быстро...
- Выпустим. Но предостерегите его, – ответил подполковник Тарасов. Воронин выстоял у проходной горотдела шесть часов и вышел на улицу вместе с сыном, когда уже было совсем темно. И грязно ещё было. В тот день снег так и не растаял в их городе. Его растоптали...

5

- В следующий раз – только с оружием, – сказал Миха Лене. Она испуганно вскинула глаза:
- Тогда точно посадят или... ещё хуже, – сказала.
- Лучше умереть стоя, чем жить на коленях! – картинно и шутливо провозгласил Миха.
- Ты сначала с постели поднимись, соня! Шутишь всё... – засмеялась Лена, вскочила первая, накинула коротковатый халат и пошла в кухню, поставила чайник.
- Не спеша поднялся и Миха...
- Пока подруга что-то готовила, он взял гитару, подыгрывая себе, бормотал...
- Пришёл на кухню сел у стены..
- Чаю выпей сначала, – сказала Лена, ставя на стол чашку.
- Миха отставил к стене гитару, сделал большой глоток, поставил чашку на стол и снова взял инструмент.
- Вот, послушай...
- Это было что-то блюзовое, протяжное...

*Быть свободным как небо –
 Быть обязанным только звёздам...
 Быть свободным как ветер –
 Быть обязанным только небу...
 Быть свободным как травы –
 Быть обязанным только ветру...
 Быть свободным как море –
 Быть обязанным только волнам...
 Быть свободным как Солнце –
 Согревать это небо,*

*И ветер, и травы, и море...
И волны... И...
Эти волосы и эти руки
Любить...
Быть свободным – любить...*

– О, здорово!..
– Да? – по-детски самодовольно улыбнулся Мишка.
– Только у тебя там слово – волнам, – Лена выделила звук «о», – а не волнам, – выделила «а».
– Чего? – Мишка по-детски же и скуксился. – Ещё ты меня учить будешь...

– Да ладно! Так и так можно. Не буду я тебя учить... Знаешь, давай лучше уедем вот в ту деревню, помнишь, ты давал мне читать, где панки общиной живут...

– А-а...

Мишка вспомнил статью Василия Голованова, про «свободную деревню анархистов». Хотел даже написать этому журналисту, узнать точный адрес деревни, но узнал лишь, что Василий Голованов умер. Буквально за день до того момента, когда Мишка отправил ему письмо на электронный адрес журнала, в котором была статья.

Впрочем, нашёл он, конечно, в интернете и адрес деревни, и даже списался кое с кем оттуда...

– Посмотрим. Вот долг отцу отдам – и посмотрим. Да и на жизнь там, на первое хоть время, деньги нужны. Я тут устроился на работу...

– На работу? Зачем? И что ещё за долг у тебя?

– Да штраф-то, десятку, отец же за меня заплатил.

– Ты же что-то в интернете зарабатываешь?..

– Да чего там, – Миха махнул рукой. – Батя немножко переводит да мать продуктов даёт...

– Ну, я тогда тоже устроюсь работать.

– Ты сначала в своём колледже доучись.

Так болтали они, пили чай, копались в своих смартфонах, делились ссылками на интересные или смешные материалы...

За окном падал снег, который уже не должен был растаять до весны...

А отец Мишки, Олег Воронин, в тот же вечер записал в рабочей тетради странную фразу (и записал-то её странным образом):

*Свобода –
Быть
Человеком.*

6

Олег позвонил своему приятелю Игорю Мягкову. Тот не ответил. Они давно не виделись, и Олегу захотелось с ним поговорить, хотя они почти всегда спорили... Но не взял он трубку и не перезвонил...

Но позвонили вдруг из небольшого районного городка соседней области.

– Олег Викторович, здравствуйте. Вас беспокоят из музея поэта Сергея Ломтева...

– Так у него весной, вроде, рождение-то...

– Да. Сейчас будет День памяти, смерти его. Мы вас приглашаем, вы ведь были его другом.

– Хорошо, спасибо. Я подумаю и перезвоню.

А вскоре позвонил вдруг отец Василий.

– Здравствуй, дорогой, здравствуй, – говорил он, и виделась его спрятанная в усах и бороде и всё же явная улыбка. – Тебя не приглашали ли Серёжу Ломтева помянуть? Ты же дружил с ним...

– Приглашали.

– Вот и меня тоже. Но я-то с ним мало был знаком. Я ж потом в семинарию уехал...

– Да-да. А ты, отец Василий, был на том областном семинаре?.. Лет тридцать назад...

– Был, был. Мы же там все и познакомились. Так ты поедешь? Я съезжу, мне тут и всего-то тридцать километров...

– Ну и я, пожалуй, съезжу...

– Тогда ты приезжай ко мне... Ты на рейсовом?.. Когда будешь подъезжать – позвони, я встречу, и вместе поедем. Супруге от меня поклон. И дочери... Как дочка-то?

– Да нормально вроде...

– Ну и хорошо, оставайтесь с Богом.

Олегу показалось странным, что отец Василий отдельно поинтересовался про Свету, а про сына при этом и не вспомнил. Но не будешь же спрашивать.

А Вера со Светой на кухне сидят.

– Вам привет от отца Василия, – заглянул к ним. – Это священник, который нас из училища твоего бывшего вывозил, – напомнил дочери.

Вера же помнила ещё Васю Суслова, писавшего слабые стихи и собиравшегося поступать в семинарию.

...Света встретила с Сергеем через день после разгона митинга. Он позвонил и пригласил в кафе. Она пришла.

– Ты там был?

– Был. Служба.

– Я тоже была.

– Зачем? Я же говорил: сиди дома.

– Да случайно... Видела, как вы там...

– Ну, я с другой стороны в оцеплении стоял, никого не поймал, – усмехнулся Сергей, всё ещё не понимая, на что обижается Света. – Да не мог я тебя на вокзале встретить. Ну не мог...

– Да, да... Я понимаю, Серёжа.

– Света, я бы готов и с родителями твоими познакомиться...

– Давай подождём. Не провожай, пожалуйста.

Света ещё ничего окончательно не решила для себя. Ей было жалко Сергея... Но... Он же не уйдёт с этой службы – это она понимала совершенно точно, а она не может... Не может даже говорить с ним, даже молчать... Всё в глазах те роботообразные фигуры с палками...

И она ушла. И он не стал догонять... А ей так хотелось, чтобы догнал или позвонил...

На следующее утро Олег на самом раннем автобусе выехал в тот город, в который мимо этих же полей, но тогда уже почти освободившихся от снега, а теперь засыпанных свежим, чистым снежком, ехали на машине с Вадимом... А Вадима уже нет, нет и постов-карантинов, остались маски,

появились прививки. Как-то скукожилась жизнь. Все чего-нибудь бояться: вируса, вакцины, войны, полиции, остаться без работы... Ну, не все – молодёжь, как Мишка да подруга его, кажется, уже не боится. Или у них свои страхи?..

И Олег боится – боится за Мишку, за Свету... Боится, что не сможет написать не то что роман, а и новую сказку для ребятишек... Боится, что потеряет даже и эту, в дендрарии, работу. В тот день перезвонил ему Гена, узнал, в чём дело, поехал в дежурку – и надо же, в тот же вечер приехала на своей большой машине директорша Петровна. Кому-то из начальства срочно саженцы в оранжерею понадобились. «Сама выкапывала! Представляешь? – смеялся потом Гена в трубку. – И, слышишь, спрашивает, а что-то я давно Воронина не вижу, когда его дежурство? Ну, я ей на голубом глазу, что ты накануне вместо меня отдежурил. Разбираться ей некогда было, но зуб она на тебя имеет точно, ты давай осторожнее...»

«Да пошла она!» – ответил тогда Олег.

Дожили до того, что и какой-то бабы-дуроломки боимся. Вот Серёга бы Ломтев – нет... Он бы и не стал у бабы в подчинении работать. И маску бы он не стал носить. И «добровольную» вакцину не дал бы себе колоть... Но где он, Серёга-то?.. В том-то и дело...

Так, то задрёмывая, то вскидываясь, ехал, думал, засыпал и просыпался Олег Воронин. И через два часа уже подъезжал к автовокзалу. И только выйдя из автобуса, вспомнил, что надо было на подъезде к городу отцу Василию позвонить...

Но он и так стоял уже на широком вокзальном крыльце, и ещё через мутное стекло они увидели друг друга. Священник был сейчас в «цивильной» одежде – живот и широкая борода на нём далеко выпирали за полы распахнутой болоньевой куртки. И он улыбаясь шёл навстречу, первым подал руку и, прихватив ладонь Олега, притянул его к себе и сам прижался, наклоняясь вперёд, и они трижды коснулись – сначала правыми, потом левыми, потом снова правыми щеками.

– Здравствуй, дорогой, здравствуй...

– Здравствуй, отец Василий.

Они пошли к стоявшей неподалёку машине, чёрной «Киа». На ходу священник похлопал себя по животу, сказал:

– Расту всё. Я уж приседания стал делать и отжиматься пробую, да брюхо-то мешает... Ничего не помогает, только больше ем...

Олег ничего не ответил на это. Он и сам увидел, как сильно и нездорово потолстел друг его юности, как постарел лицом.

Сели. Поехали.

– Заедем сейчас потрапезничать, – говорил отец Василий, уверенно крутя руль, направляя машину в машинный поток, выныривая из него, успевая кому-то кивнуть на светофоре...

– Да я не хочу есть-то, – Олег сказал.

– С дороги-то и в дорогу – надо, – серьёзно ответил священник, уже поворачивая машину к воротам церковного двора, которые перед ним поспешно открывал мужичок с испитым подобострастным лицом.

Выйдя из машины, отец Василий благословил привратника, склонившегося перед ним с протянутыми, сложенными ковшом ладошками, вложил руку в ковш, и привратник поцеловал её.

– Борис, облачение моё приготовь, пожалуйста, – сказал ещё священник, и мужичок, торопливо кивнув, посеменил выполнять просьбу настоятеля.

– Ну, у тебя тут всё... – неопределённо сказал Олег.

– Да-а... Борис он такой и есть. Бомжик. У нас живёт, вот и старается. Хороший, пока не пьёт. Запьёт – от нас уйдёт, потом вернётся – и опять хороший, – добродушно отвечал священник.

Пошли не в церковь, а в рядом стоящий деревянный дом. «Тут у нас воскресная школа, мой кабинет, трапезная», – говорил отец Василий. На паперти храма остановился – перекрестился с поклоном, и Воронин сделал за ним то же самое.

В трапезной, то есть столовой, опрятная, в белой косынке женщина быстро собрала им стол.

Отец Василий встал перед иконой, читал молитву и крестился. И Олег Воронин, как мог, повторял за ним..

Плотно позавтракав, снова сели в машину. На заднем сиденье лежало священническое облачение, аккуратно сложенное в большой прозрачный пакет.

– С Богом, – сказал отец Василий, уверенно выводя машину из церковного двора на улицу.

А вскоре уже были за городом, и свежепобелённые снегом поля и перелески радовали глаз..

Олег вспомнил, как несколько лет назад ездил на вечер памяти Сергея Ломтева, на его какой-то юбилей.

– В двух местах Серёгу как земляка чтут – где родился и где умер. Это не каждому даётся.. Рановато, правда, умер..

– Ну, как Бог судил. Зато помнят. Не любили бы – не помнили, – отвечал отец Василий. – Вот вроде он и шумный был, и неудобный, и выпить мог, и подраться.. Но.. Добрый был.. Богатырь такой.. Вот и любят. Да и стихи хорошие писал.

– Ну, стихи.. разные..

Отец Василий, усмехнулся:

– Вот вы – поэты.. Разве похвалите чужие стихи?..

– Да нет..

– Да, да! – весело возразил священник. – Сам такой был. Хорошо, что бросил. А ты молодец, что пишешь..

– Да что-то в последнее время не очень пишется.

– Ничего. Вот к Ломтеву в гости съездишь – и напишется.

Тем временем они уже подъезжали к посёлку с красивым названием Лебединск..

Церковь – деревянная, новая, небольшая – стоит на въезде в посёлок, уже за ней видны типичные для «посёлка городского типа» трёхэтажные блочные дома, кирпичные коттеджи и прилепившаяся сбоку (а точнее – бывшая там от века) – обычная деревенька с избами и огородами. Слева от церкви – кладбище, а справа – заснеженный спуск к неширокой речке, с серой промоиной на излучине..

И, уже сворачивая к церкви, останавливая машину, отец Василий сказал:

– Здесь ведь до Ломтева церкви не было, это он народ собрал, сам в строительстве участвовал..

Навстречу им спускался по широким деревянным ступеням молодой священник с аккуратной округлой бородкой. И отец Василий обнялся с ним и трижды поцеловался. Олег пожал протянутую руку.

Со стороны посёлка шли люди, подъехала ещё легковая машина. Народ собирался..

И была лития над могилой. И слова молитвы переплетались с запахом ладана и улетали в небо, расплываясь над белой заснеженной землёй.

Памятник над могилой – гранитный камень, на нём высечены крест, имя и даты и строчки из стихотворения:

*Только Бог даёт
Свободу,
Только с Богом
Смерти нет.*

Подала вдруг голос женщина, в длинной норковой шубе, в норковой шапке:

– А почему все без масок? А почему не соблюдается социальная дистанция? Почему? – Она всё не могла найти слова для обращения к людям. Наконец, привычно сказала: – Коллеги! Почему, коллеги?!

А ей просто никто не ответил. Будто и не было её. Будто никто и не слышал...

И женщина в шубе пропала, растворилась...

После молитвы всех пригласили в Дом культуры на литературную встречу.

Олег Воронин задержался у могилы... Здесь лежит тело друга его юности – беспокойное тело. Поколесил Сергей Ломтев по стране, буйный был, смелый, за правду в драку лез, хотя и не всегда знал правду... А вот привела судьба в этот посёлок, здесь храм строил, здесь свои последние стихи написал... Здесь под крестом упокоился. А душа его где?..

И сами собой будто выстроились строчки (Воронин даже не стал их записывать):

*Крест:
Тело – земле;
Память – миру;
Душа – Богу...*

И в этот миг на куст рядом с могилой опустился снегирь – красногрудый красавец. Страхнул с веточки снег. Уставился круглым глазком на Воронина.

И он опять вспомнил эти строчки:

*И снегирь на голой ветке
Как фонарик вечности...*

Это же – сам поэт, душа его подала привет из вечности!..

...В Доме культуры зашли в комнату – «народный музей поэта Сергея Ломтева». Там в основном фотографии. А вот и газета, в которой на общей фотографии участников семинара (их человек двадцать) Ломтев и Воронин рядом – в центре во втором ряду, а сбоку – едва влезший на снимок безбородый будущий отец Василий... Вот писательский билет (красные корочки с фотографией), который Ломтев так и не успел подержать в руках, билет пришёл из Москвы уже после его смерти. Рукописи – листки в клетку, испианные крупным, таким же размашистым и открытым почерком, как сам поэт...

«Экскурсию» по музею проводила, то есть в основном объясняла, кто есть кто на фотографиях, та самая Мария Ивановна, у которой лет десять назад Воронин брал интервью, но только в другом музее Ломтева – в доме, где тот родился и жил в детстве. Почему-то она сделала вид, что не знает Воронина...

Потом в большом зале разные люди выступали с воспоминаниями о нём, читали его стихи, пели песни... Выступила женщина – «гражданская жена» Ломтева, с которой жил в последние годы.

– Сергей говорил, что повенчаемся, когда построит храм, но не успел... Он был очень хороший...

– А чего он так пил-то? – раздался хриплый голос с задних рядов. На щетинистого серого мужичка зашикали со всех сторон, и он больше не высовывался.

Взяла слово и Мария Ивановна:

– Сергей Николаевич был не только прекрасным поэтом, но и человеком большой, любящей души... Но, к сожалению, такие души часто встречаются непонимание...

Выступили и отец Василий, и Олег Воронин...

...Ехали обратно. Отец Василий спросил:

– Помнишь тогда, на семинаре, Семёнов рассказал притчу...

– Какую? Нет, что-то не помню...

– А меня он именно тогда окончательно укрепил в решении стать священником... Да, пожалуй, и Серёга Ломтев церковь строить стал, помня эту притчу.

– Да почему я-то не помню? Расскажи-ка...

Отец Василий, сейчас он ехал в рясе, выправил правой рукой наперсный крест из-под бороды, левой продолжая уверенно держать руль...

– Жил один человек – не то чтобы праведник или явный грешник, а как все. В Бога не верил, но знал, что «что-то там есть», тоже, как и большинство людей... Жил он, жил и умер. Предстал перед Господом. И развернул Господь перед ним свиток всей его жизни. И увидел человек... И как мать обидел, и как старику не помог, и как отца не слушал, и как девушку обманул, и как жене изменил, как злословил и лицемерил, как мог помочь, но не помог, мог сказать правду и промолчал, мог промолчать в неправде и побоялся, как обжирался и упивался, как ленился и обманывал... Всё увидел, всё вспомнил, о чём уж и забыл. Взмолился он Господу: «Прости, Боже! Не знал. А знал бы, так я бы разве грешил?.. Позволь же, Господи, мне жизнь свою пережить...» И ответил Господь: «Были в твоей жизни и добрые дела». И увидел человек свои добрые дела... И вспомнил, как вместе с отцом вешал зимой кормушку и сыпал зёрнышки и хлебные крошки птицам, как выпилил лобзиком из фанеры и подарил маме на 8 Марта подставку под чайник... И другое вспомнил... И сказал, Господь: «На время прощаю тебя. Живи. Но про суд знай и помни». И дана была человеку вторая жизнь, и родился он, и стал жить...

И был он ребёнком, юношей, взрослым... И всякий раз, когда хотел он сделать что-то плохое, голос души – совесть – говорил ему: «Помни про суд». И он не делал плохое... Но однажды другой голос шепнул ему: «Да это тебе всё кажется. Всё надо попробовать, самому надо понять, что хорошо и что плохо». И поверил человек этому голосу. И сам решал, что хорошо и что плохо. И жил. И умер. И снова предстал перед Господом. И развернул Господь перед ним свиток его грехов и его добрых дел. И было грехов не больше, чем в первой жизни. И сказал Господь: «Ты знал о суде»... И что там было дальше – то нам знать не дано...

Отец Василий помолчал и добавил:

– Вот такую притчу нам Семёнов рассказывал. Разве не помнишь?

– Нет. – Воронин пожал плечами.

Отец Василий тоже пожал плечами и добавил:

– А в конце он ещё сказал так: «Может быть, мы все переживаем свою первую жизнь. Ведь всем нам совесть подсказывает, что хорошо и что плохо... Незнанием на суде не оправдаемся».

– Странно, не помню... Ну, в православии же нет понятия второй жизни...

– Нет, – согласился священник, – но совесть есть.

...Днём дорога оттаяла, а к вечеру её стало прихватывать ледком, и жёлтые круги от фар маячили на пути, и чёрно-белые ёлки стояли по краям дороги, и проносились мимо встречные машины...

«Незнакомец, незнакомка, здравствуй и прощай, можно только фарами мигнуть...» – вспомнилась Воронину и напевалась беззвучно в полудрёме песня... И голос отца Василия оборвал её:

– Ну, ну, давай уже... Давай...

Воронин не сразу понял, а было то, что, обгоняя два длинных лесовоза, летела на них, вытаращив глаза-фары, какая-то машина и явно не успевала обогнать лесовозы и уйти вправо... Отец Василий притормаживает, но сзади тоже кто-то едет, и скользкая дорога, и свет фар... Священник уводит потихоньку машину к обочине... Вот сейчас колёса хватанут кромку, дальше кювет... Но машина просто сворачивает на какую-то отворотку, встречная машина проносится мимо и уходит на свою полосу... Всё это длилось секунды... Отец Василий сидел, откинувшись в кресле, и его большой живот почти упирался в руль.

Так сидели они молча минут пять. А потом отец Василий вдруг улыбнулся и сказал:

– Ну, слава Богу, сохранил тебя для будущего внука!

– Какого внука? – непонимающе ответил Воронин.

Священник сбивчиво проговорил:

– Ну, будет же, чего...

– Это ещё не скоро, – ответил Воронин, но в голосе его почувствовалась неуверенность. – Не сейчас...

– Ну, поехали с Богом! – провозгласил отец Василий.

И вскоре они были в городе.

– У меня переночуешь и утром уедешь, – не спрашивая, а утверждая, сказал отец Василий.

Олег Воронин посмотрел время на телефоне и ответил:

– Нет, ещё на последний автобус успеваю. Подкинь до автовокзала.

Там они и простились, обнялись.

Олег сел в автобус, в мягкое кресло.

И сразу набрал номер сына.

– Привет, Миха...

– Привет, – в голосе сына послышалось удивление, отец никогда не называл его так.

– Ты дома?

– Дома.

– Как дела у тебя?

– Всё нормально...

– Подруга как?

– Тоже нормально...

– У тебя?

– Нет, у родителей сегодня.

– Ну, ладно... – Олег замаялся.

И теперь уже спросил сын:

- А ты где, не дома, что ли?
- Нет, ездил в посёлок Лебединск... По делам. Сейчас домой еду. Завтра на дежурство мне выходить...
- А-а... А я завтра тоже на работу, первый день...
- Куда?
- А на почту, буду письма разносить...
- Ну и ладно, хорошо, – ответил Олег. И всё же добавил: – Ты осторожнее там. Не лезь никуда...
- Ага, – ответил сын.
- Ну, пока.
- Пока.
- И тут же эсэмэска от Веры. «Ты где?» «Еду, буду через два часа», – ответил Олег. И набрал ещё один номер.
- Алло, – сразу ответил знакомый голос Мягкова.
- Привет, Игорь, что-то я не мог до тебя дозвониться...
- Привет, привет, дорогой. А я ведь болею. Да, этой самой заразой. Первые дни тяжело было. И телефон отключал, а сейчас уже ничего...
- Дома или в больнице?
- Дома, дома... Ничего. Будем жить. Поживём ещё, было бы для чего...
- Тут и оборвалась связь, автобус выехал за город. В черноте ночи белые просторы полей с какими-то огоньками, с чёрно-белыми островами перелесков...
- И Олег Воронин уснул и ехал в полупустом тёмном автобусе туда, где его ждали...

**Алексей
БУСС**

О ПОВЕСТИ ДМИТРИЯ ЕРМАКОВА «СВОБОДА»

Излёт Перестройки, 1989 год... Схлынуло опьянение от «ветра перемен», мы перекормлены гласностью, и очереди за свежим номером «Огонька» у киосков «Союзпечати» постепенно редкуют. Полыхают уже Карабах и Фергана, республики всё смелее говорят о независимости, кажется, вот-вот и произойдёт что-то... страшное? Трагическое? Фатальное? Не уверен, что все граждане СССР воспринимали это именно так, всё же угар Перестройки ещё не прошёл совсем, и кажется, можно избежать и большой крови, и даже распада этого самого Союза, да и как, казалось бы, он вообще может распасться? Будет новое государство, новое название, всё как-то утрясётся...

А по телеку популярные звёзды итало-диско Аль Бано и Рамина Пауэр поют новый хит, в котором есть и вот такие тревожные слова:

*Между домами и церквами
женщина ищет того, кого больше нет,
и сколько людей не вернётся во имя свободы.*

Песня называется «Свобода», она вскоре зазвучит отовсюду, даже станет гимном румынской революции, которая, как и все революции, начнётся красиво, а закончится расстрелом старика и старухи у стены казармы...

*Свобода,
Сколько ты заставила плакать,
Без тебя
Сколько одиночества,
До тех пор, пока
Будет смысл жить.*

-
- Алексей Александрович Бусс родился в 1973 году в городе Тахиаташ Каракалпакской АССР. Окончил филологический факультет Акмолинского университета. Поэт, прозаик, публицист, редактор, литературный педагог. Член Союза писателей России, заместитель председателя правления Саратовской писательской организации, руководитель литературной студии «Голоса поколений». Лауреат премии им. К. Федина.

Но кто у нас понимает итальянский, да и в мелодичном ли шлягере находить ответы на большие вопросы? Но ещё немного – и наши женщины будут искать мёртвых детей по полям сражений локальных войн, и всемогущий и вечный, как казалось, Союз, наша страна, Родина наша станет пылью истории...

Мы не получим обещанного экономического процветания, окажется, что нас не ждут с распростёртыми объятиями в «цивилизованном» мире, да много чего окажется и откроется нам, наивным... Но с одним не обманут – свободу мы получим. На какое-то время такую, что народ будет жить с государством параллельными жизнями, почти не соприкасающимися. И начнёт привыкать к этому.

Повесть Дмитрия Ермакова – о разной свободе. О той, что является главной, той, ради которой начинаются войны и социальные потрясения, – свободе социальной. О той, что для каждого своя и каждым по-своему понимается, – свободе личной. И о той, которая нужна совсем небольшой части народа, зато является для этой части такой же необходимой, как воздух и вода, – свободе творчества. Все эти свободы переплетаются в сюжете, это и есть проявление реализма, ведь и в жизни один вид свободы неотделим от другого.

Но писателю тема творческой свободы не просто очень близка – она для него наиболее удобный инструмент исследования свободы вообще. Именно поэтому многочисленные сюжетные веточки повести, как на стальную хорду искусственной новогодней ёлки, нанизаны на судьбу провинциального поэта Сергея Ломтева – человека по-рубцовски неустроенного, конфликтного, хрестоматийного литературного хулигана, которых полно на Руси-матушке, почитай, в каждой писательской организации по одному-два, а то и больше. Ломтев не главный персонаж «Свободы» и не друг протагониста Олега Воронина даже. Точнее, автор определяет это так: «Ломтев сам выбрал Воронина в друзья». И, несмотря на периодические появления Ломтева в жизни Воронина, помощь, которую Олег оказывает Сергею, настоящей дружбы между ними нет. А есть... что есть? Наверное, с этим затруднился бы определить и сам Воронин. Соратничество? Эмпатия? Некая общая духовная частота? Читатель должен будет сам трактовать эту связь и, думаю, не ошибётся, если прочитает «Свободу» внимательно и непредвзято.

Исторически обоснованная, но удивительно приходящаяся кстати, будто бы выдуманная параллель возникает у образа Ломтева с образом Есенина. Молодые литераторы на семинаре оказываются рядом с домом, где когда-то гостил «певец берёзовой Руси», и именно Ломтев рассказывает им историю этого посещения. Рассказывает, почти сливаясь со своим предшественником в некое общее целое, в некое явление: «...он как бы нёс в себе есенинское начало, хотя внешне совсем не походил – но вот та стихийность, «народность» и при этом – неприкаянность в Ломтеве, как и в его тёзке, была». Народность и неприкаянность как составные свободы – запомним это.

Часть творческой судьбы писателя – его посмертная судьба. Там, где у обычного человека всё заканчивается, у творческого – только начинается, ибо рождается она – будь она благословенна и проклята – её величество ЛЕГЕНДА. Благословенна, потому что легенда, как ни крути, форма памяти. Она заставляет «поднять на щит» неудобного и гонимого при жизни автора, привлекает новых читателей, вдохновляет старых. Проклята, потому что легенда – всё же вымысел. Не сказка, но и не быль, суть есть – чудесное сказание.

Легенда может родиться сразу после смерти, а может – спустя годы. Творцы её, как ни странно, чаще всего люди, знавшие житейскую, нелегendarную сущность легендарной личности – друзья, любимые (или считавшие себя таковыми) женщины, земляки, случайные спутники жизни. Я и сам не раз наблюдал рождение таких легенд – как незначительных, локальных, не выходящих за пределы села, района, города, так и масштабных, уровня страны как минимум. Причины тут просты и банальны, не стоит даже останавливаться на них подробно: возвышая, мифологизируя известную нам творческую личность, мы возвышаем себя. Событыльник становится «соратником», любовница – «музой», земляки – «друзьями детства», а родной город или село – «малой родиной» поэта, а может быть, при удаче, даже центром туристического притяжения.

Дмитрий Ермаков в начальных сценах своей повести как раз хорошо показывает, как лепится такая легенда. И в них мы впервые столкнёмся с дуализмом «свобода–несвобода», поскольку увидим, как из вольного, бесшабашного, неуживчивого странника Ломтева формируется благообразный образ «гения места», примера для школьников, утратившего свою прижизненную свободу.

Тогда же, в конце 80-х, когда из телевизоров – Альбановская «Либерта», а на повестке дня – крушение страны, Олег Воронин впервые увидит бомжа, человека, обретшего свободу как издѣвку. Через пару лет таких «свободных» станет существенно больше, а мы, поколение «последних советских детей», к которому относится и герой «Свободы», войдѣм в жизнь.

В начале повествования Воронин – областной корреспондент, уже сыт по горло этой жизнью, поскольку «свобода–несвобода» принимают причудливые и абсурдные формы. Забавно, а может, и закономерно то, что журналист, представитель профессии, считающейся достаточно вольной на фоне высиживающих трудовую повинность от звонка до звонка производственных и офисных работников, первым в новой реальности сталкивается с несвободой. Это, скажем так, «несвобода слова», набирающая обороты в обществе, которое теперь надо именовать уже «постпостсоветским» или «постдемократическим» – термин ещё предстоит придумать.

Традиционная русская поговорка, всегда применяемая в нашей стране к социально-политическим процессам – «рыба гниѣт с головы», – здесь ошибѣтся: в провинции журналистская несвобода началась уже во второй половине 90-х, тогда, когда столичные СМИ ещё либеральничали от души... «Настоящий грех журналиста не в том, – написал как-то Честертон, – что его статья обязательно будет искажать историю, настоящий грех в том, что статьи будут искажать душу журналиста». Об «искажении души» Олег Воронин задумается не раз по ходу развития фабулы, но впервые он – душа его, мысли его! – ясно и больно заговорит об этом именно в связи с журналистской профессией.

Будем честны – страна наша жила последние десятилетия в некоем иллюзорном, выдуманном мире. Колоссальная, многоканальная, всеобъемлющая ОТЧѢТНОСТЬ охватила все отрасли нашей жизни – экономическую, социальную, культурную. Многократно обурганый советский бюрократ ныне бы просто сошѣл с ума от всей той информации, которая собирается по ступенькам иерархий от какой-нибудь сельской администрации или мелкого ИП до гигантских структур областных правительств или федеральных министерств. А есть ещё какие-то агентства по опросу населения, фонды социальных и экономических исследований, переписи и прочая... Казалось бы, это хорошо: пульс страны измеряют ежедневно десятки

участливых рук, не давая ей подвергнуться недугу или какой другой напасти. Но малейшее же потрясение выявляет удивительное: все эти цифры, удобно расположившиеся в ячейках бесчисленных эксэлевских таблиц, не несут никакой значимой информации и никак не способны нас защитить! Дмитрий Ермаков на хороших примерах показывает нам, как формируется такого рода победоносная отчётность: вот один дворец спорта открывают трижды, а вот «возрождение» льноводства (у нас сейчас страсть как любят всё «возрождать») – не более чем пиар-кампания... И тут же, на контрасте, разворачиваются перед читателем события недавнего 2019 года: начало пандемии, всеобщий страх, непонимание, абсурдные запреты... Мир дутых цифр и мнимого благополучия рушится у нас на глазах, но вместо того, чтобы вернуться к реальности, мы придумываем всё новые и новые цифры...

Незадолго до этого герой Ермакова делает шаг к свободе – уходит из газеты. Рецепт выбирает старый и проверенный, воспетый некогда Гребенщиковым в знаменитой песне:

*Поколение дворников и сторожей
Потеряло друг друга в просторах бесконечной земли...
В наше время, когда каждый третий герой,
Они не пишут статей, они не шлют телеграмм.*

Подобно представителю контркультуры в позднем СССР, Олег Воронин становится сторожем в дендрарии. Тогда, во времена ленинградского рок-клуба, Майка, Цоя и Башлачёва, это называли «внутренней эмиграцией» – все эти «Камчатки» новой русской интеллигенции. Сейчас... сейчас у нас полстраны в такой «эмиграции», все что-то охраняют, с лицензией или без, одним сторожем больше, одним меньше... Это уже не выглядит фрондой или демаршем, да протагонист «Свободы» на это и не претендует. Просто подальше от вранья, поближе к реальной, пусть и неустроенной, большой жизни. Она, жизнь, будет время от времени приходить к нему в образе бомжа (снова бомжа!) Валеры. С другом, художником Мягковым, Воронин много рассуждает о свободе, и кажется вот этот Валера – олицетворение её истинного, гулевого, пугачёвско-разинского извода! Ан нет – он, Валера, вечно озабочен и, кажется, в курсе всех мировых потрясений, даже и осведомлённей в них, чем бывший корреспондент. Значит, отказ, добровольный или вынужденный, от материальных благ не есть свобода?

Художник Мягков назовёт современность метко – «временем трясины»: «Трясина, поглощающая экономику, культуру, судьбы, жизни... Чья-то судьба тонет в трясине несправедного богатства, чья-то – гибнет в безысходной нищете; кто-то теряет совесть ради благополучия чиновной карьеры... Трясина...

– Хорошо: была застойная лужа; теперь – трясина... Что ещё будет?

– Боюсь, что будет провал, чёрная дыра, которая поглотит сама себя... Конец... Но конец – это всегда и начало чего-то нового...»

Ожидание провала, конца – один из главных лейтмотивов повести. Не случайно, думаю, формулировка этого предчувствия вложена в уста самого жизнерадостного персонажа. В Мягкове есть что-то раблезианское – он наслаждается текущим моментом, как рюмкой коньяка или долькой шоколада, он дорожит дружбой с Ворониным, но не дорожит общим прошлым, легко отказываясь от альбома их юношеских сочинений и безжалостно вычищая мастерскую от наслоений времени. Мягков – некий новый, переродившийся Обломов – современное развитие этого бессмертного образа. Он бла-

годушен, фамилия его (тоже русская литературная традиция!) – говорящая, он мягок и добр, но жизненную позицию имеет чёткую и, пожалуй, негибкую. Он персонаж армейской сказки «Ракетные разведчики», которая выступает неким «лирическим отступлением» в повести. Но отступлением не случайным, а необходимым. Ведь в шуточной, пародийной, иногда сатирической форме сказка рассказывает о юности, о другой стране, других мечтах, другой мифологии, когда слова про следы на «пыльных тропинках далёких планет» звучали реальней, чем нынешние серые будни... И тут – тоже тень предчувствия конца, когда некогда ценное и долго хранимое теряет смысл, и Мягков чистит мастерскую, а Воронин ревизирует артефакты собственной души.

Вторая, но не второстепенная линия образов, – дети главного героя. В них – будто бы две ипостаси современной молодёжи. Сын, Михаил, «Миха» – в поисках свободы изначально. Это проявляется и в раннем уходе из дома, и в том, что примкнул он к не новому уже, но всё ещё не теряющему актуальность в молодёжных кругах панк-движению. Панки оказались удивительно живучим явлением на нашей русской почве. Может, то крепкая память о батьке Махно и князе Кропоткине даёт о себе знать, но как бы то ни было, пережили они у нас и некогда разветвлённую систему «детей-цветов», и боевые бригады люберов, и хромированные тусовки любителей «хард-н-хэви». Наверное, всё же дело как раз в анархической идеологии, столь любезной сердцу молодого человека, а русского – тем более. Как бы то ни было, Миха вступает на этот путь осознанно, и не моды ради и почитания музыки группы «Секс Пистолз» для, а именно по идеологическим причинам. И идеология быстро приводит его – нет, пока не на баррикады, но в прямое противостояние с властью. Как и сто лет назад, новые революционеры быстро учатся, и учителя их – такие же мальчишки, как они, но закованные в пластиковые латы и вооружённые резиновыми дубинками, которых активисты неудавшейся Перестройки метко называли некогда «демократизаторами». Эту болезненную и временами уже кровавую «учёбу» предсказал провозвестник и гуру отечественного панка – Егор Летов:

*Чтобы ни случилось – всё к лучшему:
Срубленные головы стремительно умнеют,
Реки подо льдом кипят светло и зло,
Выбитые зубы ослепительно скрипят.*

Зато дочь Света оказывается – невольно – по другую сторону этих невидимых пока баррикад. «Родина женщины – там, где её мужчина» – говорится в одной довольно циничной поговорке. «Родина женщины там, где её семья» – утверждает более мягкая её форма. Светлана Воронина стоит на пороге создания семьи, она влюблена и счастлива. Но её возлюбленный оказывается одним из этих самых «космонавтов» с «демократизаторами», которые «винтят» Светкиного брата и его друзей. Они, в том числе её Сергей, неплохие ребята, но они уже приняли условия игры. Столкновение неизбежно, и... оно происходит. Интересно то, какой выбор делает Светлана. Честно сказать, мне он показался немного надуманным, книжным. Света Воронина уходит от Сергея, несмотря даже на то, что ждёт ребёнка. Реалист тут будет упорствовать в этом самом «Родина женщины – где её мужчина», но это реалист общего, так сказать, порядка. Русский же реализм знает и женщин Чернышевского, и «светлый луч» – Катерину Островского, и Елену Стахову из «Накануне» Тургенева, и молодогвардейку Фадеева,

и девушек из «А зори здесь тихие...» Васильева. В этом смысле правда образа – на стороне Дмитрия Ермакова, и это – великая правда.

«Вражеской пулей спасён от братоубийства», – читает главный герой на могиле двадцатидвухлетнего корнета на старом городском кладбище, рядом с которым происходят события, способные стать началом братоубийства уже века двадцать первого. Символика? Намеренное художественное сближение? Нет, увы! «Плотность» исторических событий в старых русских городах такова, что мемориальным доскам порой не хватает места на стенах: в одном здании могли размещаться попеременно и городская дума, и реввоенсовет, и эвакогоспиталь, и снова – дума... В каком-то смысле новые «корнеты» и новые революционные студенты ходят у нас по костям прежних, и кости эти, кажется, не молчат, они, что называется, «вызывают», потому что застарелые болезни не вылечены, на проклятые вопросы не найдено ответов.

Много предчувствий, много тревоги, много трудных раздумий в повести «Свобода». Как и в давней песне итальянского дуэта, слово это означает борьбу и кровь, обретение и жертву, то, без чего человек перестаёт быть человеком, и то, что превращается в одиночество, если это – свобода для одного.

Венчает повесть снова глава, связанная с Ломтевым. Прошло десять лет с первого вечера его памяти, легенда сформировалась, она уже живёт своей жизнью. Оказывается, что технически несовершенные стихи бродяги-поэта, поддержанные его незабытым образом, продолжают жить, находить читателей, вдохновлять. И в безрадостной картине народившегося полицейского строя, ковидных барьеров и предчувствия войны ломтевская церквушка, память о нём и написанные Ворониным, но как бы и Ломтевым тоже, стихи о снегире – «фонарике вечности», маленьким маяком надежды сияют сквозь зимний вечер, по которому едет рейсовый автобус главного героя. Вечный русский символ дальней дороги и утлой кибитки будто бы вышел из старинного романса, преобразился и продолжает везти Русское Слово.

Куда-то? Бог весть...

Дина
ДАБРИШЮТЕ

ЭТО ХОРОШЕЕ ЛЕТО...

ЭТЮДЫ

1

Набрав полные лёгкие воздуха, останавливаюсь
в пространстве.
Быстро крутится мир-волчок. Я беру
Раскалённую камбалу солнца, плоскости постоянства
И погружаю их в черноморскую волну.

2

На тарелке южного неба большие крапинки,
Будто дыры или точки на домино.
Под ногами хрустят ракушки, ступни в царапинках.
На приливе пляж – это тоже морское дно.

3

Тишина в цепких лапах зелёного богомола.
Спели хором цикады четыре басовые ноты.
Ветром сносит песчинки мелкого помола,
И летят над щербатым зеркалом моря
Белые чайки и белые самолёты.

-
- Дина Пятро Дабришюте родилась в 1989 году. Поэт, чтец аудиокниг издательства «ЭКМО», теле- и радиоведущая, колумнист Псковской ленты новостей. Победитель всероссийской мастерской для молодых авторов «Мир литературы. Новое поколение» (семинар поэзии), участник V Всероссийского совещания молодых литераторов Союза писателей России «Химки-2022», лауреат международного поэтического фестиваля «Словенское поле», финалист Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри». Участник всероссийской поэтической онлайн-сессии «Символы современной поэзии», Всероссийского литературного фестиваля имени Михаила Анищенко, поэтических встреч в Государственном центре современного искусства и многих других литературных мероприятий. Живёт в г. Псков.

ДОРОГА

Поток машин течёт как огненная лава.
Рисует лапой ночь на скоростном шоссе
картины Врубеля налево и направо.

Картонная луна явилась в неглиже
под сеткой из ветвей обугленных деревьев,
недвижимых на смальте витражей.

Вверх по дороге тьма слепая и глухая,
лишь язвы-фонари на чёрном полотне.
Закрой глаза, смотри, дыханье замедляя,

как пишет эта ночь налево и направо
картины Врубеля на скоростном шоссе.
Поток машин течёт как огненная лава.

КАРТЫ

одинакового цвета
тени рыб плывут по стенам
среди кактусов и фуксий
вдоль по карте на стене

не по правилам течений
проплывают океаны
взламывая льды мелькают
на обоих полюсах

ограничены водою
ограничены землёю
рыбы даже не мечтают
оказаться в небесах

сменим океан на небо
острова с материками
на мозаику созвездий
из галактик и планет

одинакового цвета
тени рыб летят по небу
по теченью звёздной пыли
вдоль по карте на стене

ВДОХ

Это сердце какой-то шутки,
где проходишь дурацкий квест.
Спёртый воздух ночной маршрутки,
в нём любовь к перемене мест.

ВЫДОХ

Вот этот свет, помноженный на снег,
положенный на руки и предметы.
Сквозь тёмное летят на смерть кометы,
на светлое кружит по ветру снег.

ИЗ «ЛЕКЦИЙ О КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКЕ»

1

давай уедем к западному морю
искать янтарь в закатной полосе
топтать ботинками песок в косе
топить в вине и водке наше горе

давай уедем к Финскому заливу
молчать и плакать каждый о своём
прямую речь и разговор втроём
сворачивая в мыслях торопливо

2

за две недели парк лишился слов
от дыма сигарет туманно ночью
и до сих пор мне голову морочит
звук музыки и песенки без слов

за три недели берега реки
заметно живописно обмелели
длиннее дня там фонари горели
я больше не хочу считать недели
до встречи

3

здесь барокко хочет пролиться
клавесинный ёлочный воздух
будет сниться пока будет длиться
септаккорд под твёрдой рукой

тотал грей выходи из зала
на пороге ж/д вокзала
сохрани мою тень на луже
и магнолии острый цветок

возникают стираются лица
без закладки на важном месте
перевёрнутая страница
и незагнутый уголок

4

Утром снилось: мы видимся каждый день.
Для влюблённости не хватает
как раз ежедневных встреч.
На уроке русского учителя одолела лень.
Записала в тетради по алгебре: «Пренебречь,

Повальсируем в этом прекрасном мире!»
За окном навалило снега, дом как сугроб.
Я не сплю до утра в съёмной тёмной квартире.
Ты отводишь меня на занятия и целуешь в лоб.

Скоро будет премьера оперы, в январе.
Улыбаясь, читаю афиши на остановках.
В 30 только музыка может согреть.
Вся гармония зашифрована в оркестровках.

От бессонницы у меня началась мигрень.
Грею руки, обещаю себя беречь.
Утром снилось: мы виделись каждый день.
Для влюблённости не хватило лишь пары встреч.

5

Выйди на гололёд. Выкури сигарету.
До электрички на Выборг успеешь ещё одну.
Солнце восходит ало, почти как в Африке летом.
Вижу, как ты уезжаешь, щеки в карманах мну.

Шнитке, Джон Кейдж, Вивальди, этика авангарда –
Классика в плейлисте подобна солнечному пятну.
Ноты не знаю и знаки, и объяснять не надо.
Я остаюсь чувствовать музыку и весну.

Круглые волны катера
обручем воду держат.
Август висит. И платье
тебе хорошо, как прежде.

Солнце щекочет облако
розовыми когтями.
Цапля летит, комкает
крыльями горизонт. С нами

это хорошее лето
идёт по воле кругами,
режет велосипедным
диском дороги фронт.

**Марина
СТРУКОВА**

АДЕЛЬ

Сказка «Серебряного века»

– Ты веришь, что там кто-то есть? – Нина держит в руке маленькую железную клетку с замком на дверце. – Хочешь перевести разговор на другую тему?

– Извини, я не мог отказаться от этой поездки. – Станислав чувствует свою вину.

– Разве сейчас время для гастролей?

– Я живу театром.

– Жаль, что не мной.

Волосы Нины, чёрные как смоль, гладко зачёсаны, собраны в узел на затылке. Шея длинная, белая. Вокруг глаз тени, лицо бледное, правильное, словно у античной статуи. Аристократка.

– Кому в Англии, на родине Шекспира, был нужен ваш Островский?

Она повертела в пальцах деревянную трубку с резной физиономией Лепрекона.

– Впрочем, мама больна, и я всё равно не оставила бы её одну.

– Вот видишь...

Станислав облегчённо вздохнул и укоризненно посмотрел на невесту – как любит она затевать ссоры из-за пустяков. К сожалению, он стыдился сказать ей, что вряд ли сейчас у них нашлись бы деньги на совместное путешествие. Он – помощник театрального декоратора. И без того чувствует себя униженным, что после свадьбы будет жить в доме жены, поскольку сам ютился на съёмной квартире. У него болезненное самолюбие нищего интеллигента, заставляющее гадать, что думают о нём окружающие. Сын сельского дьячка из-под Рязани, отправленный учиться на казённый кошт, он двенадцати лет попал в театр благодаря билету, подаренному жалостливым учителем. Влюбился в дивный мир на подмостках, где оживали герои книг. Склонности к актёрскому ремеслу Станислав не чувствовал, но любил представлять, в какой обстановке и в каких костюмах действовали бы персонажи спектаклей, какие механизмы помогали бы процессу.

● Марина Васильевна Струкова родилась в п. Романовка Саратовской области. Окончила Гуманитарный университет. Работала учителем, корреспондентом, корректором. Публиковалась в изданиях: «Наш современник», «Москва», «Нева», «Подъём» и многих других. Лауреат конкурсов «Прекрасные порывы», им. Н. Некрасова, им. Ю. Кузнецова, «Добрая лира». Автор четырёх поэтических сборников. Живёт на Тамбовщине.

После окончания гимназии юноша, к неудовольствию отца, начал работать в театре, сначала как рабочий, затем помощником декоратора. Шли первые годы двадцатого века, сулившего потрясения и перемены. Станислав пригласившись к актёрами и как-то вместе с ними попал на поэтический вечер в салоне княгини N, где познакомился с Ниной. В этом году они должны пожениться.

– Так что в этой клетке? – тонкий голос Нины прерывает его размышления.

Станислав проводит пальцем по железным прутьям.

– Путешествуя, я стремлюсь погрузиться в духовную атмосферу страны. В Англии старался чувствовать себя англичанином, даже язык выучил перед поездкой, чтобы не нуждаться в переводчике. После спектаклей осталось несколько свободных дней, и я с друзьями побывал в ирландской провинции. Два дня жил в маленькой гостинице, гулял по побережью, любовался древними руинами и уцелевшими замками. Перед отъездом ко мне подошёл хозяин и поинтересовался, есть ли у меня дома сад. Я вспомнил твой маленький уютный садик и кивнул. Тогда рыжебородый плут таинственным шёпотом спросил, не нужны ли мне феи? Представь моё удивление. Хозяин пояснил, что феям свойственно заботиться о растениях и мой сад превратится в райский уголок под их чутким надзором.

«Где же твои феи?» – усмехнулся я. Ирландец с серьёзной миной показал мне пустую клетку и заявил, что там находится восемь лесных духов, которых поймал он лично, наделённый двойным зрением – то есть умением видеть не только явное, но и потустороннее. Не раз я слышал о том, что ирландцы – редкие шутники, которые не прочь надуть путешественника. Посему рассмеялся и сказал, что совершенно не верю в его рассказы, но хозяин спросил, уж не думаю ли я, что он возьмёт с меня дорого? Конечно, в нелепой покупке мне стоило винить себя, а не виски. Впрочем, цена оказалась мизерной. Я подумал, что столько отдал бы за пустую клетку. Когда утром с тяжёлой головой выезжал из городка, в моём скромном багаже – а я люблю путешествовать налегке – оказалось и это узилище фей. Предлагаю выпустить их в твоём саду.

Нина улыбнулась, и Станислав с умилением заметил в её доселе недовольном лице что-то детское.

Особняк, который достался Нине и её матери от родовитых предков, фасадом выходил на столичную улицу, где мельтешили прохожие и экипажи, зато во внутреннем дворике росло несколько яблонь, вишен, кусты смородины, а возле забора возвышался молодой дуб. Сейчас здесь ощущалась весенняя свежесть, на ветвях набухли почки.

Молодые люди спустились по каменным ступеням, сделали несколько шагов по песчаной дорожке.

Нина открыла дверцу клетки и произнесла:

– Добро пожаловать в наш сад... А разве они поймут по-русски?

И её жених повторил приглашение по-английски. Гаэльского он не знал.

Для дуун-ши¹ не существовало времени, раздражало только железо клетки, источавшее обжигающий холод. Рыжебородый громила заманил их

¹ Дуун-ши означает «мирный народ». Так называют эльфов и фей.

кусочком медовых сот, положенных на серебряное блюдо – дуун-ши любили сладкое и блестящие вещи. Когда ловушка захлопнулась, забились, гневно крича, но человек, приблизив лицо к клетке, смело заявил:

– Вряд ли вы сможете отомстить мне, крошки, ведь я отправлю вас за море.

Он явно видел их, и дуун-ши поняли, что рыжебородый знаком с магией.

Несколько дней они смиренно терпели плен. Разглядывали людей сквозь решётку. И однажды молодая черноволосая женщина и худой русоволосый мужчина с бородкой вынесли клетку в сад и распахнули дверцу. В этой стране тоже царствовала весна.

Дуун-ши сразу выбрали дуб, его высокая крона с раскинувшимися ветвями превратилась в целый город, с незримыми для людей лестницами и дворцами. Для воздушных строений дуун-ши почти не требовалось опоры. Они знали закон равновесия. Их жилища держались на тонком волоске паутины, на скрещении двух стеблей, они могли спать в полёте и не мёрзли в самые лютые морозы. Их манила музыка людей, грубая на слух, но порой мелодичная, и дуун-ши льнули к окнам. Изредка попадаясь на глаза смертным, они казались светлячками. Подслушивали, как молодой человек говорит девушке:

– Нельзя венчаться в мае, Нина. Будем маяться всю жизнь.

– Станислав, ты привёз суеверия из своей дикой глуши?

– Это шутка.

Дуун-ши порхали среди ветвей, наблюдая за брюнеткой в белом платье, поправляющей прозрачную фату. Пышный букет в её руках им не нравился. Дуун-ши, призванные оберегать всё живое, жалели сорванные цветы.

Потом они заметили, что хозяйка сада беременна, и стремились оградить её от докучливых комаров и ос, если выходила в сад. Впрочем, она не замечала столь скромной заботы.

А вскоре дуун-ши с любопытством заглядывали в комнату с ажурными занавесками, где появилась маленькая кровать. Тонкий плач из неё слышался всё чаще, а мать заходила в детскую всё реже, зато возле дремала краснощёкая нянька Марфа.

В зале, освещённом люстрой, слышались рокот рояля, смех. Но дуун-ши взволнованно порхали возле комнатки, откуда слышался храп Марфы, опустившей голову на спинку кровати.

Девочка была белокожей, с тонкими чёрными бровями и серыми глазами. Адель.

Её первые воспоминания – белый потолок словно холодная бесконечность. Нить, на которую нанизаны игрушки – гремучие шарики и колокольцы. Иногда на фоне потолка появляется красное лицо Марфы, слышен её хриплый шёпот или однообразная песня. Реже – бледное лицо матери с лёгкой улыбкой. Она не берёт Адель на руки, зато девочку часто прижимает к груди Марфа, от которой пахнет кухонной стряпнёй. Но когда удаляется мать и засыпает нянька, в воздухе над постелью появляются крошечные фигурки в прозрачных одеяниях. Они летают, кувыркаются в воздухе, водят хороводы.

Нина сидит в кресле, вытянув длинные стройные ноги в маленьких туфельках. На подлокотнике кресла примостилась её лучшая подруга Зина, или Зизи – девушка в мужском костюме. Некрасивое скуластое лицо с широко расставленными, смелыми глазами, короткая стрижка. Она обнимает Нину

за голые плечи и шепчет весёлые гадости о гостях, иногда затягиваясь папиросой.

Станислав за столом беседует с друзьями. Иногда косится на Нину и Зизи. Странные отношения, они вызывают раздражение, но не будет ли он смешон, ревнуя к женщине? Ведь это не может быть серьёзным? Он уже как-то унизил себя слезкой за ними, гулявшими по саду. Его поразили фривольные жесты Зизи, её рука, обхватывающая тонкую талию Нины, скользкая по бедру. Прикосновение чужих губ к тонкой шее Нины. Зизи, одетая в брюки и пиджак, выглядела юношей, соперником. Станислав едва заставил себя вернуться в дом.

Сейчас он старается внимательно слушать гостей – пожилого режиссёра и молодого писателя, кропающего что-то на исторические темы.

– Я верю в здравомыслие русского народа, – говорит писатель.

– Вы полагаете, что чернь оставит вам всё это? – Морщинистая рука режиссёра широким взмахом обводит зал, а кажется, всю Россию. – Холоп преследуем одной мыслью: оказаться на месте господина. Красного петуха в усадьбы пускал не наш ли святой народ-бедоносец?

– Разве у меня есть что-то лишнее – одноэтажный дом, горничная и кухарка? – удивляется писатель.

– Объясните это какому-нибудь карманнику, у которого появится винтовка. Вы наивны, как многие творческие люди. Я бы уехал в цивилизованную европейскую страну.

– Так уезжайте!

– Эмиграция – это дорого. Я пленник России. Но у вас-то есть родные во Франции. Отправляйтесь к ним.

– Мне чертовски хочется посмотреть на русский бунт. Как историку. Я полагаю, стихия, как всегда, будет укрощена. Но у меня останется книга, – мечтательно отвечает писатель.

– Каждый считает, что жертвами станут другие.

– Я осторожен, уеду в провинцию. Неужели крестьяне пойдут за большевиками?..

Станислав ищет взглядом Нину и Зизи. Они стоят у окна. Зизи взяла Нину за руку и целует узкую ладонь. Что за странные игры! Ей мало мужа? Она дразнит его по наущению подруги? Зизи с решительным, ненакрашенным лицом, Зизи с толстой сигарой, Зизи, покачивающая в крепких пальцах бокал с коньяком и кубиками льда, в последнее время поселилась в их доме.

Марфа в детской храпит, рядом остывает кружка с чаем, от которого пахнет наливкой. Адель заливается плачем. Вдруг по комнате пролетает порыв ветра. Ребёнка подхватывают шестнадцать крошечных рук. Адель умолкает. Видит, как внизу плывёт кровать, белая линия подоконника, тёмные кусты роз. В шорохе ветвей и трелях соловья она летит вместе с дуун-ши.

Само дерево как будто выросло в мгновение ока, его крона огромна, и за трепетными облаками листья скрываются хрустальные терема, озарённые бледно-сиреневыми и зелёными огнями. Прохладная свежесть и цветочный аромат, отличающийся от запаха в комнатах её дома, где тяжёлый, пряный дым восточных курений и табака.

Адель видит прозрачные лестницы, ажурные балконы, где прекрасные дамы и кавалеры беседуют и вдруг взмахивают крыльями, срываются вниз или взмывают вверх, исчезают в звёздной тьме. Адель не удивляется – взрос-

лые ещё не пояснили ей, чему стоит верить, а чему не стоит. Чем явь отличается от сна. А быть от небыли. Сверкающие, прекрасные существа слетаются к девочке, начинают говорить с ней, и она отвечает им на странном щебечущем языке, где есть звон осы и трель малиновки.

Потом дуун-ши и земное дитя вместе поднимаются над городом, который напоминает золотую паутину, унизанную огнями фонарей. Всё выше и выше, за волнистые равнины облаков, где она видит опрокинутый вниз кронами другой сад, который одновременно цветёт и плодоносит. Полулюди-полуптицы скользят среди ветвей и скрываются в нестерпимом сиянии. Дуун-ши стайкой срывают одно яблоко, прозрачное, алое. Полулюди-полуптицы замечают их, стремительно бросаются, сверкая словно молнии, но дуун-ши ещё быстрее летят вниз. В своём земном саду забиваются в кусты смородины. Хохочут и визжат, словно шаловливые зверьки. Грызут яблоко, обливаясь кроваво-сладким соком, и Адель грызёт вместе с ними.

– Древо жизни! Вечность, вечность! – твердят они и заплетают, запутывают волосы Адели в десятки тонких косичек, вплетая серебряные нити.

Нина открывает дверь, Марфа поднимает голову.

– Девочка спит? – интересуется Нина.

– Спит, барыня, – хрипло говорит Марфа и откашливается. Потом опускает взгляд в колыбель и ахает:

– Где дитё?!

– В чём дело? – Нина подходит к кровати. – Куда делся ребёнок?

Марфа разводит руками:

– Может быть, отец забрал?

– Ты должна следить, а не спать, корова, – зло говорит Нина и быстро выходит из детской.

Марфа растерянно топчется на месте – соображает она туго, особенно когда приняла на грудь настойки.

Постепенно к поискам Адели подключаются все гости. Дом, а потом сад оглашаются громкими окликами: «Адель!» Сначала слышится смех, словно играют в прятки, но постепенно лица становятся серьёзными, а голоса звучат тревожно.

– Она едва научилась ходить, – всхлипывает Нина. – Что если она оказалась за воротами? Заблудилась...

Зизи успокаивает подругу, раскуривая сигарету за сигаретой. Она похожа на молодого человека, который утешает свою девушку. Станиславу не до ревности.

Вызывают полицию, которая тоже осматривает поместье и окрестные улочки. Обещает отыскать ребёнка.

Адель словно сквозь землю провалилась. Гости разъезжаются. Нина рыдает. Станислав выходит в сад. Он оглядывает трепещущую листву, слишком живую, словно в ней кто-то прячется.

– Вот и лето прошло, – вздыхает Станислав, он думает о бесследно пропавшей дочери.

До сих пор ни единой весточки. Полиция разводит руками.

– Скоро заморозки, – Марфа стоит в дверях его кабинета и вытирает влажные руки полотенцем. – Тесто замесила. Пирог с яблоками испеку.

Теперь она стала кухаркой у господ. Помогает ей девушка из той же деревни – бойкая смуглянка Дуняша.

– Где сейчас Адель?..

– Барин, я слышала, вы в сад анчуток выпустили. – Осторожно замечает Марфа. – Может, они шалят?

– Думаешь, девочку украли они? – удивляется Станислав.

– Веру в нечисть ты привёз из своей деревни? – кривит губы Нина.

– Но ты со своей Зизи посещала спиритический сеанс. Чем это разумней? – парирует Станислав. – Если духи могут отвечать на вопросы, почему они не могут вторгаться в мир людей?

Кухарка чувствует поддержку. Лицо её раскраснелось от любимой наливки, но наивный хозяин считает, что от кухонного жара.

– Выкупить её надо, господа хорошие.

– У кого? Бог знает, что ты говоришь. Ступай, пеки свой пирог, – отмахивается хозяйка.

– Да, пирог! – ещё больше воодушевляется Марфа. – На меду.

– Станислав, она опять пьяна! – восклицает Нина. – Почему ты до сих пор не уволил глупую бабу?

– Постой, Нина. Я припоминаю, что тот рыжий ирландец ловил фей на мёд.

– Что за вздор! Вы начинаете сходить с ума. Марфа от своей наливки, а ты от книг.

Ночь. В темноте мерцают кроны деревьев, осыпанные тонким инеем. Напротив освещённых окон они нестерпимо сияют. Марфа вперевалку спускается в сад. В руках её свёрток. Кухарка опасливо оглядывается на окна – не смотрит ли хозяйка. Делает несколько шагов, чтобы оказаться в тени. Там она бухается на колени в сугроб, разворачивает полотенце и поднимает вверх круглый пирог, аромат от которого расплывается далеко вокруг. Кухарка зажмуривает глаза и начинает бормотать не до конца понятные ей самой слова, когда-то слышанные от деда-мельника, знавшего с нечистым. Потом ломает пирог и разбрасывает крошки по снегу. Поднимается, сворачивает полотенце и, не оглядываясь, спешит к дому, приговаривая:

– Прости, Господи. На старости лет с бесами толковала.

Нина подходит к окну. На стекле завитки морозных узоров. В голубых изгибах и звёздочках дробится жёлтый свет утреннего солнца.

– Будьте как дети, – задумчиво говорит она. – Но ведь дети – это неполноценные люди, они подобны животным, которых следует дрессировать. – Она царапает острым ногтем лёд.

Со двора слышится истошный крик Марфы:

– Барыня! Барыня! Девочку нашли!

– Какую девочку? – морщится Нина, но тут же понимает, бросается к дверям, соскальзывает с порога и падает на дорожку, разбивая колени. Стремительно поднимается, не чувствуя боли.

Перед ней стоит Марфа, держа на руках Адель, которая склонила голову на плечо кухарки.

– Живая?

Мгновение, пока Нина ждёт ответа, наполнено ужасом. Глаза её дочери закрыты. Она в белой рубашке времён своего исчезновения и босая.

– Я дорожку в саду чистила. Гляжу – а девочка в беседке лежит.

Нина замечает, что Марфа снова пьяна, но нет времени на упрёки. Она быстро берёт дочь на руки, чувствует тепло её тела сквозь тонкую ткань, стремительно несёт в дом. С непривычки ребёнок на руках кажется тяжёлым. Навстречу бежит Станислав, рот открыт, пенсне сползло на кончик носа. Адель открывает глаза, приподнимается, оглядывается, трёт кулачком глаза.

– Нужно немедленно вызвать доктора. Я протелефонирую Юрию Львовичу, – быстро говорит её отец.

День проходит словно во сне. Приезжает доктор, выслушивает изумительную историю, осматривает ребёнка и сообщает, что Адель совершенно здорова.

– Кто-то украл девочку, а потом подбросил её обратно. Возможно, бедная женщина, которая и хотела бы растить ребёнка, но поняла, что у неё не хватит средств, – разъясняет Зизи, вечером явившаяся к Нине. И вдруг замечает: – А твоя дочь совсем не выросла.

– И впрямь. Ей по росту старые рубашка и платья.

– Но прошло немного времени... – вмешивается Станислав.

– Немного? Полгода! А вдруг она останется такой на всю жизнь? Представляешь? Карлицей! – Нина всплёскивает руками.

– Не нужно паниковать. Возможно, рост замедлился из-за плохого питания. Я слышал о подобном. Проконсультируемся у Юрия Львовича, – успокаивает супругу Станислав.

– Марфа, почему ты до сих пор не расчесала Адель?

– Не получается, барыня.

– Остричь такие прекрасные волосы! – стонет Нина.

Она уже мечтает о том, как выведет показать дочь гостям – нарядную, как кукла, с крупными локонами.

Мать пытается распутать тёмно-русые волосы Адели, дёргает с досадой пряди, пока девочка не начинает хныкать.

– Постой, а ведь они заплетены. Смотри, вот несколько косичек потолще, а к ним идут, скрещиваясь, более тонкие. Замысловатая сеть, – замечает Станислав.

Нина рассматривает странную причёску дочери.

– Здесь серебряные нити. Кто-то специально украсил. Может быть, отрезать? Как их расчёсывать? – раздражённо бросает она, тщетно пытаясь расплести волосы.

– Нельзя отрезать! – вскрикивает Марфа. – Это к беде.

– Ты откуда знаешь, глупая баба? А впрочем, разбирайся с этим сама, я устала, чувствую себя совершенно разбитой.

Адель стоит в дверях и смотрит на танцующих гостей. Ей уже пять лет. Девочка видит мамину подругу Зизи, у той на смугловатой шее живой уж. К концу вечера уж висит как верёвка, и Зизи бросает его на диван, словно шарф. Уж медленно сползает на пол. Он стремится на сквозняк, идущий от слегка приоткрытой двери. Адель открывает её шире и отступает в сторону. Уж ползёт через прихожую. Там дверь настежь распахнута. Уж, струясь по ступеням, исчез в сумерках сада.

Адель закрывает дверь, чтобы на свет не летели большие рогатые жуки, ведь они погибнут – будут безжалостно раздавлены башмаками гостей.

Адель видит мать. Та, стоя у окна за шторой, обнимает женщину в мужском костюме и медленно целует в губы. Адель идёт в свою комнату.

Художник, кудрявый остробородый мужчина, который делает набросок Нининого портрета, застывает, увидев семилетнюю Адель.

– Боже, кто это?!

– Моя дочь, – холодно отвечает Нина.

– Какая странная красота! Чуждая, чужая...

– Обычная девочка... – в голосе натурщицы ревность.

– Присмотритесь! Светящаяся прозрачность и белизна кожи. Водопад волос, сплетённых в причудливую сеть. Абсолютная гармония линий. Я бы сошёл с ума, пытаюсь передать это на холсте. В ней есть что-то... божественное? Слишком холодна. Нечеловеческое? Пожалуй. Но не в плохом смысле этого слова. Она не от мира сего, смотрит на него со стороны – он корявый, неуклюжий. Да, Адель?

Девочка поднимает глаза на бородатого незнакомца, но не отвечает.

– Глупая девчонка. Буквы запомнила, но до сих пор не может складывать слова, – досадует мать.

Нина стоит у распахнутой двери. Рядом Зизи и какой-то подросток, порывающийся наконец-то вынести чемоданы на улицу, к карете.

– Уезжай, скатертью дорога! – кричит Станислав, роняя пенсне на пол. – Не понимаю, чего тебе не хватало? Денег? Да, я беден по сравнению с твоими друзьями. Но ты знала, с кем связываешь жизнь.

– Не своди всё к финансовому вопросу. Ты серый, скучный человек. Я думала, будем жить иначе. Театральный художник. Жизнь как спектакль, постоянно меняющиеся сюжеты. А оказалось, сплошная рутина! Зизи может дать мне больше, чем ты. Сегодня она застенчивая, нежная женщина, а завтра – грубый порочный мужчина, послезавтра – загадочный андрогин. Она отталкивает и притягивает. Это изысканная, мучительная игра. А от тебя до сих пор пахнет лампадным маслом.

– К чему эти подробности? – Зизи берёт Нину за локоть, вежливо кивает её мужу. – Удачи, Станислав.

– Учти: ребёнка ты не получишь! – Станислав больно хватает за плечо девятилетнюю Адель.

Марфа сидит на кухне за широким и длинным деревянным столом. Она пьяна. Широкое багровое лицо улыбается. Вдоль стен на полках стоят банки с приправами, с крупами. На лавке вёдра с водой, чистые кастрюли, чугуны. По углам висят пучки сушёных трав. Возле печи, выложенной бело-голубыми изразцами, буфет, где за стеклом видны бутылки. Среди них и те, что с наливками и настойками. Марфа смотрит то на рюмку, то на сидящую перед ней одиннадцатилетнюю Адель, которая вертит в руке камень.

– Нельзя камни подбирать. Это к нищете. Потому как про камень говорится: голыш.

– Марфа, в нём сердце есть.

– Какое сердце в камне? Может, он и говорить умеет?

– Говорить не умеет. – Адель откладывает камень в сторону.
– Жалованья не платит твой папенька, – говорит Марфа. – Задолжал мне. Уйду от вас. В деревню пора, на покой. Ноги у меня болят. А если долг не отдаст, я один серебряный кофейник возьму. У вас всё равно два. За Дуняшкой присматривай – девка ненадёжная.

Тринадцатилетняя Адель с недоумением разглядывает себя в зеркале. Она обнажена. Зачем всё это? Странные ненужные перемены. Гимназист Виталий, высокий брюнет, через свою сестру передал ей записку: «Мы могли бы пойти в театр?» Он дерзок для своего возраста, нравится её ровесницам. Одна из гимназисток, Катенька, говорит, что у него греческий профиль и длинные ресницы. Но Адель замечает только прыщи на мальчишеском подбородке, слишком большие кисти рук и оттопыренные уши. Это отвратительно. Она ещё не видела людей без недостатков. Отчего ей не встречалось красоты без порока? Непременно найдётся какой-нибудь ущерб, словно червоточина в яблоке. Та же прелестная белокурая Катенька, когда волнуется, начинает заикаться.

С тех пор как Марфа вернулась в деревню, прошло полгода. Теперь в доме заправляла Дуняша – бойкая двадцатилетняя девица, румяная, с карими блестящими глазами и длинной тёмно-русой косой. Адель замечала, что отца и горничную что-то связывает. Станислав таил это от дочери, а Дуняша, напротив, демонстрировала своё новое положение. Она вела себя фамильярно, перестала быть предупредительной. Адель не раз видела, как горничная открыто берёт вещи бывшей хозяйки, примеряет и перешивает, делая вставки на талии.

Станислав как будто не замечал на Дуняше краденых платьев, а может быть, и поощрял это. Он изменился. Теперь не получал доходов с поместья бывшей жены, в театре его сократили. Зарабатывал иллюстрациями для журналов и газет, чаще сатирическими, злыми. В доме была жёсткая экономия. Цены росли.

Однажды вечером за отцом пришли двое солдат, принесли с улицы холод и запах дешёвого табака, и увели, сказав, что «товарищи в ЧК разберутся». Отцу припомнили карикатуры на большевиков.

Дуняша отнесла на базар какие-то вещи, купила продукты, сообщила, что пойдёт в тюрьму с передачей для барина.

– Жалко папеньку? – спрашивает Дуняша с любопытством. – У окна сидишь ждёшь. Ты помолись.

– Жалко? – Адель, словно просыпаясь, удивлённо глядит на Дуняшу.

Она и впрямь чего-то ждёт каждый день. Слово когда-нибудь в повседневной суете распахнётся огромная дверь – и она, не раздумывая, шагнёт туда.

Недавно Дуняша остригла её волосы.

– А то вшей разведёшь не дай Бог. Вши от бедности заводятся.

Но Адели кажется, что Дуняша завидовала её волосам.

Служанка и барышня ночуют в кухне. Только там топится печь. Кровать широкая, с огромными пуховыми подушками, обтянутыми пёстрым ситцем. Когда-то её поставили для Марфы.

Дуняшка в полусне ворочается и стонет. Белая ткань сорочки обтягивает её покатые плечи, налитые груди, полные бёдра. Адель вдыхает тонкий аромат духов, украденных Дуняшкой из Нининой тумбочки. Но вспоминается девочке не мать, а чьи-то ослепительные лица, огромное яблоко, налитое красным соком, тонкие руки, перебирающие струны на музыкальном инструменте, которому нет названия в человеческом мире.

Топот множества ног в прихожей, грубые голоса. Впереди высокий мужчина с рябым лицом.

– Документик предъявите, гражданочка, – говорит он. Потом, оценивающе окинув девушку и девочку взглядом, берёт под козырёк. – Старшина Кукиш, командир революционного отряда имени товарища Троцкого.

Пахнет потом, табаком и перегаром.

Дуняша достаёт бережно завёрнутый в платок паспорт.

– А это дочка ваша?

– Мне двадцать годов! – возмущается Дуняша.

Она шарит карими глазами по коренастой фигуре красного командира.

Но взгляд незваного гостя то и дело возвращается к Адели.

– А вам сколько лет, барышня?

– Тринадцать.

– Сегодня День бедноты. Слышали о таком?

– Нет, – отвечает Адель.

– Это когда трудовой народ забирает себе у эксплуататоров всё, что пожелает.

– Интересно, – говорит Адель.

– Вот я пожелал вас забрать.

– Побойтесь Бога, товарищ большевик, она ещё дитя! – изумлённо возмущается Дуняша.

– Завидуешь, кобыла? И для тебя мужики найдутся.

Кирпичные рожи с сигарками в жёлтых зубах оборачиваются к горничной. Двое идут к ней, хватают под локти и валят животом на стол. Адель видит, как взлетает вверх синий подол Дуняшиного платья и белый – сорочки, которую та стащила из барского шкафа. Трещат кружевные панталоны.

– Чего вы вещи портите? – плачущим голосом возмущается Дуняшка.

– Ишь, куколка! – Кукиш вертит перед собою Адель, которая ростом чуть выше его локтя. – Мне бы раньше такая ни в жисть не досталась. Когда в Питер приехал, молодой был, всё на барышень смотрел, а они надо мной посмеивались. Пойдём отсюда.

Он подхватывает Адель на руки и несёт в другую комнату. Клёши загребают по полу.

– Раздевайся сама, – говорит, пару раз дёрнув крючки на платье.

Адель молча раздевается, аккуратно вешая одежду на спинку стула. Она стоит перед Кукишем и смотрит, как тот расстёгивает брюки. Сильнее пахнет потом.

– Ты не бойся, – говорит он, – я по-быстрому. Холодрыга у вас, баре. Дров нет? Ложись.

Адель ложится на постель и смотрит в потолок. Там нарисована большая нагая дама, вся в складках и ямочках. Вокруг неё порхают толстоногие кудрявые амуры. Роспись старая, этому дому триста лет, говорила Нина. Где мама сейчас? Может быть, так же, как Дуняша, лежит животом на столе,

а позади неё пыхтит солдат в распахнутой шинели и спущенных до колен выцветших штанов.

В комнату вваливается усатый верзила, подходит к комоду и широким жестом срывает в свой мешок статуэтку балерины, пепельницу, позолоченный подсвечник. Косится на постель.

– Нашёл кого иметь, её из-под тебя не видно.

Кукиш огрызается через конопатое плечо, Адель замечает, что у него гнилые зубы. Гимназист Виталий был чище и моложе, но чем лучше? Оба неправильные, уродливые.

Адель сидит на кушетке и зашивает рубашку Кукиша.

– И чего ты невесёлая такая? Тряпок мешок тебе принёс. Серьги с брюликами подарил. Чулки фильдеперсовы в наличии – шесть пар у спекулянтов отнял. Шоколаду хочешь?

Три года назад этот мужчина вывел её из дома, закутанную в Дуняшкин тулуп. Реквизировал, как поясняет он. Сейчас Жорка Кукиш развалился напротив и смолит сигарку, скрученную из газеты. Пепел стряхивает в малахитовую пепельницу, тоже реквизированную.

Адель поднимает на него большие серые глаза с пушистыми ресницами и снова опускает к шитью. Когда она надевает новые наряды, то чувствует пряный запах крови, перед глазами возникают странные виденья: какие-то люди в тесной комнате с решётками. Становится тревожно, но мир по-прежнему чужд. Она выходит из транса, словно покидая театр, где идёт одна и та же драма.

Кукиш сам вызвался отыскать её отца, вернулся и коротко сообщил:

– Расстреляли. Ошибочка вышла.

А через некоторое время удивлённо заметил:

– И слезинки не проронила.

Все чего-то ждут от Адели. Соседки во дворе рассказывают ей сплетни и смотрят с коровьим любопытством, когда она не реагирует на их рассказы. Друзья Кукиша травят анекдоты, надеясь рассмешить его кралю, и недоумённо замечают: «Несмеяна чёртова». Сам Кукиш с недавних пор добивается любви по-своему, по-пролетарски:

– Чего лежишь как бревно? Обняла бы. Доброе слово сказала. Думал, зубами гнилыми брезгуешь – золотые вставил.

Адель механически заключает его в объятия. Она делает над собой усилие и говорит:

– Всё хорошо.

– О барчуке каком-нибудь вспоминаешь? Был у тебя дружок? Нет? Тогда полюби меня! Скажи: люблю тебя, товарищ Кукиш.

Адель вдруг хмыкает, и на её лице появляется тень улыбки.

Для неё все люди одинаковы, вот именно, как брёвна, сложенные во дворе.

– Кукла, – устало говорит он. – А ремнём тебя выпороть – заорёшь?..

Их квартира загромождена дорогой мебелью, разномастной, но роскошной. Кресла прихотливых форм, изящные туалетные столики, зеркала в ажурных рамах, диваны с шёлковой обивкой, располагающие к неге.

Выпив, Кукиш весело расхаживает по квартире, поглаживает свезённые из чужих квартир вещи.

– Хороший мужик всё в дом несёт. Повоевал – теперь поживу. Товарищи осуждают, а чужое ружьё по карманам ныкают. На фронт я не рвусь, тут поработаем. Контры много затаилось в тылу. Всех к ногтю. Архиважно, как говорит товарищ Ленин. Страна наша крепнет. Жить весело. А у тебя всё не рассветает. Причешись, лахудрой не сиди!

Адель проводит рукой по волосам, и вдруг её словно окатывает холодной водой, так что дух захватывает – волосы снова заплетены, как в детстве, и среди тёмно-русых прядей поблёскивают серебряные нити.

Не раздумывая, она встаёт, бросает рубашку Кукиша на пол. Подходит к высокому окну, распахивает его. Крупными хлопьями в комнату летит первый снег. Адель взбирается на подоконник. Слышит за спиной вопль:

– Эй! Кудь?

И шагает в пустоту, широко раскинув руки.

**Дмитрий
Филиппенко**

НА ГОРИЗОНТЕ ДЕТСТВА МОЕГО

СНЕГА

А в детстве по ночам цветут снега,
Ложатся на лохмотья тротуара.
Компот – на дне стакана курага,
Деревни воздух, повести Гайдара.

Следил за нами справедливый дед,
Чтоб с братом мы не брали в руки спички.
Мы – каждый – гнали свой велосипед
И уезжали к чёрту на кулички.

По вечерам окрошка и кино,
Зелёный чай и шоколада плитка.
Я всё равно вернусь в деревню! Но –
Закрылась в детство старая калитка.

МЕЧТА

Когда мне было восемь лет
И я хотел быть гитаристом,
Отец готовил мне омлет
И называл большим артистом.

Любил я песни Кузьмина,
Был микрофон, точнее, плойка,
Была гитарой для меня
Коричневая мухобойка.

-
- Дмитрий Александрович Филиппенко родился в 1983 году в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Публиковался в журналах: «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Нева», «Дальний Восток», «Плавучий мост», «Бельские просторы», «Сура», «Литкультпривет», «Южный маяк», «Новый Орёл», «Бийский вестник», «Ковчег», «Берега», «Байкал», «День и ночь», «Отчий край», «Традиции&Авангард», «Начало века», «Русское эхо», «Веретено», «Культура алтайского края», «Гостинный двор»; в альманахах «Между», «Часовые памяти», в «Литературной газете» и других изданиях. Главный редактор литературных альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Организатор Всероссийского литературного фестиваля им. Алексея Бельмасова. Автор пяти книг стихотворений. Лауреат межрегиональной премии им. В. А. Макарова (Омск), лауреат ежегодной премии «Слово» (Москва). Награждён медалями «За веру и добро» Кузбасса и «За развитие города Ленинска-Кузнецкого третьей степени». Член Союза писателей России.

Ночами детскими мечтал,
Что я в Москве пою на сцене,
Что группу назову «Портал»
И что Кузьмин её оценит.

С тех пор прошло немало лет,
Я стал шахтёром и поэтом.
Жена готовит мне омлет,
Но нет мечты, и папы нету.

Когда-нибудь мне станет всё равно,
Закончатся все встречи и эфиры.
Я прочитаю наконец «Оно»,
Послушаю последний диск Земфиры.

Я научусь вязать и вышивать,
Готовить плов и чебуреки жарить.
На даче в клетку заведу тетрадь
И отмечать в ней буду урожай.

Пускай душою вечный пионер –
От старости мне никуда не деться.
Куплю футболку «Я – пенсионер»,
И в двери постучит седое детство.

Седое время словно тёплый свет
Ложится на продрогшие деревья.
Мы с электрички, нас встречает дед,
И мы летим в студёную деревню.

В саях солома, старенький тулуп.
Укутаюсь в него, чтоб не замёрзнуть.
А бабушка уже готовит суп,
Пельмени варит, всё у ней серьёзно.

Промчались тридцать деревенских зим,
Продали дом, живут теперь другие.
Но снится мне – по снегу мы скользим,
И не напьюсь я этой ностальгией.

КАРТОШКА

В седьмом поту картошку я сажал,
Окучивал, копал. С тоской на велик
Смотрел. Но собирал я урожай.
А дед за мной подкапывал – не верил.

Трудились до последнего луча,
Хоть с братом были мы и раздолбай.
«Таскаем в погреб!» – дед Митяй кричал.
А это значит, спины разгибаем.

Картофельная кончилась пора.
Теперь я не сажаю, не копаю.
Деревня снится каждое вчера,
Но я теперь картошку покупаю.

На горизонте детства моего
Мы на пруду зимой играем в бэнди,
Затем на лыжах я и друг Егор,
Замёрзшие, бежим рубиться в дэнди.

Бросаем шапки, валенки, носки
Сушиться на заботливую печку.
А в это время наши родаки
Берут на шахте под зарплату гречку.

По телеку бормочет Дональд Дак.
Программа «Взгляд», Шварценеггер и Коломбо.
Закат надел малиновый пиджак –
И начался в посёлке mortal combat.

ПАМЯТНИК

Когда шахтёрский город засыпал
И тишина плыла по всей округе,
Он от вокзала старого шагал –
Прохожий по фамилии Кольчугин.

Кудрявый снег юлил над мостовой,
А памятник одет не по погоде.
Но улыбался Николай Второй
И строил козни Ленину Володе.

Кольчугин плакал и не понимал
Червивую несправедливость эту
И каждый вечер в городе искал,
Где памятник шахтёру и поэту.

Я вглядываюсь снова в темноту.
И солнцем не напысью... Судьба шахтёра.
Когда-нибудь на пенсию уйду.
И станет шахта для меня Матёрой.

Семнадцать лет бреду в своей тени
По штреку жизни и без остановок.
И на-гора меня выводит нить.
Глубокий сон. А утром всё по новой.

Остановите шахту, я сойду.
И пересяду в мир с другою былью.
Но разрезаю светом темноту,
Размешивая штыб с инертной пылью.

В шахте время идёт по-другому –
От звонка до звонка, и опять.
Подземелье впадает в кому
В пересменок минут на пять.

Дальше время ползёт по почве,
Превращаясь в подземный туман,
Оставляя на каждом почерк
В виде стажа и прожитых ран.

Время плотно впиталось в уголь,
Бригадира седые усы.
И не сходятся друг на друге
Биоритмы и биочасы.

Место смерти изменить нельзя,
Место жизни может поменяться.
По маршруту старого ферзя
Горняки идут и не боятся.

Не боятся адского труда
И дорог, что вьются под землёю.
А в финале белая вода –
Снег по венам и похмелье злое.

У шахтёров в горнице темно.
Место встречи русских поколений.
И бывает грустно и смешно,
Только смерть не ставит на колени.

**Нина
ВЕСЕЛОВСКАЯ**

ИСХОДНЫЙ ФАЙЛ

Ты из других времен...

Марина Кудимова

Дождь врзал сразу, внезапно, и тут же на ветровое стекло полетели ветки, листья и обёрточный мусор, что всегда пестрит по обочинам дорог. Шквал пронёсся быстро, и водяные потоки успокоили, прибили к асфальту всю эту легковесную шушеру. Но какая-то щепка зацепилась за дворник, несчастный механизм теперь дёргался на одном месте раненым кузнечиком, и мне предстояло выбираться наружу – наводить порядок. Я сбавил скорость, стал прикидывать, куда лучше пришвартоваться. Впереди показалась стоящая «Ауди», и какой-то человек жестами зывал о помощи. Поломалась, видать, основательно, наверняка трос понадобится, и буксируй её до ближайшей бензоколонки. Не проблема, конечно, но до чего же влом прицеплять под ливнем... Мелькнула подлая мыслишка поддать газу – и мимо с ветерком... И тут я разглядел, что это Эдик.

Влез ко мне совсем мокрый, и мы минут сорок ждали, когда утихнет непогода. Он описывал характер своего карбюратора, а я курил и думал: вот что значит судьба. Именно Эдик и был мне сейчас нужен как никто, его папаня недавно стал главой крупного издательства и вполне мог найти для бедного аспиранта какую-нибудь надомную работу. А главное – «Исход». Стареет роман на глазах, жалко. Ради него на всё пойдёшь. Но просить об этом надо аккуратно, Эдик – мальчик балованный, не очень любит заниматься чужими делами.

– Поездка-то у тебя сейчас важная срывается?

-
- **Нина Николаевна Веселовская (1956–2022)** родилась в городе Горький (ныне – Нижний Новгород). В 1974–1975 годах училась на факультете культурно-просветительской работы Тамбовского филиала Московского института культуры. Работала корреспондентом районной газеты «Коммунистический труд», «Электроприбор». Окончила факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова в 1983 году. Работала в многотиражке ГУМа «За образцовую торговлю», сотрудничала с московскими изданиями «Трибуна», «За культурную торговлю», преподавала в школе. Прозу и стихи писала с юности. Автор трёх прозаических книг. Публиковалась в «Тамбовском альманахе», журнале «Литературная учёба», интернет-альманахе «45-я параллель» и сборнике «Страницы нашей жизни. Современная тамбовская драматургия». Лауреат XVI Международного творческого конкурса «Рождественская звезда» (Саранск) в номинации «Проза», лауреат конкурсов рассказов, которые проводил сайт «Самарские судьбы». Состояла в Союзе писателей России и Союзе журналистов России. Жила в г. Тамбов.

– Да как сказать... – Эдик посмотрел в боковое стекло, потом назад, как будто дождь с той стороны мог идти по-другому. – Можно перенести, но лучше сегодня: Лика ждёт, и с врачом договорился.

– С врачом? Ты что, заболел?

– С Ликиным.

– Ясно... – Я помолчал, прикидывая, сколь бестактными окажутся распросы. Ну, вроде уж не совсем. – А что за Лика-то?

– Сеструха моя.

– Кузина?

– Нет, родная. В смысле, отец у нас один.

– Понятно.

– Да ничего тебе не понятно. Тут разобраться... Короче, батенька у нас был ходок тот ещё. Моя мать его сама бортанула – он тогда студентиком был, а от Ликиной он ушёл к какой-то супермадам. Потом та укатила в Израиль, а у него актриса появилась. А потом уже эта американка, к ней он и перебрался.

– Так что, у тебя отец в Штатах?

– Ну да, уже десять лет почти.

– А в издательстве кто?

– Отчим. Но у него своих нет, так что я ему как родной.

Действительно сам чёрт не разберёт...

– А врач почему? Что-то серьёзное?

– И да, и нет. Это частная клиника. Она там живёт. Просто Лику давно никто не навещал, вот меня и попросили. Да не смотри ты так! У неё не болезнь, просто психика такая. Не от мира сего. Ну да чего тебя этим грузить...

– Если хочешь, я тебя подвезу.

– Туда? Это же ещё километров тридцать.

– Ноу проблем. Я не спешу. Дядьку хотел на даче проведать, но можно и завтра.

– Да, это ты бы меня выручил! Я сколько надо заплачу...

– Брось, когда это я с друзей брал. Лучше давай прикинем, где твою машину оставить.

Не прошло и часа, как мы уже петляли по разбитому асфальту какого-то посёлка, и Эдик пытался припомнить дорогу до санатория, при котором была клиника. Остановились перед воротами помпезной двухэтажной «сталинки». За побитыми дождём клумбами тянулись скучные, серые, более поздние корпуса. Эдик коснулся моей руки.

– Подожди. Мне надо тебя кое о чём предупредить. Хоть она и немножко того, но держись с ней как со здоровой. Ни сочувствия, ни... ну ты понимаешь. Собственно, она и есть здоровая, только с очень конкретным мышлением, а воображение через край. Из-за этого и училась плохо, особенно по математике, в тригонометрии так и не разобралась, я ей всю дорогу задачи решал. Да и какое дома образование, даже одиннадцатый не закончила...

– Почему дома?

– Всё потому же. Наивна до идиотизма. То ли по природе такая, то ли оттого, что всё детство просидела с прабабкой – этакой, знаешь, дамой с консерваторским прошлым, прямо девятнадцатый век. Не знаю, чему она там Лику обучала, только, когда та пошла в школу, над ней все стали смеяться. Над книжками плачет, по телеку что страшное – глаза закрывает,

в классе кому-то нос до крови разбили – она сознание потеряла. Ну кто потерпит рядом такую кисейную? Травили её всё сильнее, а она со своей впечатлительностью из-за этого уже тогда чуть до «дурки» не дошла. Пришлось перевести на домашнее обучение. И, по-моему, только хуже сделали. Все школьные годы просидела в изоляции, ходила к ней пара подружек – «синих чулков», а так почти всё время одна. Представляла себя героинями всяких книжек и до того допредставлялась...

Эдик замолчал и полез за сигаретами. Потом вскинул на меня злые глаза, будто я был виноват в аномалиях его сестры.

– Захожу. Рыдает. «Му-му» прочитала. Ладно, думаю, маленькая ещё, подрастёт – поумнеет. Но дальше – больше. «Преступление и наказание» у неё просто отняли – что-то несусветное творилось: спать не могла, колбасило по полной. Перебрали домашнюю библиотеку – что могло травмировать психику, спрятали подальше, подсовывали жэзээловские книжки из самых скучных, энциклопедии разные. А соседка не знала и дала ей «Собор Парижской Богоматери»...

– И как?

– Шок. Тяжелейший. Не улыбайся, ничего смешного, она после этого месяц в больнице пролежала.

– Ничего себе!

– Да. Это такое воображение. Вернее, вживление. Полностью. Без поправок, что это выдумка, без малейшей отстранённости. В том-то и есть её беда.

– А как же она телек смотрит?

– Не смотрит. Уже давно. Врачи запретили.

– Что, совсем? Но она же так вообще никогда не адаптируется.

– Вот в этом и дело-то. Я их понимаю: бояться новых срывов. Но и это не жизнь. Они Лику всё время увещевают, по каким-то западным программам с ней занимаются, родичей успокаивают, что вот-вот нормальной станет, но после очередного приступа начинают колоть всякой гадостью. И жалко девку, и, чем помочь, не знаю.

– Ну а ты пытался с ней на эти темы говорить? Чтобы вела себя как все, и вообще...

– С детства. Ей это уже, чувствую, надоело до чёртиков. Она всё понимает, соглашается. Но не бывает, чтобы человеку сказали: «Стань другим» – и он тут же изменился.

– Многие так и делают. Моя приятельница всё пыталась эдаким образом перевоспитать нашего общего знакомого. «Приди домой, сядь перед зеркалом и вслух произнеси: «Я мужчина, я должен быть сильным и уверенным в себе, долой комплексы, долой робость...» – и т.д. и т.п.

– И он превратился в сильного и уверенного?

– Нет, конечно.

– Вот именно. Тут внушай не внушай, но если человек не захочет изменить себя сам...

– Лица не хочет?

– Не может. Она старается, но при малейшем эмоциональном потрясении... нет, слово не то, скорее – сотрясении, ну да, при малейшем сотрясении психики у неё возвращаются старые реакции.

– И что делать?

– Если бы кто знал. Пока ничего хорошего не придумали. Ну, перевели вот из «дурки» сюда – батенька долларов подбросил. Но что дальше с ней будет – неясно.

– А почему она не дома живёт?

– Жила, но сейчас у неё бабушка заболела и поехала в Воронеж к родственникам, уж не знаю, помирать, что ли, а маманька в очередной раз загуляла. И с такой сволочью... Военный, привык всем приказы отдавать. Начал Лику перевоспитывать на армейский лад, наорал несколько раз, а потом принялся описывать тяготы солдатской доли, дескать, вон как людям в жизни достаётся. Да ещё что-то про горячие точки... В результате девка в своём воображении пережила уже не повешение, а расстрел, пытки там разные с отрубанием пальцев и прочие «прелести». С тех пор по психушкам скитается уже около года. Здесь ещё ничего, почти санаторий.

Эдик затянулся в последний раз, потушил сигарету в опустевшем коробке и решительно взялся за ручку дверцы.

– Пошли. Только на всякий случай представься двоюродным братом. Я её предупрежу. А то тут чужих не жалуют.

После Эдькиного рассказа я ожидал увидеть нечто бесполое. Но девчонка оказалась миленькой и довольно обычной. Тоненькая, с короткими тёмными волосами, узкие джинсы, пушистый белый свитерок. Ничего особенного, где-нибудь в электричке или на остановке я бы её вообще не заметил.

Пока Эдик объяснял ей, откуда меня знает, я стоял у балюстрады длинного балкона и разглядывал вдали скопище нелепых кирпичных особняков. Господи, когда же научатся вписывать строения в пейзаж, а не наоборот... И вдруг она бесшумно появилась у правого плеча.

– Здравствуйте. Так это вы за кузена? Очень приятно. Милица.

– Что?

– Милица. Имя такое. Можно – Лика.

– Потрясающее имя. Никогда не слышал. Это на каком же языке?

– На русском. И в святцах есть. У нас в роду так звали одну поэтессу. Ну и меня в её честь.

– Ещё и поэтесса! Известная?

– Нет. Читала что-то по питерским салонам в начале века. Символисты её привечали, у Волошина бывала со всей этой тусовкой. А в семнадцатом уехала с мужем в Италию, и больше о ней ничего не знаем.

– А сами что-нибудь пишете?

– Пробовала. Но это всё не то.

– А что – то?

– Многое. Цветаева. Мандельштам... Но об этом долго говорить. Пойдёмте, нас Эдик заждался.

Он стоял в холле перед компьютером и сортировал на экране какие-то цветные квадратики. Повернул ко мне сердитую мину.

– Ничего себе, лечебная программа! Психи от неё якобы умнеют. Я тут пять минут повозился – озверел, через полчаса таких игрушек можно любого здорового на стационар оформлять.

Лика хихикнула. Я покосился на неё и мысленно пожал плечами. Чего к ней прицепились? Реакции вполне нормальные, и с юмором всё в порядке, словечками сленговыми балуется – не такая уж заумная.

– А вы в здешних играх разбираетесь?

Она улыбнулась и мотнула головой.

– Не очень. Мне другие дают. Всякие бродилки и стрелялки. Но они тоже скучные.

– Вообще не любите играть?

Но Эдик не дал ей ответить.

– Э, нет, ребята, так не пойдёт, вы что, с ума сошли? Где это видано, чтобы двоюродные друг с другом «выкали»? Нас так сразу запалят.

– Ну что же, Лика, буду на «ты», прости уж такую бесцеремонность.

– Ничего, всё в порядке. А вас... тебя как лучше называть – Всеволодом или Севой?

– Севой, конечно, – перебил Эдик, – и не стесняйся ты его так, Севка – свой парень. И, между прочим, писатель.

– Не преувеличивай, – я показательно вздохнул. – Писателем называют того, у кого есть читатели. У меня таковых не наблюдается, посему я всего лишь сочинитель.

– Ладно, постараюсь это исправить и перевести тебя на следующий уровень.

У меня ёкнуло сердце, но Эдик заспешил в коридор, где только что промелькнул кто-то в белом халате. Мы с Ликой остались одни. Разговор не клеился – мы слишком плохо знали друг друга, да я ещё к тому же боялся ляпнуть что-нибудь для неё вредное. После получасовых мучений единственной удобной темой стали обитатели большого аквариума – Лика объяснила, кто есть кто, и принялась описывать их повадки. Но тут вошла медсестра и позвала девушку на ужин.

В город вернулись около полуночи. Эдик заночевал у меня и обещал переговорить с отчимом, как только тот вернётся с международной книжной ярмарки. Поэтому я первое время коршуном кидался на каждый телефонный звонок. Но дни шли за днями, а дружок мой больше не проявлялся. И я уже поставил крест на этом деле, как вдруг меня разбудил мобильник.

– Севка, выручай! Звоню из Швеции. Да, я уж тут больше месяца. До меня только что дозвонилась Ликина мать, говорит, главврач клиники требует, чтобы кто-нибудь туда срочно приехал. А она тоже не в Москве, я тебе, кажется, говорил, что у них воронежская бабушка совсем плоха, и мамаша с ней сейчас сидит, даже своего вояку на время оставила. Я, ты уж извини, о помощи прошу. Съезди в клинику, выясни, в чём дело, и по эмейлу напиши, чего они хотят. Я пытался к ним прозвониться – без толку. Скатай туда, ладно? Вдруг что-то серьёзное.

Не хотелось, ох, как не хотелось мне пить в такую даль! Но отказывать не умею, да и корысть у меня была. Понимал, что после этого шансы, что увижу свой роман под твёрдой обложкой, возрастают как никогда.

Охранник у ворот сообщил о моём прибытии, и врач выскочил встречать аж на лестницу. И как замечательно, что я здесь, какая это радость для Лики, а как вовремя – она чуть ли не единственная осталась. А всё объяснялось просто: клиника закрылась. Внезапно. То ли кто-то наверху её прихлопнул, то ли с арендой проблемы – я так и не понял. Но девчонку надо срочно отвезти в Москву, для этого я и понадобился.

Я засомневался, можно ли ей одной в пустой квартире, но эскулап успокоил, что жить самостоятельно для неё даже на пользу. Лика не больная, просто такая форма психопатии, что, как известно, не недуг, а свойство характера. Да и курс репрограммирования прошла, теперь всё будет хорошо. Убедил. Только очень уж навязчиво мне втолковывал.

Мы ползли в плотном потоке по вечернему шоссе, блёкло-розоватое небо со стороны Москвы становилось всё более землистым. Лика сосредоточенно смотрела в боковое окно. Красные блики от габаритных огней передних машин скользили по её лицу. Впереди показалось придорожное кафе.

– Есть хочешь?

- Нет. Я обедала.
- Музыку включить?

Она кивнула.

Вначале играли что-то нейтральное, потом запустили всякое песенное старьё: Анна Герман – «Светит незнакомая звезда». В детстве эта вещь мне нравилась, было в ней предчувствие дальних городов, встреч, разлук, тоска по чему-то высокому, настоящему. Сейчас всё это казалось наивным. Но Лика сидела с закрытыми глазами, и её губы чуть шевелились. Остались ещё, оказывается, благодарные слушатели...

После сводки новостей в эфир вывалился кто-то из «фабрикантов», и я заглушил звук.

- Ничего, что ты там одна будешь?

– Я почти всегда одна. Здесь, в палате, да и дома. Мама на целые дни уходит.

- А бабушка?

– Она последние два года отдельно жила. А как уехала в Воронеж, я её больше не видела.

- Кто у неё там?

– Сестра, племянники. Она их любит, а с мамой они вечно ругались. Ей там лучше.

- А чем она больна?

– Сердце у неё... – И вдруг что-то поняла, вскинула испуганные глаза. – А что, бабушка заболела?

Значит, от неё это скрывают. И, видно, давно, Эдик говорил, что старуха плоха, ещё когда мы ездили в клинику, месяца полтора назад. Я пожал плечами.

- Не знаю. Наверно, просто подумал: раз старая, скорее всего, больная.

– Она не очень старая. Шестьдесят три. А маме вообще только сорок сравнялось.

- Да это почти девочка! А тебе сколько?

- Двадцать. Будет.

- Когда?

- Двенадцатого ноября.

Доехали уже в темноте. Я подхватил её сумки и пошёл следом, дескать, показывай дорогу. Поднялись на восьмой этаж, остановились около основательной металлической двери. Лика чего-то ждала.

- Ну, что же ты, открывай.

- У меня нет ключа.

- О, Господи! Почему нет?

- Он у мамы остался.

- Что ж ты не сказала?

- Я думала, он у вас... у тебя.

– Откуда! Я же ни с кем из твоих не виделся, только по телефону. Может, соседям оставили?

Лика позвонила в какую-то квартиру, спросила. Нет, никто не оставлял. С другими соседями их семья не общается. Что хочешь, то и делай. Я ещё раз посмотрел на дверь: открыть её можно было только автогеном, да и то повозиться. Свалил все сумки на пол, закурил.

– Ну давай, Лика, соображай, к кому из родственников тебя можно отвезти. Не на лестнице же ночевать.

- Она опустила глаза.

- Можно было бы к Эдику. Но он же...

- Да уж, до Швеции я тебя точно не довезу. А ещё кто-нибудь есть?
- Бабушкин брат. В Мытищах. Но он пьёт сильно.

Перспектива тащиться в Подмоскovie к какому-то алкашу меня явно не устраивала. Но что остаётся? Только ко мне... В дядину генеральскую квартиру... Ну ладно, предположим, объясню, что вот такой получился формажор. Но ведь это ответственность какая...

Я зажмурил веки до сверкающих кругов, помотал головой, потом поднял её сумки и двинулся к лифту. Лика виновато побрела за мной.

Фатера моя, что ни говори, впечатляет. Лика ходила по комнатам как по музею.

- Ты один тут живёшь?
- Пока да, но это временно. Если дядюшка надумает с дачи сюда перебраться, мне дорога одна – в общежитие. Ведь я не москвич.
- Так это всё дядино?
- Ну да, моего только – компьютер, рюкзак да чемодан. И ещё полка с книгами. Полка – единственная мебель, которую я приобрёл в жизни.
- Дядя у тебя коллекционер?
- Нет. Это всё ему от отца досталось. Тот был крутым ракетчиком, ещё первые «катюши» опробовал. Потом до генерала дошёл и эту хату получил. А что на стенах и в шкафах, вывез из Германии. И ещё прикупал, жена была любительницей старинного фарфора, картин и прочих цапек.

- А дядя тоже генерал?
- Нет. На майоре остановился. И из армии рано ушёл, был представителем заказчика на военном заводе. Сейчас уже давно на пенсии.
- А если он меня увидит?
- Вообще-то нежелательно. Он просил, чтобы гостей здесь не было, боится за все эти ценности. Я ведь не просто живу, а как бы охраняю. Но последний год он безвылазно сидит на даче, будем надеяться, что и дальше просидит.
- Он там один?
- Нет, конечно. Соседка с ним. У неё дом прямо рядышком, и за мужем лежащим успевает ухаживать, и моего Гаврилыча кормит-поит. А сыночек дядин, ну мой троюродный, ей за это денежек подкидывает. Сплошная идиллия.
- А он, этот брат, сюда не придёт?
- Он в Бельгии. Уже лет десять не приезжал, так что маловероятно.

Мы прошли на кухню, и я стал обследовать содержимое холодильника. На скромную трапезу вполне хватало, но Лика заметила в морозилке кусок мяса.

- Хочешь, я отбивные поджарю?

Я развёл руками, дескать, будь хозяйкой, сунул ей фартук и удалился к компьютеру. Отправил Эдику подробный отчёт и просьбу побыстрее решить вопрос с Ликиной квартирой. Ночь-две я согласен девчонку здесь продержать, но дальше-то... Получил почту: научный руководитель вернулся с югов и просил прислать ему, что я заработал за лето.

Ответил на пару писем и открыл текст романа. Надо его капитально прочистить, чтобы ни сучка, ни задоринки. И не в последние дни это делать – вдруг Эдка всё-таки договорится... Да я ради своего «Исхода» хоть полную квартиру психов напущу... Стал вчитываться и вдруг понял, что я просто пробегаю глазами по строчкам. Ускользает внимание, потому что... потому что слишком вкусно пахнет.

На кухне уже всё накрыто: салатик из помидоров, вилочки-ложечки, салфетки где-то раздобыла. На плите что-то скворчит, а Лика раскладывает по тарелкам только что сваренную вермишель – обычное моё дежурное блюдо, а поди ж ты, тоже запах потрясающий, какие-то специи добавила, я про них вечно забываю.

Нашлось даже по глотку вина. Лика нерешительно заглянула в рюмку.

– А мне можно?

– Разумеется. Врач сказал, что ты теперь здорова.

Криво усмехнулась.

– Мне столько раз это говорили..

Но выпила. А отбивные мы с ней прикончили все, хоть я и думал оставить на завтра. Никогда таких не ел, Лика сказала, что это по рецепту прабабки, а к той перешло от повара какого-то дореволюционного ресторана. В чём секрет, я и не пытался запомнить, всё равно без толку, из всех блюд я умею прилично лишь пельмени варить, сосиски да картошку.

Осовевший от еды, повалился – и сразу уснул, успел ей только бельё достать и показал, на каком диване располагаться. Наутро не услышал будильника, вскочил, оделся и побежал. На кухню даже не заглянул, хотя оттуда так приветливо потягивало свежим кофе.

И началась эта странная жизнь вдвоём. Вначале я закупал всё сам, но постоянно забывал что-нибудь важное. Тогда я стал давать ей деньги, сделал второй ключ, и Лика ежедневно обходила ближайшие магазины. Готовила она божественно.

Но неопределённость пугала меня всё больше. Эдик и его родственники не торопились забирать девочку. Дружок мой ещё невесть сколько проторчит в своей Скандинавии. Маманька Ликина на мой звонок вообще среагировала как-то странно: сначала рассыпалась в благодарностях, охала-ахала, а потом – не могли бы вы, дескать, поддержать доченьку у себя? Ну, хотя бы месяц. Сколько надо, заплатит, но очень уж некстати сейчас в Москву возвращаться. Я просто паразит: она же меня совсем не знает, вдруг я маньяк какой. Нет, вот так единственную дочь поселить у чужого человека, да ещё такую беспомощную..

На другой день после разговора и вправду пришёл весьма солидный перевод, а ещё вскоре банковские перечисления от американского папаша. Меня явно хотели задобрить и подкупить, и я был, в принципе, не против – жить на аспирантские гроши и случайные заработки, знаете ли.. А тут и на мелочах экономить не надо, и кормит Лика на убой, и не так тоскливо бродить по пустым комнатам, где на тебя пучатся одни надменные портреты. Но как быть с дядькой? Узнает ведь – прогонит взашей, а соседки её уже заметили, один звонок – и..

И я решил их опередить. Пошёл ва-банк: посадил Лику в машину и рванул к старику. Предварительно купил хорошего коньяку – Гаврилыч мой теперь спиртное совсем не потребляет, но по ложечке в чай не отказывается, говорит, сосуды расширяет. И тортик с конфетами прихватил – надо же как-то задобрить перед серьёзным разговором. Но всё равно дрожал – прямо первокурсник на экзамене, дядюшка у меня – товарищ непредсказуемый и иногда весьма суровый.

Суровость его не подтвердилась, а в непредсказуемости я лишний раз убедился. Не ожидал от человека его возраста такой прыти: как увидел он Лику, только что козлом не заскакал. Не успел я достать свои подарки, старикан уже утащил её показывать сад, сарай с древним «ЗИСом» и прочие

дачные достопримечательности. Вернулись только минут через сорок с красавцем подосиновиком – нашли у задней калитки, где лесок начинается. Не знаю, чем девчонка так очаровала моего Гаврилыча, но почувствовал, что я здесь третий лишний, и отправился на кухню помогать Клавдии Михайловне собирать на стол. Она мне только подмигнула: считали, что из него один песок сыплется, а тут вон какой хлынул порох из пороховниц.

Накрыли в гостиной – дача тоже генеральская, и в этой комнате можно было устраивать целые военные советы. Я всё думал, когда перейти к делу: за яичницей явно не то, лучше в конце чаепития. Но не расправились и с первым куском торта, как Гаврилыч кивнул Лике на рояль: сыграешь? И эта тихоня спокойненько садится и выдаёт. У меня аж голова закружилась, сто лет такого не слышал: инструмент рыдал, кричал как живой. Потом пошла вторая, более спокойная часть, недосказанные музыкальные фразы сплетались в водяные косички весенних ручьёв, эти ручейки становились мельче, тише, и всё замерло на щемящей ноте, сказанной почти шёпотом. И все молчали, светло улыбаясь, а я мучительно пытался припомнить, что это за вещь, но так и не вспомнил. Я вообще-то в музыке не знаток, а в классической тем более.

Дядька мой подошёл к Лике, обнял за плечи, чмокнул в затылок и вытащил из кармана маленький ключик.

– На пианино-то там, поди, ни разу не играла?

– Нет.

– Конечно. Я его запер. На вот, открой и играй сколько хочешь.

Оказывается, он уже всё знал: и что она живёт в его квартире, и как я из-за этого переживаю, и что её квартира заперта, а родители уехали, и даже что закрылась её клиника. И мой капризный, порою деспотичный Гаврилыч не возражал против такой квартирантки. Единственное, во что он, похоже, не поверил, это в наши целомудренные отношения. И я не стал ничего объяснять.

Напоследок он искренне, истово желал нам счастья – в его представлении оно должно было быть совместным. Мы оба смутились и потом всю обратную дорогу ехали молча, даже не встречаясь взглядами.

Да, это было замечательное время! Я пользовался всеми благами женской заботы, не теряя при этом своей свободы. Мог спокойно засиживаться в библиотеке, ходить на литературные тусовки, на вечеринки, ночевать у друзей. Конечно, я заранее предупреждал, если задержусь, или звонил – знал, что иначе до моего прихода она не ляжет. Я почти обо всём ей рассказывал и видел, что она всему верит, и ей в голову не придёт, скажем, ревновать. Даже когда я провёл ночь у Ирины, Лика не догадалась. Да и что тут догадываться: мы прощались, к Ирке на днях должен приехать её рыбный бизнесмен, и, скорее всего, он увезёт её на Дальний Восток. А у меня теперь долго никого не будет: когда расстанусь с женщиной, мне нужно время, чтобы этим переболеть.

Но был в такой псевдосемейной идиллии и серьёзный изъян – я всё время боялся, что к Лике вернётся её недуг. В первые же дни пересмотрел свою полку и дядькины стеллажи на предмет опасных книг. Достоевского, Гюго, Диккенса сразу отправил в шкаф, от которого у меня были ключи. Запер. Но что ещё? Могут ли ей быть вредны Стругацкие? «Гадкие лебеди» вряд ли, а вот «Трудно быть богом» заканчивается весьма трагически – на всякий случай засунул её в задний ряд. А Шекспир? Долго думал, но решил оставить, Лика вроде бы всё программное у Великого Барда уже читала.

Телевизор она обычно не включала – врачи основательно настроили против него. Я же смотрел редко, в основном информационные программы, и если там попадались сюжеты, не рассчитанные на её психику, сразу находил повод выпроводить девчонку из комнаты.

Она любила советские комедии, проблемы жестоких героев «Коломбо» тоже не принимала близко к сердцу, но Штирлиц чуть всё не испортил. Я уже изрядно подзабыл этот сериал, смотрел его в детстве, и он не казался мне особо страшным. А тут вхожу – на экране немецкий садист сдирает с ребёнка пелёнки и кладёт его у раскрытой двери, мать хлопается в обморок, а вслед за ней готова упасть Лика.

Что делать? Вырубить ящик? Не хочется её обижать, лишний раз напоминать о болезни. Пусть смотрит дальше? А вдруг опять до дурки дойдёт? Я как ни в чём не бывало сел рядом, взял девчонку за руку и, вспомнив финал этой серии, спокойно сказал:

– Дурак гестаповец. Кстати, хороший пример, что не надо перегибать палку. Знал ведь, что у солдата дочка маленькая, а стал играть на родительских чувствах, да ещё так прямолинейно. Вот и доигрался.

А сам всё ручку эту сведённую глажу. Пальчики дрожат, а слёзы старается сдерживать. Тут и вправду прихлопнули фашистика, реклама пошла, и я впервые устроил Лике допрос с пристрастием.

– Ты понимаешь, что фильмы и книги – это всё выдумка?

Виновато опустила глаза.

– Понимаю.

– Отчего же такая реакция?

– Не знаю... У меня не всегда... Но некоторые... Я тогда не думаю, правда это или нет...

– Так вот учти: тебя пробирает от самых примитивных литературных приёмов. Это же легче всего – напустить соплей, создать для героев кошмарную ситуацию, подробно описать их страдания, а потом, в зависимости от конъюнктуры, совсем их угробить или спасти. Настоящие художники стараются оставлять все эти триллерные повороты за кадром...

Я рассказал, как Пушкин выкинул из «Капитанской дочки» самую динамичную главу. И что Томас Гарди не стал описывать сцены изнасилования Тэсс и её казни. И Лем не показывает последние минуты Хари, и Тарковский, кстати, тоже. Потому что важна идея, а не «слёзочкапные» подробности...

Лика слушала, не мигая, я видел, как она сжимается при упоминании о всяких ужасах, и старался скорее перескочить на другой пример. Меня несло. Остановился, только взглянув на будильник: моя речь длилась более часа.

С этого дня я стал почти ежедневно устраивать ей такие лекции, хотя старался делать их более краткими. Темы выбирал самые разные – филологической подготовки у Лики никакой, а мне практика ликбеза только на пользу – вдруг и вправду придётся преподавать. Обычно в конце давал что-нибудь из книг, заранее заложив страницы. Следил, не слишком ли её от них колбасит, но предварительные беседы помогали снижать эмоциональную перегрузку.

А ещё мы теперь смотрели фильмы. Её рука всегда лежала в моей и лучше любого прибора показывала состояние своей хозяйки. Мне нужно было научить Лику абстрагироваться от киношного мира, и мне в этом очень помогали американские боевики.

– Так, обрати внимание, у героя боязнь высоты, значит, в конце он обязательно будет драться где-то на верхотуре и висеть на какой-нибудь

крыше или скале... Ага, решающая схватка, противника сейчас замочат, но не до конца. Он ещё воскреснет и напоследок учинит дополнительную эксклюзивную пакость...

И когда мои предсказания сбывались, Лика тихонько хихикала. А потом по этим же шаблонам научилась предсказывать сама. А я рассуждал, куда стоило автору повернуть сюжет, чтобы эта картонка стала хоть как-то походять на произведение.

Слишком рано я обрадовался, слишком возомнил о себе как о целителе человеческих душ. И Бог тут же наказал меня за гордыню. В четверг я вернулся пораньше – нужно было срочно закончить реферат, в ближайшие недели будет не до него. Вчера наконец это произошло: из издательства позвонил Эдькин отчим, сказал, что сын с ним обо мне говорил и что он сам теперь хочет познакомиться. Встретиться предложил после выходных, это значит, сидеть мне над рукописью не разгибаясь: чем больше я её читаю, тем серьёзнее вылезают погрешности, вплоть до орфографических ошибок – хотя этим я вообще никогда не страдал.

Ни на кухне, ни в её спальне Лику не было, я подумал, что она ушла в магазин. Но вскоре услышал какой-то шорох.

Я заглянул в комнату, которую обычно называю библиотекой: там стеллажи до потолка, диван и письменный стол с компьютером – идеальное место для занятий. Девушка лежала на полу. Судя по тянущемуся за ней пледу, она вместе с ним сползла с дивана. Лицо как белая маска, ноги и руки неестественно вытянуты, дыхание мелкое, частое, прерывистое. Рядом валяется потрёпанная книжка. Я взглянул: Анатолий Франс «Боги жаждут». Помню, что-то о французской революции, художник стал членом трибунала и погиб как личность, а в конце все главные герои кончают жизнь на гильотине. Да, именно этой вещицы нам и не хватало! Как только я её проглядел?.. Видел ведь, что Франс стоит, ну да, думаю, все эти его гедонисты-букинисты плюс «Остров пингинов», а такой ужасик совсем вылетел из памяти.

И что теперь делать? Сразу приходит на ум – бежать к телефону и набирать 03. Но так поступали всякий раз и превратили девчонку почти в инвалида. Наколют её своей медицинской дрянью, что не лучше обычных наркотиков, а в чём-то и вреднее, – и комплекс неполноценности у бедолаги ещё выше скакнёт: не справилась, мол, я с нормальной жизнью, не потянула. Нет, в дурку ей как в могилу – чем позже, тем лучше. Попробуем своими силами.

Нельзя ахать, нельзя стыдить, нельзя сочувствовать. Главное – спокойствие. Положил её на диван, поправил подушку и ровным голосом попросил больше не падать, а я сейчас пойду чаю принесу. В проходной увидел магнитофон и поставил «Одинокого пастуха», там потом ещё Полонез Огинского будет, «К Элизе» и прочая мелодическая классик-поп инструментовка. Поможет ли чем, не знаю, но уж точно не навредит.

В чай капнул коньячку – вспомнился дядин рецепт. Попробовал напоить, но челюсти у Лику были сведены, и она не могла глотать. Ладно, не надо. Девчонка медленно приходила в себя, взгляд стал живым, удивлённым, но речь пока не слушалась.

Я пошарил в шкафу, отыскал козий пуховый платок, что остался от дядькиной покойной жены. Накрыв им Лику, плед уже сверху, пристроил пушистый край платка на подбородок.

– Не сбрасывай, пусть согреется, тогда и зажим пройдёт. Как только сможешь глотать, я тебе дам но-шпу. Но на более сильные не рассчитывай.

Лика благодарно моргнула.

Я сел у неё в ногах, всё с тем же безразличным видом открыл «Богов», перелистал, вспоминая сюжет.

– Ты ничего у Франса до этого не читала?

Показала глазами: нет.

– У него этот тип одинокого старика-гедониста кочует из книги в книгу. И в каждом из них немного от самого Анатоля.

И по полной – о детстве Франса в лавке отца, известного букиниста, чудачествах писателя, короче, всё, что знал. Когда стал выдыхаться, Лика потянула вниз платок и шевельнула губами. Я понял, что она уже может пить, но вначале дал всё-таки чай с коньяком, а не таблетку – не дай Бог подавится.

Она вопросительно смотрела на меня, потом прошептала:

– Врачи?

– «Скорую» я не вызывал. А они тебе нужны?

Лика замотала головой.

– Мне они тоже ни к чему. Может, обойдёмся?

В уголка губ дрогнула улыбка. Но глаза вдруг наполнились слезами, и тихо, но внятно:

– Спасибо...

– За что спасибо-то? Это тебе спасибо – там такой гуляш на плите, аж слюнки потекли. Если тебе уже лучше, я пойду, приложусь к этому твоему произведению, а то весь день голодный.

Пока поглощал мясную роскошь, взвесил все «за» и «против» и решил дать Лике на вычитку свой роман.

Она с первого дня хотела познакомиться с моим творчеством, и я прочитал ей пару рассказов из студенческого альманаха, но до романа не допустил, даже папку в компьютере закрыл специальным паролем. Суеверно хотел, чтобы никто из своих не знал о нём до публикации. Но лучше пусть Лика с этим сидит, чем ещё откопает что-нибудь столь же разрушительное. У меня там уж точно ни смертей, ни пыток, заодно кое-какие модернистские приёмы ей разьясню. И опять же свежий взгляд, опечатки заметит, а может, и посоветует что. Хоть и не филолог, но не дура... Вот смешно-то: дурочка, а не дура.

Подсунул ей распечатку тем же вечером, чтобы перебить жутковатые зрительные картинки господина Франса. Лика взялась рьяно, читала часов до трёх, пока я свет не погасил. Запоздало подумал, что сидеть мне завтра без обеда, наверно, не оторвётся до самой последней страницы. Но к моему возвращению и борщ был готов, и рукопись прочитана.

– Ну как?

Лика отвела глаза.

– Интересно. Но...

– Что «но»?

– Не обижайся, Сева, ты же знаешь, какие мне нравятся.

– Отвратительные тебе нравятся, сопливые, устаревшие. Ты балдеешь от любовных объяснений, высокопарных прощальных слов, хочешь сопереживать героям в их обречённости, безумной радости или в мазохистских самокопаниях. Это всё либо позапрошлый век, либо современная низкопробная литература. Я же тебе говорил, что за последние десятилетия умер и автор, и герой. Сейчас настоящие произведения – это игра, притча, герои не для того, чтобы их любить, они всего лишь инструменты, которые помогают автору провести основную мысль.

– Зачем?

- Что?
- Зачем они стали инструментами? Зачем этих героев убили... изначально... да, они мёртвые, куклы какие-то, их не жалко... Но зачем, неужели с живыми было хуже?
- Я же тебе говорил о принципах постмодернизма.
- Помню. Но не понимаю... Цели не понимаю. Ты опять скажешь, что меня по-уродски воспитали...
- Никогда такого не говорил!
- Другие говорили. И ты так думаешь, не надо, я знаю... Ладно, пусть по-уродски, но меня учили чувствовать... Это трудно объяснить... Но понимаешь, чтобы я понюхала розу – и у меня осталось... ну не просто, что я видела цветок, а чтобы запах со мной остался, прикосновение лепестков. Чтобы музыка потом весь день во мне звучала... сама музыка, а не память о ней... Нет, не могу, так коряво получается...
- Ничего-ничего, продолжай, это очень интересно.
- Правда? Ну так вот, я всегда хотела, чтобы это всё жило во мне: вид из окна, узор калейдоскопа, ощущение волны, котёнка, тёплой шершавой печки, мелодия, шум листвы, пирог, который ещё ребёнком ела в гостях... Чтобы каждое слово, каждый взгляд... пусть злой, обидный, пусть не только цветок розы, пусть и шипы... Но это всё твоё, несёшь его в себе – и ты жива... А потом пытаешься передать другому, поделиться... а он тебе. До конца, конечно, не получится, но хоть частичку. И такая радость, когда видишь: перешло, часть тебя уже там... А от него – в тебе... Кто-то новый, доселе неизвестный поселился в тебе, пусть чуть-чуть... Это же счастье... И хочешь ещё его впустить, прямо голод какой-то... Стихотворение понравилось – и бежишь, ищешь сборники этого поэта, ещё, ещё... А когда не до конца, пытаешься... как это сказать... достроить, что ли... Да-да, дочувствовать, допонять...
- Подожди, допонять, достроить – это после общения или после произведений?
- И там, и там. Но больше после картин, стихов, а особенно повестей, романов... Ведь когда ты с человеком и что-то не понял, можно просто спросить. Фильмы... их редко хочется достраивать, вроде и всё ясно, и как-то...
- Неинтересно?
- Иногда интересно, но... Не знаю, с ними у меня не получается. А когда читаешь, бывает такое чувство... ну, что самое главное пока не ощутила... Начинаешь представлять – и вдруг ты уже там, это с тобой было... Сильнее, чем от разговора, чем от кино. В книге... настоящей книге... там всё есть, автор может эту сцену не описать или описать глазами другого человека, а ты представишь – и вдруг видишь себя в роли, ну, скажем... Я так была Лизаветой. Захожу – и передо мной сестра с проломленной головой, а рядом её убийца... жалкий и безжалостный... и испуганный... идёт ко мне с этим топором...
- Лика, перестань!
- Ладно, не буду. Но ведь там это как бы глазами Раскольникова, а оказывается, и с другой стороны всё так же видно. Но так бывает, только когда люди живые... в смысле герои. А Сантьяго, ну этот, у Коэльо... Я вообще не поняла, кто он, что он... Животное и то лучше чувствуешь.
- А у меня?
- Я не хочу ничего говорить. Ты чудесный... ты лучше всех на свете... А это... Они же тебе как дети, герои твои... Тебе больно будет...

– Ничего. Громи почём зря. Мне это важно знать. Другие станут хвалить из вежливости, правду никто не скажет. Ты тоже самая лучшая на свете, самая искренняя, только тебе и поверю.

Ли́ка подпёрла подбородок кулачками и долго смотрела на рукопись. Потом стала ковырять пальцем корешок.

– Ну, вот Низа... иногда её даже жалко... И она не мёртвая, не кукла... но чужая какая-то...

– Почему?

– Трудно сказать. Я про неё ничего не знаю, да и про них про всех. Где они живут, какими были в детстве, что за Апокалипсис должен произойти в этом месте, почему они вынуждены бежать? И землю, где они жили, не представляю, и лица их. Думала, потом всё объяснится, но дальше ещё непонятней. Как в тумане всё время брела, и неизвестно, куда вышла.

– Так в этом и есть моя задача как автора. Неважно, в какой стране это происходит, хоть на чужой планете. И неважно, что это будет за катастрофа: землетрясение ли, наводнение или какой-нибудь ледник напоздёт. А может, и внешний враг, скажем, очередная орда без конца и края. Знаем только, что это неотвратимо, и бороться бессмысленно, и надо уходить. Люди с самого начала понимают, что им предстоит, но продолжают жить по-прежнему, ведь ещё есть время: засевают поля, гуляют свадьбы, горшечник делает посуду, хотя её явно никто не потащит с собой. Но навоз с улицы уже не несут на огороды – незачем. А потом всё быстро начинает ветшать, никто ничего не чинит, не моет, все только собираются. Куда собираются – тоже неважно, они сами толком не знают, куда.

Ли́ка медленно кивала, глаза смотрели вдаль, словно картина исхода разворачивалась перед ней на каком-то невидимом экране.

– Условия каждый день меняются, и в зависимости от этого происходит переоценка ценностей. Вначале говорили, что имущество повезут на волах, и Низа сокрушалась, что придётся оставить неподъёмный семейный сундук. Но потом волы съедены, лошадей очень мало, герои понимают, что тащить пожитки придётся на тележках и в руках. И тут уже безжалостно выбрасываются любимая одежда, детские игрушки, книги, утварь. Везти надо только самое необходимое: детей, еду, чтобы этих детей прокормить, тёплые вещи, чтобы укрыться от холода, и семена, чтобы на чужой земле вырастить привычный хлеб. Последнее – это символ ментальности, понимаешь?

– Да, я почувствовала, что этот хлеб – иносказательный.

– А помнишь, какие книги они взяли с собой?

– Священную книгу, ещё как устроена Земля и что было раньше: что-то вроде Библии и учебников истории и географии.

– Вот именно. А все эти твои любовные похождения и прочая беллетристика превратились в ненужный хлам.

– Но ведь Брован везёт свои сочинения...

– А Клун деревянную фигурку возлюбленной. Люди ценят своё творчество, но не забывай, что они оба – одинокие холостяки. Были бы у них дети, ещё неизвестно, нашлось бы на тележках место для скульптуры и рукописей.

Помолчали. Ли́ка продолжала смотреть сквозь стену. Я уже думал, что она поплыла по течению больших фантазий, но моя юная критикесса улыбнулась и мечтательно добавила:

– Мне особенно понравилось, как Низе стало легко, когда она избавилась от лишних вещей. Взять самых близких, самое необходимое – и идти на край света. А главное и так всегда с тобой – надежда и память, и они ничего не весят, это ты правильно сказал.

– И ты считаешь, что действие обязательно надо было закреплять за конкретными местом и историческими событиями?

– Нет, я не права. Это красивая притча. Просто у меня слишком конкретное мышление.

Я вспомнил, как мне эти же самые слова говорил Эдик, и разозлился.

– Вся конкретика слетает как шелуха, когда человек получает нормальное образование. Тебе надо учиться, а не таскаться по больницам.

– Я не люблю математику.

– Понятно, ты же чистый гуманитарий. Но что, мало факультетов?..

Лица потупила взгляд.

– И тогда на меня свалится целая гора книг. Знаешь, сколько надо читать на филфаке?

– Знаю ли я! А тебя это, что, пугает?

– Наверно, да. Количество... Когда роза одна, её запоминаешь всю, она в тебе живёт... она ещё долго жива, даже если в вазе засохла. Можно запомнить три цветка, но сто, тысячу роз помнить нельзя. И песня хороша, когда её спели одну, ну пусть три. Мне бабушка Зоя – прабабушка моя – никогда не разрешала играть подряд больше трёх пьес. А уж книги тем более. Я быстро читаю, но потом несколько дней перечитываю, возвращаюсь, иначе всё завянет, скукожится. И сразу брать другую... А там придётся.

– Ничего, научись.

– А я не хочу. Я поняла, почему вы не любите героев – их слишком много. С детства каждый день наваливаются – в книжках, по телеку, в компьютерных играх. И приключения их... Уже всё было, чтобы придумать новые, просто добавляют жестокости. В результате все эти мультяшки – а они мультяшки – даже в книгах все друг друга долбят, никого не жалко... Потом ребята так же долбят живых и удивляются, что им больно... А вообще-то не больно, привыкают, долбят в ответ, и все довольны, все свои, все бесчувственные. И вдруг появляется кто-то, кому и вправду больно, и всем сразу смешно, и все на него...

Я подошёл и прижал её голову к своей груди.

– Всё-всё, закрыли тему. Я знаю про твои школьные проблемы, но они уже в прошлом. А вообще мысль у тебя чудесная. Героев расплодилось слишком много, и их, как мух, пришлось ликвидировать, обезчеловечить. Заодно уж и авторов смели со страниц, остались одни постмодернистские приёмы. А по-простому сказать, человечество обожралось этими тысячами сюжетов, миллионами героев, нет такого страдания, за показ которого кто-то уже не получил бы денег. Всё уценилось, и остаётся только стебаться друг над другом. И живым стебаться, и вымышленным.

Лица вскинула усталые глаза.

– А зачем?

– Кому-то кажется, что это – прививка от боли и страха. Насмотришься всяких придуманных ужасов, посмеёшься – и тебе уже реальные нипочём.

– Можно покупать самые резкие духи, есть всё пересоленное и переперчённое, слушать только громкую музыку и смотреть сплошные кровавые триллеры. Но тогда ты не почувствуешь аромата большинства цветов, вкуса лучших блюд и не поймёшь тонких душевных переживаний.

– Гениально сказано! Лица, да ты...

– Это не я, это тоже прабабушка. Она мне с детства повторяла...

Не знаю, чему её ещё учила прабабка, а что Лица изобрела сама, но открытия сыпались на меня каждый день. Я, например, никогда не думал,

что по голосам можно определять характеры людей. Мне звонят нечасто, и в первое время она вообще не подходила к телефону, но после визита на дядькину дачу Лика перешла на легальное положение и стала поднимать трубку, а вечером мне докладывать.

– Тебе звонил какой-то Сергей, робкий такой, неразговорчивый. Просил связаться.

Ну ладно, предположим, это ещё как-то можно понять за двадцать секунд разговора. Но когда Лика сказала, что моя мама – очень несчастливый человек и её с детства кто-то подавлял, я удивился.

– Неужели она тебе рассказывала? Да она сама, по-моему, об этом не догадывается.

– Ничего не рассказывала, только спросила номер твоего сотового и сразу отключилась – она ведь по межгороду. Но я же чувствую...

Эта её чувствительность иногда ставила меня в тупик. Идём по Измайловскому парку, ярмарка осенняя, разжились кое-какими шапочками-перчатками, а то я девчонку из клиники в начале сентября забрал, тогда ещё теплынь стояла. С деревьев последние листья летят, солнце сквозь дымку прощально ласкает – завтра уже дожди обещали, а к этому примиренчески-соглашательскому празднику и снег. Лика, как собака в стойке, вся в слух и обоняние ушла. Оставил её на скамейке, сигареты купил, возвращаюсь – сидит с закрытыми глазами.

– Сева, чуешь, как листва запахла? Это к морозам. Дней через десять зима ляжет.

– Вроде бы не обещали. Первый снежок только.

– Он уже не стает. – Увидела мою недоверчивую ухмылку: – Вот и проверишь мои предсказания.

И закрутила головой, прислушалась, пошла. Я за ней. Думал, что-то действительно интересное, но сценка глупее не придумаешь: сидят три бабы и поют. Поддатые, явно провинциалки – видят лес вокруг и раскрепощаются, москвичи в парках обычно тихие, пуганые. Лика остановилась у соседней скамьи, улыбается.

– Неужели тебе эта «Тонкая рябина» нравится, да ещё в таком исполнении?

– Неважно что. Ты послушай, как поют!

– По-моему, фальшивят.

– Это понятно. Но как...

Бабоньки в это время добрались до финала и пустили по кругу банку «Эфеса». Лика присела на краешек и стала путано объяснять:

– Человека в пении видно как никогда. Но не в профессиональном – там всё забивают имидж, постановка голоса, режиссура. А эти поют для себя, и все как на ладони. Вон та, рыжая, толстощёкая, у них запева. Во всём: и сейчас, и дома, и на работе. Самоуверенная и глупая, кстати, постоянно перевирает мелодию, если бы не чёрненькая, её вообще невесть куда бы занесло. А брюнеточка привыкла всё на себе вытягивать, хотя кашу заваривает не она. Выносливая такая лошадка, но почти незаметная.

– А про третью что скажешь?

– Эта серенькая бросается в глаза больше рыжей, но кокетливо играет на своей неумелости. Маска такая. В полный голос петь боится, то подтягивает, то молчит, хотя слух у неё вполне... Только зря они казацкую завели, не справятся.

Я слушал пьяные завывания и удивлялся: уловить здесь хоть что-то – это надо быть Ликой. И ведь права абсолютно, я и сам теперь этих баб вижу.

Неужели в ней есть такая вот рентгеновская установка?.. Значит, и меня насквозь... И ведь любит меня, я же чувствую, наверно, не как женщина, скорее, как сестра, но всё равно... Что же я и вправду такой хороший? Или не разглядела?

А через неделю мне в открытую объяснили, какой я замечательный. Нет, не Лика, а совсем незнакомый человек. Приятно, только я не поверил.

Шёл снег. Так густо, что в комнатах впору было включать свет. Но мне он не требовался – я вычитывал на мониторе последнюю главу, а Лика играла на пианино что-то знакомое, без нот. Поэтому она и не услышала звонка. Я взял трубку.

– Здравствуйте, Всеволод. Это Оксана Борисовна, мама Лики. Мне нужно с вами поговорить, но без неё. Вообще желательно, чтобы она не знала о нашем разговоре.

– Давайте где-нибудь встретимся.

– У вас окна на юг? Тогда подойдите и посмотрите. Видите серую «Тойоту»? Пройдите немного вперёд, я вас догоню, и вы ко мне сядете. Жду.

Я крикнул Лике, что мне срочно нужно повидать одного человека, накинул куртку и выбежал в метель.

«Тойота» остановилась, когда наш дом скрылся за деревьями. За рулём сидела полноватая крашеная блондинка в меховой шубке. Показала на сидение рядом с собой, и мы поползли вдоль самой бровки.

– Поблизости есть кафе?

– В соседнем квартале.

Когда-то здесь была пивная забегаловка, а теперь вполне приличная чайная с закусками, хот-догами и несильно алкогольными коктейлями. И пирожные в витрине выглядели очень даже ничего. Я уже вознамерился взять своей спутнице какую-нибудь сладкую экзотику, но она засунула мою руку с кошельком обратно в карман и коротко отрезала:

– Плачу я.

Мы помешивали соломинками в стаканах с коктейлями и искоса рассматривали друг друга. Молчание затягивалось. Наконец она откинулась, и я понял причину её полноты: теперь без манто у неё отчётливо выдавался вперёд живот. Она кивнула.

– Вы уже заметили. У меня седьмой месяц. Конечно, вам, молодому человеку, может показаться странным, что женщина в сорок ещё мечтает о детях и нормальной семье. Да, у меня её никогда не было... Но не надо об этом, нас с вами интересует сегодняшний день. Я просто хочу спокойно доносить ребёнка. Из-за этого я не брала Лику из клиники, а потом уехала в Воронеж. Я кое в чём вам солгала: моя мама не так уж плоха – это просто предлог. Да я и виделась с ней нечасто, жила в пригороде у знакомых. Мне нужен покой, понимаете, покой...

– А что, при Лике его не получается?

– А если бы у вас была такая дочь? Каждую минуту ждёшь неведомо чего. Она же мне всю жизнь...

Оксана Борисовна оборвала свою тираду, залпом допила коктейль и попросила у официанта чаю.

– Вы правы, Всеволод, Лика – замечательная девочка, тонкая, отзывчивая. Но мы с ней настолько разные, что иногда хочется кричать. Да, я, наверно, куда большая психопатка, чем она, – усмехнулась, игриво надкусила маленькое кудрявое печенье. – Вот семейка вам попалась, а?

– А по-моему, вы психически очень устойчивы. И прежде, чем приехать сюда, всё прекрасно обдумали. У вас ко мне какое-то дело, давайте с него и начнём.

– Вы правы. Хорошо, что мы понимаем друг друга с полуслова. Эдик мне сообщил, что... ну что теперь Лика у вас живёт с разрешения хозяина...

– Вы не хотите брать её домой?

– Пока. Осталось чуть больше двух месяцев, а может, и меньше – как Бог даст. Когда появится малыш, возможно, она мне даже понадобится, особенно в первые недели. В ближайшее время многое изменится: мой новый муж... он подполковник... сейчас получает квартиру, но не в Москве. Мы продадим её, плюс нашу, плюс ещё... Короче, должно хватить на двухкомнатную и трёхкомнатную. Двушка – Лике, так что девочка будет со своим жильём, так сказать, с приданным.

– Зачем вы мне об этом говорите?

– Простите. Я знаю, что у вас с ней чисто дружеские отношения, и очень ценю. И очень вас понимаю.

– В смысле?

– Вы практичный молодой человек с большим будущим. И вы можете смотреть на мою дочь только как на временную квартирантку. И это правильно. Но если бы вы согласились потерпеть её в таком статусе до нового года или, скажем, до конца января, вы бы меня очень выручили. И я постараюсь, чтобы вы были за это хорошо вознаграждены.

– Теперь я понял цель вашего визита.

– Это лучше для всех нас. Лика моего мужа терпеть не может, а он как раз на днях приезжает. Он её тоже не переносит... Представляете, каково мне будет донашивать дитя?

– Хорошо, предположим, я соглашусь. Но я хотел бы точно знать, до какого это времени, и вообще...

– И сколько вы за это получите. Не стесняйтесь, так и надо вести дела, мы, русские, никак не привыкнем. Вот это вам до конца года, – она вытаскала из сумочки пачку евро. – Сколько надо, отложите на её питание, остальные – ваши, если Лике надо будет что-нибудь купить, позвоните, я оплачу. Если она останется на январь, добавим ещё. И наша огромная благодарность, вы просто камень с моей души снимаете.

«Вернее, с шеи, – подумал я, – души у тебя что-то не заметно. Бедная Лика!»

Я, не считая, сунул деньги в карман и засобирался. Но напоследок не выдержал:

– А вам не страшно, что ваша дочь вот так, с чужим человеком? Вы же меня совсем не знаете. А вдруг я её обижу? Это ведь так легко.

– Эдик рассказывал о ваших высоких душевных качествах, и сегодня я в них убедилась. А насчёт обиды... Вы не маньяк, самое страшное, что вы можете с ней сделать, это... Скажем так: помочь ей стать женщиной. Ну что же, я как мать приветствую любого, кто хочет помочь моей дочери. Ну, а не захотите – не надо.

Я от такой откровенности прямо остолбенел, а она усмехнулась и пошла к гардеробу. Обратной ехали молча, только прощаясь, она ещё раз попросила не сообщать Лике о нашем разговоре и вообще о её приезде.

– Могли бы не предупреждать. Я стараюсь не травмировать её психику.

– Спасибо вам, а за это особенно, – покаянно сказала она.

Но я уже невежливо направился к подъезду.

А через два дня у Лики был день рождения. Юбилейный, между прочим, – двадцатилетие. От матери утром пришла поздравительная телеграмма с обратным воронежским адресом, наверно, родственники постарались. Эдик прислал «электронку», где сообщил, что скоро вернётся и подарит сестрёнке кое-что необычное. Я же по-отечески поцеловал именинницу в лоб и сказал, что отметим всё это вечером.

Настроение у меня было самое солнечное. Вместе с Эдькиным письмом пришло ещё и сообщение из издательства: моим «Исходом» заинтересовались и просили зайти для уточнения каких-то деталей. Но на кафедре солнышко сразу померкло: секретарь перечислила список моих долгов, потом научный руководитель густо чертил карандашом по моему «диссеру» и пытал, откуда я взял ту или иную мысль, как будто у меня самого в голове они водиться никак не могут.

Вырвался от своих мучителей, когда уже смеркалось, и долго выбирал самую красивую и душистую розу. Дело оказалось непростым – все эти оранжевые цветы пахнут чем-то не тем. В конце концов нанюхался так, что вообще перестал различать их запахи, и продавщица посоветовала взять ту, пунцовую, на которую я сразу обратил внимание.

Нёс её, завернув как ребёнка – предсказанные Ликой морозы всё крепчали. Вручил цветок прямо у двери и, не раздеваясь, помчался вниз за тортом, вином и прочими праздничными прибабасами. Вернулся, звоню – не открывает. Чертыхаясь, поставил пакеты на пол, достал ключ, вошёл и тут же услышал рыдания.

Моя девочка лежала в спальне, но в зале гудел телевизор, и я понял, что причина срыва именно в нём. Дурочка наткнулась на передачу о насилии в семье. Я сразу допустил глупость – стал расспрашивать. И чем дальше Лика описывала все эти издевательства, тем сильнее становились горловые спазмы, пальцы уже сводило судорогой. Я подхватил её на руки и, укачивая как маленькую, стал носить по комнатам.

– Я не такой, совсем не такой... я никогда тебя не обижу... Ты мне веришь? Я никогда не сделаю тебе больно... никогда... даже словом...

Зачем я нёс всю эту пургу?.. Звучало как объяснение в любви, а я хотел всего лишь её успокоить. Наверно, просто очень испугался.

Мы очутились на диванчике в библиотеке. Лика сидела у меня на коленях, а я гладил её волосы и целовал мокрые глаза, щёки, нос. Не знаю, сколько это продолжалось, но она стала отвечать. Поцелуй получился совсем детским, но для неё это, видимо, имело большое значение.

– Я тебе не противна?

– Что ты! Почему?

– Но ты же никогда...

– Я боялся тебя обидеть, ждал, когда ты сама...

О, Боже, для чего я это сказал?..

Моя чистая, робкая Лика словно получила разрешение и теперь старалась вволю.

Вот так всё и случилось. И, несмотря на её уговоры, я боялся, ужасно боялся, но не в те минуты, а уже потом. Боялся, что у неё начнётся какой-нибудь новый приступ, слышал, что для многих нормальных девчонок это серьёзное потрясение, а тут такая ранимая... Но всё прошло на удивление легко. Через час она проснулась на моём плече и расцвела какой-то новой счастливо-беспечной улыбкой.

Потом мы сидели на нашей генеральской кухне и поглощали вперемешку её праздничный пирог, мой торт, конфеты, пирожные. Но почему-то от них

ещё больше хотелось есть, и мы, хохоча, полезли в холодильник и подмели вчерашние котлеты и всю колбасу. А дальше, пьяные от еды, вина и друг от друга, валялись в зале на диване. На канале «Культура» шёл какой-то балет, мы лёжа повторяли движения рук танцоров и сплетались в объятиях...

Три дня полного безумия, из которого меня вывел звонок научного руководителя, возмущённого, что я не исправил в срок его замечания. И в издательстве меня заждались. Я откопал свою занесённую снегом «семёрку» и помчался по самым срочным делам.

Но когда вернулся и выключил мотор, я положил голову на руль и попытался осознать, во что я влип. Сделать это можно было только тут, в машине. В присутствии Лики все умные мысли разбежались как тараканы.

Ты что, всерьёз хочешь связать свою жизнь с дурочкой? Ты даже на студенток младших курсов смотришь свысока, а у неё и аттестата школьного нет, пока выучится... И, кстати, учить, а также питать-одевать её придётся тебе из своего кармана. Родичи, как узнают про нашу связь, сразу сбросят доченьку со своего бюджета... Или нет?

Но деньги ещё не самое страшное. Врач в клинике говорил что-то о психопатии, но это не факт. А вдруг шизофрения? При ней, кажется, тоже бывает вживание в каких-то вымышленных людей... Надо же, ничего об этом толком не знаю. Знаю, что у шизофреников дети могут быть вообще сумасшедшими, особенно если и у другого супруга в роду кто-нибудь... А у меня сестра бабушки была явно не в себе... Это что же тогда?

Да ладно дети, но ведь Лика и сама может сползти в безумие. Сейчас она кажется совсем здоровой, а завтра, послезавтра? Любое потрясение... ага, например, скажу, что всё, хватит, возвращайся домой, никогда я тебя не любил. И всё. Съедет ведь, как пить дать съедет. Господи, что делать-то?!

Ни к чему я так и не пришёл. Ни в тот день, ни в другие. Оставаясь один, с ужасом думал о будущем, но когда видел Лику, сразу всё забывалось.

А она похорошела так, что к ней стали приставать на улицах. И эта потомственная интеллигентка совсем не умела отбивать таких типов, несколько раз её даже провожали до квартиры. Я постоянно напоминал, чтобы она никогда никого не выпускала и даже не доставала ключи, если кто-то стоит на лестничной клетке. И очень разозлился, когда однажды Лика встретила меня словами:

– Прости, но у нас гость. Не бойся, я его хорошо знаю, это мой врач.

На кухне сидел брюнетик лет тридцати пяти. Увидев мою недовольную физиономию, начал оправдываться, что наткнулся на Лику совершенно случайно, в гастрономе, и ему надо было с ней поговорить, поскольку не видел больше года, а она стоит у него на учёте... А в магазине, сами понимаете, толпа, а на улице мороз...

Зануднейший тип. Я извинился и ушёл к себе. Но минут через двадцать Лика меня позвала.

– Побудь с Валентином Ивановичем, мы с ним у прилавка заболтались, и я забыла взять сметану. Заодно до аптеки добегу, ему нужен новокаин.

Насчёт новокаина он явно придумал, чтобы Лика подольше ходила. Хотел поговорить со мной наедине.

– Понимаете, Всеволод Николаевич, судьба этой девушки мне не безразлична. Пожалуй, самый трудный случай в моей практике. У Лики плохая социальная адаптация, но это следствие не болезни, а не совсем традиционного воспитания. На что современные дети смотрят с иронией, она воспри-

нимает всерьёз. Незначительные детали, мимо которых мы проходим, для неё становятся очень важными. При этом необычайная обострённость всех органов чувств одновременно. И не только слышит едва уловимые звуки или чует слабые запахи, но окружающий мир ещё к тому же принимает острую эмоциональную окраску. Если ей получить творческую профессию, она могла бы стать гениальным художником или композитором.

– Почему же вы ей не предложите учиться?

– Всё не так просто. В музыкальных школах потогонная система, которую тонкая психика просто не выдерживает, наверно, поэтому у нас есть исполнители, но так мало сейчас хороших композиторов. Лику водили туда года полтора, после чего прабабка стала заниматься с ней на дому. Но с таким образованием дальше никуда не поступишь. В художественной получилось ещё хуже – девочку там просто избил одноклассник. Причём до этого постоянно высмеивали её работы, и у Лики развилась неуверенность в своих способностях. Ну а заниматься литературой или играть в театре ей запретит любой психиатр. С её болезненным вживлением в образы это может привести к тяжёлым последствиям.

– Про «художку» я не слышал, но остальное для меня не секрет. Так что вы мне посоветуете?

– Советовать? Если бы я сам знал... Но предупредить должен. Вы волею судьбы столкнулись с уникальным человеком, и жизнь этого человека теперь в ваших руках. Один неверный шаг – и она может оборваться. Просто помните об этом.

– Что вы хотите сказать?

Валентин Иванович опустил глаза и начал ровненько складывать шоколадную фольгу.

– Я не знаю ваших планов. Но после кое-каких событий вы для неё стали самым близким человеком на земле. Практически единственным. С матерью у Лики, знаете ли...

– Знаю. Я с ней виделся. У неё теперь другая семья, и скоро появится новый ребёнок.

– Тогда тем более вы понимаете, какая на вас ответственность. Это тяжёлое бремя, но в то же время и величайшая радость.

– Радость?

– Жить с одной из самых утончённых женщин планеты... У мужчин в подсознании всегда была мечта о принцессе на горошине, а Лику куда чувствительнее. Хотя тут я ошибаюсь: не у всех мужчин, а только у принцев...

Хлопнула входная дверь, и вошла Лику, румяная от мороза и смущения.

– А там ёлки продают...

Разве это принцесса? Какая-то девчонка-подросток. А впрочем, кто знает, сколько лет было той принцессе и как она себя вела.

За три года моей жизни в дядиной квартире гости приходили сюда раза четыре, не считая Лику, конечно. А тут второй случай за неделю. В субботу утром я вскочил от телефонного звонка.

– Ты ещё родных-то не забыл? Ну, давай тогда, встречай. Звоню с вокзала, тут тебе гостинцев приволок, боюсь, в автобусе всё перебыю.

Ярик, голубчик, сколько зим я его не видел! Мчался по Москве, чуть на штраф не нарвался. Узнал сразу, хоть заматерел мужик после армии, куда только его цыплячи плечики подевались?!

Матушка моя действительно кучу банок прислала, багажник набит. Неужели она думает, что я один в силах столько съесть? О Лике-то я не писал...

Впрочем, дядька мог сообщить и маме, и Ярику – он Гаврилычу такой же двоюродный племян, как и я.

Наверно, так и было – Ярослав совсем не удивился, что я теперь с дамой. Тяпнули мы с ним, перевспоминали всю родню, потом начали рассказывать Лике наши детские приключения. Когда его мать попала в аварию, Ярика привезли к тётке, то есть к моей маме, и он жил с нами около двух лет, пока тянулись все эти больницы и санатории. Ох, и почудили мы! И возраст самый бешеный – с тринадцати до пятнадцати, ну да, а Ярик на год моложе. Как я тогда выжил, ведь и с деревьев падал, и в речке тонул, и на гвозде каком-то заборном повис, да чуть ли не вверх ногами. А Ярик однажды вообще под лёд ушёл... И родичи про всё то до сих пор не знают.

Мы ещё продолжали восклицать «а помнишь», «а знаешь», когда Лика коснулась моей руки. Стояла одетая, с пёстрой сумкой-мешочком, губы чуть тронуты неяркой помадой.

– Я дойду до магазина, у нас хлеб кончается. Заодно хочу испечь что-нибудь из своего фирменного репертуара.

Мы подождали, пока закрылась дверь и загудел лифт. И я спросил сразу, без обиняков:

– Ну, как тебе?

– Мировая девчонка, прямо завидки берут.

– Ничего не заметил?

Ярик удивился.

– А что?

– Значит, в глаза не бросается. А ведь она...

И я выдал ему всё. Кому же, как не Ярославу, как-никак друг детства, брат, хоть и не родной, но родных-то у меня нет. Давно уже хотел кому-нибудь душу излить, и не нашим московским аспирантам – у них всё меряется только деньгами.

Впрочем, и у Ярика эта жилка, оказывается, присутствует. Когда упомянул, что у Лики скоро будет своя квартира, он сразу посерьёзnel.

– Слушай, а может, привыкнешь? У тебя бы проблемы с жильём решились, и родаки у неё не бедные, папочка американский помогал бы иногда, да и маманя что-нибудь подбрасывала.

– Не о том ты говоришь. С бытом я как-нибудь разберусь, но ведь не фикус же я – в какую комнату ни отнеси, везде расти будет. Да и то они иногда хиреют. Поставь себя на моё место. Всю жизнь прожить с пациенткой «дурки»... Реальной пациенткой. Надолго ли меня хватит?

– Будет плохо – разведёшься.

– С ней? Легко сказать. Я знаю этот тип женщин: если любят, то уже на других никогда не смотрят. Так что инициатива может быть только от меня, и представляешь, какой это будет для неё удар. Даже сейчас будет, а уж если поженимся...

– Да, это ты попал крепко. Если она тебе так неприятна, не стоило начинать.

– Понимаешь, я мечтал... Я совсем не так представлял свою избранницу. Мне хотелось, чтобы это была красивая, умная женщина... Знаешь такое слово «харизма»? Вот чтобы с ней. Чтобы не она на меня свои проблемы вешала, а уж скорее я на неё. Помощница, подруга, может, даже локомотив, который вывез бы меня к вершинам. Я ведь себе цену знаю – она невысока. Но если я раскручусь как писатель, мне понадобится именно такая. А тут больной ребёнок. Сейчас мне с ней хорошо, это же наш медовый месяц, но что дальше делать – ума не приложу.

Ярик недобро взглянул.

– Понятно. Не для того цвела... Это я о тебе.

– Ты меня осуждаешь? Но я же тебе всё объяснил: с образованием у неё будет масса сложностей, дети могут родиться больными, да и она сама в любую минуту... После родов часто развиваются психозы, а уж когда такое предрасположение...

Ярик встал и начал ходить от окна до двери, постоит ко мне спиной, повернётся – и назад.

– Разделяю я все твои опасения. Считаю, что пожалел. Но её жалею больше.

– Почему?

– Да потому что ей такая сволочь попалась... Где-то я свои сигареты оставил...

Ярик вышел в прихожую, порылся в карманах куртки и вдруг негромко меня окликнул. Я подошёл и увидел открытую дверь зала. А на пороге лежала Лика.

Сначала я подумал, что это очередной приступ вживления в чужую трагедию. Но тут же понял, что на этот раз трагедия её собственная. Она всё слышала – дверь на кухню тоже была приоткрыта, и мы говорили в полный голос. О, Господи, почему Лика так быстро вернулась и как умудрилась бесшумно войти?!

Я попытался её поднять, но она застонала. Нет, это было что-то новое, никакой сведённости, никаких судорог, и взгляд осмысленный, и столько в нём страдания... Больно ей сейчас, очень больно... Где, что болит, не знаю, но чувствую... Я кинулся вызывать «скорую».

Мне посоветовали до приезда бригады не трогать больную, накрыть одеялом прямо на полу и не отходить от неё. Не помню, что я бормотал, как грел в своих её леденеющие пальцы. Никогда в жизни я не испытывал такого ужаса. Она уходила от меня, понимала, что уходит, и прощалась одним взглядом. Потом её губы беззвучно шевельнулись.

– Зачем...

– Что зачем, малыш?

– Зачем ты... сразу не сказал...

– Ты о нашем разговоре на кухне? Лика, маленькая моя, это всё неправда, я так не думаю... Я же тебе объяснял, что мужчины очень любят плакаться друг другу в жилетку, жалуются на своих женщин, а потом возвращаются к ним и чувствуют себя ещё более счастливыми. Игра дебильная. Я сам таких не уважал, но, видишь, не сдержался. Это всё глупость, что я говорил. Я люблю тебя, только тебя, никого ещё так не любил...

И я был абсолютно искренен. Но это уже ничего не могло изменить.

– Прости меня... ну прости! Ну, глупость какую-то нёс, дурь несусветную...

– А зачем?..

Что ответить на этот вопрос?.. Стоять на коленях, целовать пальцы, умолять не покидать меня, умолять вернуться, и чтобы всё – как было...

Меня резко отодвинули, и Лиду в считанные секунды опутали проводами. Потом один из врачей подошёл к столу.

– Возраст?

– Двадцать лет. Скажите, что с ней?

– Инфаркт. Обширный.

– О, Господи! Почему?

– Не знаю. В двадцать вроде бы не должно. Но бывает.

- И что теперь?
- В реанимацию. Будем надеяться на чудо.

В машину меня не пустили – это специальный реанимобиль, и там нет лишних мест. «Семёрка» моя никак не хотела заводиться, и я кинулся ловить такси. Пока добирался, Лику из приёмного покоя уже перевезли в палату, туда тоже не пускали. До ночи я слонялся по больничным коридорам, грыз ногти и ловил всех медсестёр в зеленоватых брючных костюмах реанимационного отделения, но девушки ничего не знали или не хотели говорить.

Наконец ко мне вышел коренастый доктор с заметной сединой в рыжей шевелюре.

- Вы ей кто?
- Жених. Ну, можно считать, гражданский муж.

Он сочувственно покивал и пригласил в какую-то комнату без таблички. Там налил и протянул мне полмензурки спирта.

– Состояние стабильное, но очень тяжёлое. Будьте готовы ко всему. Такая молоденькая...

Он взял у меня номер сотового и дал свой. Обещал держать в курсе и уговорил поехать домой – здесь я ей всё равно ничем не помогу.

Дома было пусто. От Ярика записка: «Извини, заночую у знакомых ребят. Нашим ничего не скажу, и ты не говори. Я».

Бросил дружок. Но, может, и к лучшему.

В начале пятого я проснулся, включил лампу и уставился на свой мобильник. И не удивился, что через несколько секунд он загудел. И я уже знал, что мне скажут.

- Крепитесь. Она скончалась.

Завтра её кремируют. Не знаю, пойду или нет, вполне могут обойтись без меня. Никто из её родни не считает меня убийцей, наоборот, Эдик сказал, что я был единственным счастьем в её жизни. Но я сам не хочу смотреть в глаза этим людям.

В квартире больше ничто не напоминает о Лике – я собрал её вещи и засунул в сумку, Оксана Борисовна на днях заберёт. Всё как раньше, будто не было тогда летнего ливня, Эдика на дороге и последних сумасшедших месяцев. И от этого хочется выть, грызть подушку или грохнуть на пол дядюшкин шкаф с фарфоровыми красотками.

Но иногда находят апатия и злая отстранённость. Глупость какая – услышала обидные слова – и, видите ли, разрыв сердца. От такого не умирают. Других бьют, жгут кислотой, а они ничего, живёхоньки. А так, как Лика... таких не бывает. Вот и ответ: таких не бывает, не должно быть, одна вот случайно затесалась, и логично, что её теперь нет. Не от мира сего, не от нашего мира, и он её не потерпел, не принял, а она его. Всё правильно. Но почему же мне так хреново?..

На мониторе письмо из издательства, сообщение, что роман «Исход» утвердили в плане на следующий год. До меня только минут через пять дошло, что это обо мне, это же моё произведение. Полез, открыл его в «ворде», уставился в текст. Что-то не то, чужое, безликое. Ах, да, это же не окончательный, а исходный файл, ещё до Лики, до последних правок. Ну да, без Лики, потому и безликий. И теперь снова всё будет безликим. Навсегда.

Как много тут диалогов... О чём они? Не помню. Помню, как Лика рассуждала о живых и неживых персонажах, о туче сюжетов, что свалилась

на нас и погребла под собой и авторов, и героев. Помню, как я спорил. А тут... Ну что же, будет ещё один сюжет – «Исход». Не лучший и не худший. Но кому он нужен...

Да, нам нужны живые – и герои, и люди. Чем они отличаются, знала только Лика, но и я начинаю догадываться. Живые – это те, кто входит в нас целиком и потом продолжает там жить со всеми своими словами, запахами, жестами. Так, Лика жива, и не только во мне – в её враче, в Эдике, в Гаврилыче. А я создавал литературные схемы и сам старался жить по схемам. Нет, не может быть, что же я – неживой? Но тогда бы она меня не полюбила, она очень хорошо это чувствовала и никогда не ошибалась. Да, единственное моё оправдание, что Лика меня любила. Другого нет.

**Анна
МОРКОВИНА**

АНТОН КУЗНЕЦОВ – СЧАСТЛИВЫЙ ФИГАРО

Время стирает многое – звуки, яркие краски, чувства, переживания... Но благодаря чему-то свыше наши впечатления превращаются в воспоминания, которые, как в сейфе, хранятся в душе. Тем более если речь идёт об артистах, деятелях театра, впечатления и воспоминания могут быть общими, зрительскими. Спектакли – эфемерные и неподражаемые чада театральных кол-

Антон Кузнецов

-
- Анна Юрьевна Морковина родилась в 1968 году. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского и аспирантуру Московского института культуры. Поэт, главный библиотекарь Саратовской областной библиотеки для детей и юношества имени А.С. Пушкина, заведующая Пушкинским сектором. Член Союза журналистов, Ассоциации свободных поэтических объединений (АСПО) Саратовской области, Международной гильдии писателей (МГП).

лективов, к счастью, нередко остаются на фотоснимках, в буклетах и программках, если повезёт – в видеозаписях и рецензиях.

Человек, которого помнят и любят многие саратовцы, был актёром и режиссёром. Саратов – театральный город, и мало кого такой биографией удивишь. Но даже для искушённой саратовской публики он был исключением. Я вспоминаю Антона Кузнецова, творчество которого стало особой страницей в истории саратовского театрального искусства, в частности – в истории академического театра драмы.

За время своего руководства (с 1992 по 2006 г.) Антону Кузнецову удалось поставить ряд значимых спектаклей, которые до сих пор вспоминает публика (помимо прочего, эти постановки запомнились прекрасной хореографией благодаря сотрудничеству с талантливым артистом и хореографом Алексеем Зыковым). В 2004 году Антону Кузнецову присвоили звание заслуженного артиста Российской Федерации, а годом раньше во Франции наградили орденом «Пальмовая ветвь».

Антон Кузнецов, как пишет в своём «Живом журнале» его двоюродный брат, профессор Саратовского университета Кирилл Захаров, участвовал в создании театральных и оперных постановок в Париже, Зальцбурге, Амстердаме, Севилье, Дижоне, Страсбурге, Брюсселе, организовал собственную театральную компанию «BABEL», поставил четыре спектакля во Франции, снимался в кино, ставил спектакли в Москве, в театре под руководством Олега Табакова...

«Антон был заметным, увлекающимся, ярким, всегда уверенным в своей правоте. Последнее делало его противоречивой фигурой даже в привыкшем ко всему театральному миру. Но ничто не могло отменить его таланта. Его безудержного творческого темперамента. Его всепоглощающей любви к театральному искусству.

«Кинжал, иль шпага, иль мушкет, / Иль на листе бумаги росчерк / Внезапно сделают короче / Прекрасно начатый куплет? / Те, что хвалы тебе поют, / Те, что клянут тебя за что-то, / Иль, может, сам фальшивой нотой / Испортишь песню ты свою? / И если б мог ты твёрдо знать, / Что ждёт нас у черты финала, / Не попросил бы всё сначала, / Но веселее всё сыграть?» Это стихотворение по заказу Антона Кузнецова в 2003 году написал саратовский поэт Алексей Машенцев для несостоявшейся постановки «Трёх мушкетёров» в академдраме. Это стихотворение стало одним из последних в творчестве Машенцева, погибшего в августе 2003 года. Спустя десять лет кажется, что это написано про Кузнецова...»

Антон Валерьевич смог преодолеть «закрытость» саратовского искусства, благодаря ему началось активное сотрудничество, культурный, творческий обмен с коллегами из Франции. Для артистов театра драмы памятными стали гастроли на родину Александра Дюма и Жана Кокто. На Волгу они вернулись переполненные волнующими впечатлениями, столь важными для творческих людей. Удалось и мир посмотреть, и себя показать – например, в спектакле по М. Горькому «На дне», с участием народных артистов России Александра Галко и Сергея Сосновского.

Так сложилось, что в 2006 году Антон Кузнецов окончательно переехал во Францию, где женился на обаятельной молодой актрисе Вере Ермаковой и основал свою театральную труппу, а также стал преподавать в театральной академии Лиможа. Там же в 2012 году родился его единственный наследник – сын Ваня. А через год вследствие серьёзной травмы и дальнейших осложнений после неё Антона Кузнецова не стало...

Мы были знакомы со студенческих лет, хотя очень поверхностно, и не скажешь, что общались периодически. Но интерес к такой яркой личности, как Антон, был для меня, начинающего журналиста, искренним, глубоким и постоянным. Повторюсь, при том, что на саратовском театральном небосклоне вспыхивали и гасли удивительные звёзды – «иных уж нет, а те далече...»

Помню, как, увидев Антона на дипломном спектакле в учебном театре консерватории – он исполнял роль Пака в «Сне в летнюю ночь» по В. Шекспиру, – я прошептала: «Этот мальчик особенный. У него будет большое будущее». И, думаю, не ошиблась. Интуиция не подсказала лишь одного: что жизнь этого артиста окажется такой недолгой..

Стремясь посвятить Антону какие бы то ни было журналистские работы (чувствовала потребность в этой творческой отдаче), я сумела дважды взять у него интервью. Досадовала, что в те годы приходилось одалживать у знакомых диктофон (своего тогда не было), а тяжёлую профессиональную «бандуру» с плёнкой таскать не хотелось. Эти эпизоды запомнились, и я расскажу, как это было.

Первый раз мне удалось взять интервью у Антона Кузнецова в 1989 году, когда, став профессиональным актёром после окончания курса у Владимира Захаровича Федосеева, он отработал один сезон в незадолго до этого созданном театре Ивана Верховых «Академия театральных искусств», или АТХ (Антон играл в спектакле по С. Мрожеку «Эмигранты»), поступил на режиссёрский курс к Льву Абрамовичу Додину в ЛГИТМиК и собирался уехать в Питер. Интервью это состоялось в бабушкиной квартире на проспекте Кирова, куда Антон явился со своей первой женой, однокурсницей Аней Афанасьевой и ещё двумя-тремя друзьями. На первый вопрос: «Антон, ты сейчас счастлив?» – он ответил, что «практически да», потому что самое интересное – овладение заветной, самой желанной для него профессией режиссёра – ещё только предстоит, и он находится в радостном предвкушении. Действительно, целеустремлённому Антону можно было искренне позавидовать: его ждали интересная, бурная столичная жизнь, новый круг общения, новые знания и профессиональные навыки... К сожалению, это интервью нигде не удалось опубликовать, оно осталось у меня в архиве на микрокассете.

Небольшое отступление. Впервые всё-таки я увидела, точнее даже, услышала Антона Кузнецова не на спектакле или репетиции, а в столовой консерватории, на студенческом «капустнике». Меня пригласила туда подруга, учившаяся на дирижёрско-хоровом отделении и исполнявшая собственные песни под гитару. Кроме Антона, читавшего свои коротенькие куплеты (он почему-то называл их «плевками»), выступал со стихами его друг, прекрасный молодой артист Алексей Сыромятников, впоследствии основавший вместе с Еленой Смирновой муниципальный театр «Балаганчикъ». Безусловно, это тоже было очень интересно, тем более что многие тогда увлекались поэзией.

Если покопаться в памяти, то вспоминаются и хореографические номера, в которых выступал Антон. Да-да, он занимался танцами в легендарном университетском танцевальном коллективе «Дружба» у Маргариты Владимировны Ликомидовой. С ним танцевали и другие ребята с театрального – Алёша Зыков, Володя Игнатюк и близкий друг Антона Саша Файфман (ставший впоследствии известным телепродюсером).

И ещё одно, почти «заросшее памятью» воспоминание: в 1991 году я попала на I-й Саратовский рок-фестиваль, он проходил в ДК авиастроите-

лей (ныне – Центр национальных культур). Антон выступал в качестве шоумена с рок-группой Дюши Сущенко «Ломаный грош». Если не ошибаюсь, он танцевал и пел, скандируя какие-то лозунги по-английски (сказалась учёба в престижной «английской» 42-й школе).

Второе интервью мне удалось взять в 1995 году после спектакля «Маленькие трагедии». Я везла коляску с недавно родившимся сыном Андреем мимо ТЮЗа, и вдруг моё внимание привлекла афиша: «Пушкин «Маленькие трагедии». Французская труппа... Постановка Антона Кузнецова». Нужно ли говорить, как быстро я отвезла коляску домой и побежала договариваться об интервью! Смешно, но Антон, назначивший пресс-конференцию «для всех», сделал исключение для меня и дал эксклюзивное интервью – на лестнице, ведущей на Малую сцену театра... Одну из главных женских ролей в этой постановке исполняла француженка Сандра – жена Антона Кузнецова. Даже из глубины зрительного зала было видно её эффектную внешность... Но через какое-то время они расстались, и Антон неожиданно приехал в Саратов и возглавил коллектив театра драмы имени И. А. Слонова.

Напутствуя меня на интервью, мой «гуру» Александр Васильевич Рекеда, перешедший в «Саратовский листок» из «Зари молодёжи», иронично спросил: «Интересно: почему русские мужчины влюбляются во француженок, я понимаю, но почему французская красавица-актриса вышла замуж за этого забавного, не «аленделонской» внешности русского парня по фамилии Кузнецов?.. Что она в нём нашла?» На этот вопрос я могла ответить и сама: обаяние, талант, невероятную харизму, уникальную преданность театру и жизнелюбие!

Второе интервью, увы, также не было опубликовано при жизни Антона. Оно вошло в мой сборник «Я желаю тебе открывать острова» (Саратов, 2018); статья об Антоне Кузнецове там называется «Грустный Пак и заряженный Фигаро».

Вернувшись в Саратов (оказалось, что лишь на время), Антон Кузнецов в 1998 году стал художественным руководителем, а затем – главным режиссёром Саратовского академического театра драмы имени И. А. Слонова. В те же годы Антон Валерьевич стал преподавать на театральном факультете, набрав актёрско-режиссёрский курс. Ставили русские, «отечественные» и французские пьесы, но не только. Например, одной из первых постановок Кузнецова в «драме» стала «Изобретательная влюблённая» по Лопе де Вега; ставил он пьесы Г. фон Клейста, Э. М. Лабиша... Знаю, что помимо основной работы Антон постоянно «креативил», помогал идеями и делился профессиональными советами с друзьями, которых у него было много. Не меньше его обожали студенты, его ученики, которые также выходили на сцену театра драмы, а кто-то «прижился» и остался на долгие годы (например, сейчас в драмтеатре прекрасно работает, став одним из ведущих молодых артистов, Александр Каспаров, заслуживающий отдельного разговора).

В спектаклях Антона Кузнецова блестяще работали, радуя зрителей, народные артисты Российской Федерации Александр Галко, Людмила Гришина, Григорий Аредаков, Валентина Федотова, Сергей Сосновский, заслуженные артисты Игорь Баголей, Эльвира Данилина, Владимир Аукштыкальнис, Владимир Назаров, ведущие артисты труппы Людмила Уварова, Евгений Виноградов, Алиса Зыкина, Тамара Джураева, молодые артисты Константин и Ольга Миловановы, Антон Афанасьев, Андрей Седов и многие другие.

В некоторых постановках Антон Кузнецов был занят и сам. В таких случаях режиссёром-постановщиком мог выступать кто-то из коллег, приглашённых из других городов. Думаю, все согласятся, что «визитной карточ-

кой» этого удивительного артиста стала роль Фигаро в спектакле режиссёра из Санкт-Петербурга, однокурсника Антона по ЛГИТМиКу, теперь уже хорошо знакомого саратовцам Игоря Коняева «Женитьба Фигаро». Таким он и запомнился мне: яркий, безудержный, фонтанирующий идеями мой современник, ровесник и земляк Антон Кузнецов.

В 2006 году Антона Кузнецова пригласили во Францию, и он покинул Саратов, теперь уже навсегда. Обретя земную славу и, что не менее важно, счастье в личной жизни, в 45 лет Антон Валерьевич Кузнецов скоропостижно скончался и похоронен в Льеже. На его могиле было установлено созданное главным художником театра, соратником Антона Валерьевича по Саратовскому театру драмы, Юрием Наместниковым, оригинальное надгробие, напоминающее зрительный зал.

В 2021 году друзья познакомили меня с мамой Антона Кузнецова, Нелли Львовной. Мы нашли общий язык и, смею надеяться, подружились. От неё я узнала: пережив смерть сына, переборов горе и отчаяние, Нелли Львовна с помощью друзей Антона выпустила книгу воспоминаний о нём – «Потому что люблю...» Книга эта вышла в Санкт-Петербурге в 2016 году ограниченным тиражом. В неё включены воспоминания друзей, русских и французских учеников Антона Кузнецова, однокурсников, мастера курса ЛГИТМиКа Льва Додина, а также чёрно-белые фотографии разных лет.

Книга интересна и тем, что Нелли Львова адресовала её внуку – Ване Кузнецову, живущему во Франции. Автор книги поделилась и другими воспоминаниями: о своём собственном детстве, о Саратове 1940–1950-х годов, о других предках талантливого артиста и режиссёра – словом, «откуда есть пошла» она, любовь к театру, к искусству вообще. Немалый интерес представляют воспоминания о дедушке Антона по отцовской линии – участнике Великой Отечественной войны, ветеране 32-й стрелковой дивизии Степане Кузьмиче Кузнецове.

**Нелли
КУЗНЕЦОВА**

ПОТОМУ ЧТО Я ЛЮБЛЮ...

(фрагменты из книги воспоминаний)

Моя бабушка (баба Лиза) – Елизавета Яковлевна Блюмштейн, в девичестве Цивьян, родилась 30 ноября 1893 года и окончила до революции 1917 года Саратовскую консерваторию по классу фортепиано. Она работала концертмейстером в классе знаменитого профессора М. Е. Медведева, который организовал в Саратове Театр оперы и балета. Баба Лиза работала там в оркестре. Мне она рассказывала про знаменитую «Кармен» – певицу Мухтарову, которую взяли в труппу театра молодой девчонкой из цыганского табора. Мухтарова была лучшей Кармен, пела и танцевала на столе. В пять лет я смотрела там балет Р. Глиера «Красный мак» и оперу А. Даргомыжского «Русалка», а потом дома играла «в балет и оперу». У бабушки были все оперные клавиры, а у дедушки – Льва Яковлевича Блюмштейна была огромная изумительная библиотека с полным собранием сочинений В. Шекспира в старинном издании.

В войну, когда я росла, бабушка всё это богатство обменяла на стакан сахара или стакан молока. Дедушка умер в 1939 году, и ей было очень тяжело материально. Дома у нас был рояль, который затем был заменён на старинное пианино с бронзовыми подсвечниками фирмы Беккер, и все праздники у нас в доме начинались со звуков знаменитого вальса из спектакля «Принцесса Турандот». Под венгерскую рапсодию Ф. Листа я в пять лет танцевала с соседскими подружками танец лисичек, который я придумала сама. Мой дедушка был провизором, у него была аптека в центре города на Московской улице. Мы жили в доме № 89 по улице Мичурина (угол Провиантской) и занимали весь второй этаж. У бабушки было двое детей – моя мама Люба и её младший брат Яша. Их фотографии сохранились. Но потом после революции у нас осталось только две комнаты, в остальные были подселены соседи, но мы жили очень дружно, несмотря на общую кухню и один туалет на 40 человек.

-
- Нелли Львовна Кузнецова родилась в 1943 году. Живёт в Саратове. После школы с отличием окончила химический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского и в 1966–1972 гг. работала на кафедре полимеров университета. С 1972 по 2018 гг. заведовала центральной заводской лабораторией завода «Сардизель» (ООО «СаратовДизельАппарат»). Её сын Антон Валерьевич Кузнецов (1967–2013) был актёром и режиссёром в России и во Франции. После его смерти Н. Л. Кузнецова посвятила его памяти книгу «Потому что я люблю...» (СПб., 2016), адресованную внуку Ивану.

Баба Лиза окончила ту же консерваторию, куда спустя 80 лет на театральный факультет в класс доцента Федосеева Владимира Захаровича поступил учиться твой папа. Сейчас имя твоего папы занесено на Почетную мраморную доску лучших выпускников в фойе Саратовской консерватории.

(...) После оперного театра моя баба Лиза работала в оркестре драматического театра в то время, когда там работал блистательный актёр и организатор саратовской театральной школы Иван Артемьевич Слонов. Ныне этот театр носит имя Слонова. Бабушка знала его очень хорошо, как и других великих актёров того времени: Несмелова, Муратова, Стрижову, Степурину, Андреева...

В энциклопедии, выпущенной к 100-летию Саратовской консерватории (...) ты сможешь прочитать о Медведеве М. Е., о папе, о Тараканове Альберте Михайловиче, талантливом музыканте – ученике великого Генриха Нейгауза, профессоре, работающем в консерватории по сей день. Баба Лиза была влюблена в его игру и, когда Алик с Руфой (Руфина Жозефовна Тараканова, супруга музыканта. – Прим. А.М.) приходили в наш дом, всегда просила его что-то поиграть. Ходить на его концерты после пяти инфарктов она уже не могла. Сама Руфина (она моя троюродная сестра) с отличием закончила театроведческий факультет ГИТИСа и успешно работала в отделе Министерства культуры Саратова, сделав очень многое для развития театров и культуры нашего города.

Моя мама, Блюмштейн Любовь Львовна, родилась 18 января 1918 года и умерла 23 января 1977 года, в возрасте 59 лет. (...) Когда Антон болел, он с ней оставался. Она не могла ни в чём отказать внуку, всё позволяла, очень баловала. Он вытворял у неё всякие безобразия, только что на потолке не висел. Бабушка Люба была врачом. Она окончила в 1948 году Саратовский мединститут по специальности «судебная медицина». Во время войны она была вынуждена прервать учёбу и работать в тылу. За свой труд с 1942 по 1946 год она награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После окончания медицинского института она работала судебным экспертом Ртищевского района, а затем до 1969 года – врачом-лаборантом на кафедре акушерства и гинекологии Саратовского мединститута. Когда родился твой папа, она стала моей главной помощницей.

(...) В консерваторию на концерт классической музыки я впервые привела его в 5 лет и потом регулярно его туда водила. Он посещал консерваторию с удовольствием. Но в музыкальной школе проучился недолго, потом очень жалел, что не закончил музыкальную школу. Но он самостоятельно выучился играть на гитаре, а позже, учась в театральном институте у Льва Абрамовича Додина, – на саксофоне. В детстве папа был очень похож на своего дедушку, Степана Кузьмича Кузнецова (отца бабушки Валеры). Можно увидеть это по фотографии.

Он сам вспоминал: «С детства и по сей день я по-особому отношусь к своему деду. Он был профессиональным военным и участвовал в трёх войнах, служа в танковых войсках: на озере Хасан, Финской и Великой Отечественной. Я учился в 42-й школе, туда деда приглашали рассказывать о войне. Когда он надевал свой парадный китель и появлялся в классе, я бывал страшно горд. Среди многих орде-

Степан Кузьмич
Кузнецов

нов Степана Кузьмича особо выделялся редкий орден Александра Невского. Дед прожил 91 год. Будучи, по сути, крестьянином, он обожал природу, сад, дачу. Мне с ним всегда было необычайно хорошо и спокойно. Он не слишком любил разговаривать, но до конца дней оставался человеком, любившим жизнь, заинтересованным во всех моих делах. Совсем уже пожилым он приезжал в Санкт-Петербург, смотрел наш спектакль «Гаудеамус». Его ничуть не смущало критическое отношение к армии, которым был проникнут весь спектакль. Дед был человеком очень парадоксальным, с сильно развитой интуицией – мог уже пожилым впервые читать и перечитывать Библию, приговаривая: надо же знать то, что я всю жизнь критиковал по идейным соображениям».

После последней войны он ещё долго восстанавливал в Германии метро и привёз оттуда папе (Валерию Степановичу Кузнецову) флейту с замечательным звуком – настоящий, редкий инструмент. На этой флейте играл Валерий Степанович. Он был очень способным учеником, закончил музыкальную школу по классу флейты, его долго уговаривали дальше продолжать обучение в музыкальном училище, но он поехал в Ленинград поступать в Гатчинское военное училище. Там простудился и заболел тяжёлой пневмонией. Затем служил в армии в военном оркестре музыкальной роты, участвовал в параде на Красной площади. Затем поступил в политехнический институт и окончил кафедру космических приборов. Но всю свою жизнь он тяготел к музыке, театру и всячески поддерживал в своём папе стремление стать актёром и режиссёром. Он был очень хорошо образован, много читал, блестяще знал историю и литературу. Сочинял прекрасные стихи. Ему легко давались иностранные языки, и впоследствии он самостоятельно изучил французский, чтобы свободно общаться с папиными друзьями. Вот как вспоминает о нём Антон: «Мой папа учил меня читать. У него была исключительная манера привить мне любовь к чтению – он появлялся с книжкой и говорил: «Вот классная книжка, жалко, что тебе её ещё рано читать». И ставил её на полку. Только дверь за ним закрывалась, я брал эту книгу и читал до конца, чтобы вечером сказать: «Я, папа, всё прочёл и всё понял». Я был очень болезненным ребёнком, мне ставили банки, но самое страшное было лежать с горчичниками. И папа, чтобы меня отвлекать, читал мне пьесы, позволяя себе разыгрывать сцены между персонажами. Один раз он читал «На дне». И мне было настолько интересно, что мы забыли, что я лежу с горчичниками. Я боялся ему сказать, потому что понимал, что если с меня их снимут, то он закончит представление и я не узнаю финала. И только в половине двенадцатого крик мамы: «Вы что? С ума сошли?» – вернул нас в реальность. Когда она сняла наконец эти горчичники, у меня был ожог. Эту историю я хорошо запомнил, потому что потом ставил «На дне» в театре драмы. Тогда у меня было ощущение, что я слышу интонацию отца».

«Антон отличался какой-то неуёмной, фантастической жадностью знаний. И на занятиях, и на репетициях он старался узнать всего как можно больше. Ещё когда у него родился замысел своих «Маленьких трагедий», которые он спустя несколько лет поставил на сцене ТЮЗа. Антон рано начал проявляться в режиссуре, рано определил для себя позицию в жизни. Поэтому много требовал от себя самого и от других людей. Из-за этого он часто существовал в конфликте с окружающими... Со Львом Додиним – мастером, у которого Антон учился режиссуре в Санкт-Петербурге, мы в своё время занимались в лаборатории у Марии Иосифовны Кнебель. Так что, наверное, можно говорить о какой-то преемственности», – писал В.З. Федосеев.

Но именно к этой ученице К. С. Станиславского, Марии Иосифовне Кнебель, твой папа и пытался поступить на курс режиссуры в 16-летнем возрасте. Он вспоминал: «Помню, в 16 лет я приехал в столицу поступать на курс к Марии Иосифовне Кнебель – тот курс оказался для неё последним, но никто тогда этого не знал. Я пришёл показываться: что-то читал, пел, басню рассказывал, играл на гитаре, а в сумке у меня лежали фотографии и режиссёрские экспликации. Меня спросили: «Ну что, молодой человек, кем вы хотите стать?» Я говорю: «Режиссёром». И вдруг вся эта компания из почтенных и уважаемых людей начинает смеяться. Я краснею. Мария Иосифовна говорит: «Извините, я пожилая дама, я не расслышала – кем-кем?» Я говорю: «Режиссёром». Они опять смеются. Мне уже не по себе. Она снова: «Ну, и ещё раз – кем?» И я говорю: «Ре-жис-сё-ром!» Они смеяться перестают и пытаются мне объяснить: «На режиссуру мы берём обычно людей хотя бы после армии, после другого ВУЗа, вам придётся учиться с 30-летними». На что я им, конечно, отвечаю (такое иногда бывает у подростков): «У каждого свой возраст быть режиссёром». Уже не смеётся никто, и все понимают, что задели самолюбие мальчика из Саратова. Они мне говорят: «Мы вам предлагаем поступить в актёрскую группу, вы отучитесь, и там будет понятно». И тут я сказал фразу, которая всё определила в моей жизни: «Я призваниями не торгую». Забрал все свои шмотки и вышел. Наша дальняя родственница, артистка театра им. В. Маяковского, стояла за дверью и ждала меня. Когда она узнала, что мне предложили актёрскую группу, а я отказался, то вlepила мне хлётскую пощёчину!»

(...) Редакция газеты «Московский комсомолец» вручила папе свою театральную премию за спектакль «Камера обскура» в «Табакерке» (Театр под руководством Олега Табакова), говоря при этом, что театральная премия «Московского комсомольца» отличается от других тем, что она пристрастна. «Мы пристрастны к талантам, к тем, кто работает, а не создаёт суету в искусстве. Кто вкалывает, а не тусуется. Мы пристрастны к тем мастерам, которые на своих плечах ещё держат марку русского театра, и особенно пристрастны к молодым, в сторону которых всевозможные премии демонстративно отказываются смотреть. Зато смотрит «МК». И, как показывает время, не ошибается».

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТУДИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

**Олег
ДМИТРИЕВ**

СТИХИ ИЗ КНИГИ «ВОЛНЫ ДАЛЁКОГО МОРЯ»

ОСЕНЬ

Осень, как газета,
Рвётся на ветру,
Строчки без поэта
Гаснут поутру.

Дождь разлук мгновенья
В капли обратил,
Снег стихотворенья
Небо забелил.

Воздух, как таблетка,
Охлаждает рот,
Лист покинул ветку
И уносит год...

ГОЛОС

Саиду Багову

Ваш голос за заборы слов
Заходит, отыскав калитку,
И жизнь качается на нитке
Клубка с названием «любовь».

И чувствуем мы кожей тех,
Кто написал слова когда-то,
И за дрожанием дискантным
Их дальний различаем смех.

-
- Олег Юрьевич Дмитриев родился в 1962 году. Окончил механико-математический факультет СГУ. Педагог федерального образовательного центра «Сириус» и многих математических школ для одарённых детей по всей России. Был участником литературной студии «Молодые голоса», в настоящее время участник литературной студии «Голоса поколений». Публиковался в журнале «Волга–XXI век». В 1998 году стал победителем саратовского городского конкурса хокку. Автор 38 книг. Член СП России. Живёт и работает в Саратове.

Абзацы ищут камертон,
Как пальцы, движутся страницы,
И снова тянет погрузиться,
Как в море, в этот баритон.

Но горло медных труб слабей,
И хрипотца чернее кофе,
Вы привязали нас к эпохе
Ещё не слыханных идей.

А ночь упрямо, как прибой,
В окно швыряла мрака пену,
И мы от вас ушли сквозь стену,
Ваш голос унося с собой.

ДЕНЬ УЧИТЕЛЯ

Дрожит листва, бросая тень,
Недолог её век.
Учитель, вспомни в этот день –
Ты тоже человек!

Твоим словам доверья нет –
Есть интернета хлам.
Но ты всем даришь знаний свет
С надеждой пополам.

Всё электронной дневники
И циркуляров бред.
Прикосновением руки
Тетради край согрет...

Буди в умах стремление знать
В любые времена!
Ты не приучен отступать,
Ведь за тобой – страна.

Учить других – великий труд,
Грядущее творя.
Пусть в честь тебя не назовут
Ни горы, ни моря.

Ты – вечно уходящий в тень
Птенцов, взлетевших ввысь,
Учитель, в свой особый день
Вздохни и распрямись!

ПОКОЙ

Покоя не видать поэту –
Он ищет то, что не найти.
Соединяют части света
Его нелёгкие пути.

Года как птицы улетают,
Едва лишь станут на крыло.
Над головою строчки тают –
Душе становится светло...

ХОРОШО

Хорошо, когда есть небо –
Можно спрятать в нём печали,
И никто их не увидит
За большими облаками.

Хорошо, когда есть горы –
Я тоску за них задвину,
Пусть судьба её завалит
Хоть какой-нибудь лавиной.

Хорошо, когда есть море –
Брошу грусть в него горстями,
Пошумит оно и только
Солонее малость станет...

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Не грусти, моё сердце,
И тоску не зови –
Никуда мне не деться
От последней любви.

Небо выкрасят цветом
Всех надежд и потерь,
И любовь, словно лето,
Постучит в мою дверь.

Вздохи волн одиноких,
Сердце, ты не лови,
Не назначены сроки
Для последней любви.

Фонарям до рассвета
Купол неба держать,
И в любовь, как и в лето,
Надо верить.
И ждать.

Ветер кроны листает,
Словно книги мои,
И по листьям гадает
О последней любви.

Сердце строчкой задето,
Став заложником слов.
Я любовь, как и лето,
Остудить не готов.

Зёрна звёзд в чёрном небе
Тучам все не склевать,
Без любви без последней
Невозможно дышать...

СОNET

Написать бы сонет,
Только листья опять ускользают,
Звёзды прячут чернила
И смотрит с укором луна.
Написать бы сонет,
Но никто его не прочитает,
Горечь нашей любви
Зачерпнуть не сумеет со дна.

Написать бы сонет,
Ветер шепчет подсказки упрямо,
Дождь принёс запятые
И точки – бери не хочю.
Написать бы сонет,
Но закрылась оконная рама,
И за нею душа
Прикоснуться не в силах к лучу.

Написать бы сонет,
Только перья давно улетели
В те края, где весна
Вечно ставит пластинку любви.
Написать бы сонет,
Но приковано тело к постели,
Крылья где-то в чулане
В объятьях вселенской пыли...

МОРЕ И ВОЛНЫ

Море, как солнце, не любит истерик.
Как с ним ужиться? Увы, непонятно.
Волны от моря уходят на берег,
Только вода убегает обратно.

Море, как небо, не знает сомненья,
Камни, как слёзы, бегут, не кончаясь.
Волны седеют от невозвращенья,
Звуки, как шторы, нависли, качаясь.

Море, как сердце, ко всем равнодушно,
Звёзды его ни пугают, ни лечат.
Волны баюкают грустную сушу
На никому неизвестном наречье...

МЕЧТЫ

Если б я был дождём,
Я б в твоё постучал окно,
Только б ты не пустила,
Как, впрочем, и в прошлый раз.

Если б я был ветром,
Я б бежал за тобой в кино
Тихо, чтоб не вспугнуть слезу
Из озёрных глаз.

Если б я был солнцем,
Я б нежно вослед светил
И упрямые тучи
Отодвигал лучом.

Если б я был луною,
Я сны бы посеребрил,
Сделав вид при этом,
Что я совсем ни при чём.

Если б я был пчелой,
Для тебя собирал бы мёд,
Чтоб в минуты болезни
С ним чай горячий пила.

Если б я был листом,
То рванул бы тогда в полёт,
Чтобы хоть на мгновенье
Ты взгляд мне свой отдала...

Игорь
ШВЕДОВ

Палка о двух началах

К юбилею О.Ю. Дмитриева

Дмитриев О.Ю. Избранное. Часть 1. — Саратов:
издательство «Саратовский источник», 2022

Книга, которую я сейчас держу в руках, попала ко мне неслучайно. Во-первых, её автор – мой земляк, во-вторых, я знаю его лично. Юбилейный поэтический сборник замечательного саратовского поэта Олега Юрьевича Дмитриева «ИЗБРАННОЕ. Часть 1», составленный из десяти книг, изданных только за последние два года, выглядит весьма солидно.

Поэт уже знаком читателям по книгам: «Единостишия», «Легенды интеллект-школы «Корифей плюс», литературным пародиям «ЕГЭ на рифмах рифм», сборникам хокку «Грани года» и другим. Задача передо мной стоит довольно непростая, так как в рамках одной рецензии очень трудно (да и нужно ли?) раскрыть целиком содержание, не рискуя превысить объём самого юбилейного сборника такого разнопланового и плодovitого автора.

Но попытаться стоит. Юбилей же!

Несмотря на то, что география изданий не очень обширна (его книги, кроме Саратова, изданы в Челябинске и Белорецке), называя Дмитриева саратовским поэтом, я сильно сужаю границы творчества, не говоря уже о масштабе личности: Олег Юрьевич давно вышел на всероссийскую и даже международную арену. Столь широкую аудиторию он завоевал благодаря работе, связанной с проведением всероссийских и международных математических олимпиад, где он принимает участие в качестве члена жюри и параллельно знакомит учеников и коллег с плодами своих трудов на литературной почве.

Дмитриев – человек очень живого, гибкого и подвижного ума, с особым углом зрения. Творческий мыслительный процесс – его обычное состояние. Целые серии книг, объединённые тематически, задуманные или готовящиеся вот-вот появиться на свет, буквально наступают друг другу на пятки, томятся, ждут своей

очереди, потому что Олегу Юрьевичу не нужно ждать или ловить то, что принято именовать вдохновением, наитием. Все его поэтические находки являются закономерным результатом, ответом на задачу, условия которой Дмитриев составляет, согласуясь с универсальной «базой данных» – ноосферой. Не удивительно, что он моментально реагирует на некий заинтересовавший его фактор и тут же обыгрывает его, причём в нескольких проекциях и с принципиально новой идеей, если хотите, уникальной авторской концепцией подаваемого материала. Так, для подавляющего большинства людей при упоминании палки возникает устойчивая ассоциация с общеизвестной поговоркой, что «палка о двух концах», а у Дмитриева она может стать палкой о двух началах! Чувствуете, как перевернулось ваше мироощущение, и перед внутренним взором разрастается что-то необозримое, светлое, влекущее и будоражащее самые добрые фантазии?

Когда я перелистывал страницы сборника, читал давно знакомые стихи, многие из которых я имел удовольствие иллюстрировать, у меня заново появлялось приятное чувство радости и гордости за Олега Юрьевича. И не беда, что он, выбрав образ, может эксплуатировать его до бесконечности. Это лишь говорит о неограниченной фантазии автора и вовсе не означает, что Дмитриев – поэт одного образа. Напротив! Он виртуозно вписывает в ткань стиха множество самых разных словесных изобретений, и, чего греха таить, порою они переизбыточны. Но щедрость творческая и человеческая – характерная черта нашего уважаемого юбиляра.

*Я перешёл на тот мотив,
Который море подсказало,
И небо губы облизало,
Луны таблетку тьмой запив.*

*Вбирая свет от фонарей,
Мелодия крадётся садом,
Мне больше ничего не надо –
Любви достаточно твоей.*

*Не верит море в тишину,
Оно то шепчет, а то плачет,
Любовь в словах живёт иначе,
Дробясь, как солнце о волну.*

*Но я запомню рокот нот
Живых камней у кромки моря
Да иглы острые, как горе,
Сшивающие небосвод...*

(«Мотив»)

Продолжая раскрывать тему дмитриевских образов, отмечу, что они не из числа ассоциативных смысловых и художественных конструкций поэтов-символистов, таких, как Блок, Бальмонт, и других представителей этого направления. Хотя влияние упомянутых авторов, безусловно, отражается в прочувствованной, переосмысленной и по-своему трансформированной форме, образы Олега Юрьевича вполне земные, осязаемые, даже при всей присущей им неожиданности, а сочетание необычных сравнений наделяет обыденные предметы или явления новыми качествами и создаёт иную, «дмитриевскую реальность». В ней люди могут быть «не перпендикулярны, но всё-таки не параллельны», а «закат избыточно янтарен, и берег грубо нелинеен».

Да, такой поэт способен провести через игольное ушко метафоры целый караван верблюдов-образов, нагруженных под завязку вариантами авторской мысли. И это не дешёвый факирский фокус, а строгий математический расчёт. Тут всё по-настоящему, плоть от плоти истинной поэзии!

Любимым приёмом Дмитриева является сравнение, на котором он строит свои произведения: «Свет вытек, как желток, / Звук выбит, будто зуб». Я специально привожу эти, пусть не самые изящные, но зато ярко показательные своей неординарностью «дмитриевизмы». А ещё он довольно часто использует разнообразную игру слов, как, например, в стихотворении «День ночного фонаря», отрывок из которого я привожу ниже:

*Одна проблема, словно тень,
Встаёт передо мной:
Как фонаря отметить день,
Когда фонарь – ночной?*

Или:

*Солнце забыло в чаще
Часть самого себя.*

*Надо встречаться чаще,
Словно со звуком звук...*

Замечательны афоризмы в книге «Многомерная афоризматика», одно название которой уже есть афоризм.

Ложка – очень маленькая ложь.

*Тишина – это множество звуков,
не исполняющих своих должностных обязанностей.*

*Меловой период – период отсутствия
в школе интерактивных досок.*

*Иррациональное решение – решение,
которое напрямую извлекается из идей.*

Согласитесь, здесь есть чему улыбнуться и над чем задуматься. Именно эта кажущаяся лёгкой и непринуждённой игра идёт по особым правилам и формулам, открывая всю свою многогранность искусственному, мыслящему читателю. Но, как это ни парадоксально, всё же остаётся игрой в лучшем значении слова, потому что интеллектуальные игры – удовольствие для редких гурманов.

Конечно, я назвал далеко не все из обширнейшей гаммы приёмов, которыми мастерски владеет Олег Юрьевич, что в свою очередь позволяет ему успешно работать в самых разнообразных поэтических формах и жанрах – от лимериков до классического сонета, от сатиры и юмора до уточнённой пирики.

Но о чём же посредством богатейшего технического арсенала хочет поведать читателю поэт Олег Дмитриев? На страницах его сборника мы можем найти всё, чем живёт современное общество. От частных, сугубо личностных переживаний и попыток самопознания до поднятия проблем общечеловеческого масштаба. Вот строки из философско-сатирической книги «Тараканиада», частично вошедшей в «Избранное»:

*Мечты превращаются в планы,
А планы в развал и застой,
Когда их, шурша, тараканы
Наполнят своей пустотой.*

*Пускай заряжают экраны
Нас тягой к планетам иным –
Придут и туда тараканы
И сделают космос пустым...*

В разделе из сборника «Праздники души» автор говорит о том, что в жизни всегда найдётся место празднику, если ощущение праздника, пусть не всегда весёлого, есть в самой душе человека.

*А завхоз отчитается:
Чисто выстрижен лес.*

*В небе солнце качается —
Одуванчик небес.*

(«День одуванчика»)

А в сборнике «По дорогам Эллады», наполненном юмором, сатирой и подчас горьковатой иронией, он стремится посредством своеобразного «перевода» сюжетов древнегреческих мифов на современный язык («Побойтесь данайцев, дары приносящих сверх квот») высказать идею, что проблемы межличностных отношений остаются прежними и по сей день. Скупость и расчёт противопоставляются бескорыстию, глупость — мудрости, сила власти — воле простого народа. И, как в басне, автор непременно выводит соответствующую мораль:

*Став дубом и липой, листвою шелестеть
у дороги,
Дарить всем уставшим прохладную,
лёгкую тень —
Примером для многих порою бывают
не боги,
А те, кто добром наполняет наш
прожитый день.*

(«Миф о Филемоне и Бавкиде»)

Любопытно и увлекательно следить за тем, как от произведения к произведению меняются стиль изложения, лексика, ритм, размер, метафоричность, каким образом это преподносится: пересыпается ли песком философских изысканий, накатывает мягким приливом или обдаёт бушующими волнами чувств и эмоций. И после того, как впечатление от прочитанного отхлынет, в душе остаётся непреходящий свет духовных ценностей, являющихся основой произведений Дмитриева.

Несмотря на то, что Олег Юрьевич педагог и в силу этого склонен к повторениям, он избегает прямой дидактики: делай то и не делай этого. Он обходится без пафоса, ура-патриотических лозунгов, но всегда чётко обозначает свою позицию. И, конечно, не может оставаться лишь равнодушным наблюдателем:

*И в сердце врезается скальпель
Безбрежной российской тоски —
Сегодня снимают асфальта
Хорошие очень куски.*

Отдавая дань любви и благодарности малой родине, Олег Юрьевич — поэт-краевед, поэт-экскурсовод, рассказывает читателю о своём Саратове в произведениях из книги «Саратовский дневник», изобра-

жая конкретные, неповторимые и узнаваемые черты города, традиции, дух:

*Когда в горсти не соберёшь
Осколки ощущений,
Я в город свой вхожу как дождь —
Шальной, хмельной, весенний.
Украсит он моста пролёт
Своим промытым светом
И мне в ладони упадёт
Слезой незаметной.
Он для души моей — бальзам,
Врачующий печали.
Я в город свой вхожу, как в храм,
Наполненный свечами.
Меня он вытянет не раз
Из пропастей и бедствий:
И над мостом — иконostas
Гагаринских созвездий.*

(«Город-храм»)

Рассказывая о городе, поэт передаёт и свои личные воспоминания и ощущения:

*Но опять средь суматохи
Я спешу в старинный зал,
Где фонтан из той эпохи
Время струями связал.*

*Может, снова у фонтана
Встречу детство я своё,
Где изюм на Пасху мама
Покупать со мной идёт.*

(«Крытый рынок»)

Стихи Олега Дмитриева, наполненные мелодией, образуют порой сюрреалистичный, порой обыденный, если это определение вообще подходит к стихам, но логически выстроенный, гармоничный мир. Это не значит, что данный мир идеален, но в его живой атмосфере органично сочетаются все элементы бытия, и дышать этой атмосферой полезно для духовного здоровья.

*Снова к Пасхе украсят ворота,
Звон прольётся душистей, чем мёд.
Жизнь сотрёт с куполов позолоту,
Но с души доброту не сотрёт.*

*Наш народ, словно Бог триединый,
Продираясь сквозь чащу времён,
И отцом в ней бывает, и сыном —
Русским духом он в бедах силён.*

*И, пройдя сквозь огонь революций,
Перестройки осилив запой,
Может быть, нам пора оглянуться:
Где там ангел стоит за спиной?*

(«Свято-Троицкий собор»)

Любителям художественного слова предлагаю окунуться в богатейшее и интереснейшее многомерное пространство творчества Олега Юрьевича и самим оценить достоинства и степень таланта. С большой долей вероятности осмелюсь предположить, что новая книга займёт своё место на полках взыскательного читателя, а через какое-то время с удовольствием потеснится, чтобы освободить место для последующих сборников этого неординарного автора, благо, как уже отметил

в предисловии к ней Алексей Бусс: «Есть из чего избирать!»

А завершить рецензию мне хочется строчками Дмитриева из стихотворения «Художественный музей имени Радищева», но переадресовав их самому автору и его поэзии:

*Нам сюда ходить почаще бы,
Чтобы помечтать с Поленовым,
Чтобы стать чуть-чуть причастными
К вечному и неизменному.*

**ВИКТОР
КРЕСТОВ**

**ПРОСЛАВЛЕННЫЙ ЛЁТЧИК,
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК,
ЛЮБИТЕЛЬ ИСКУССТВА,
ДУХОВНО КРАСИВЫЙ ЧЕЛОВЕК**

**К 120-летию со дня рождения Героя Советского
Союза генерал-майора авиации А. Б. Юмашева
и 85-летию исторического перелёта
по маршруту Москва–Северный полюс–США**

Восемьдесят пять лет назад экипаж советского самолёта АНТ-25 в составе командира – Героя Советского Союза Михаила Михайловича Громова, второго пилота Андрея Борисовича Юмашева и штурмана Сергея Алексеевича Данилина совершил исторический беспосадочный перелёт по маршруту Москва–Северный полюс–США (Сан-Джасинто), установив новый мировой рекорд дальности по прямой: 10148 километров. Одному из членов этого экипажа, Андрею Борисовичу Юмашеву, в этом году исполнилось 120 лет со дня рождения. Сегодня расскажу о нём не только как о прославленном лётчике, но и об интересном человеке, его дружбе с актёрами Саратовского театра драмы имени К. Маркса, о его увлечении живописью.

В своё время в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского мне довелось защищать дипломную работу по теме: «Военно-шефская работа Саратовского драматического театра имени К. Маркса в годы Великой Отечественной войны». На историческом факультете моим научным руководителем был в то время доцент, а впоследствии доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, почётный профессор

-
- Виктор Васильевич Крестов родился и живёт в Саратове. Окончил исторический факультет СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Ветеран педагогического труда. Председатель общественной организации «Клуб любителей творчества Леонида Сметанникова». Публикуется в местных СМИ. В 1985 году президиумом Советского комитета ветеранов войны награждён юбилейным памятным Знаком «40 лет Победы». Участник Восемнадцатого Международного кинофестиваля документальной мелодрамы «Саратовские страдания».

*Виктор Тарасович
Токарев*

*Людмила Михайловна
Уварова*

Саратовского университета, академик Академии военных наук России Григорий Давыдович Бурдей. Он мне сказал: «Если ты выбрал эту тему, то тебе стоит подружиться с сотрудниками театра».

Следуя его совету, я действительно подружился с актёрами, которые работали в нашем театре в годы Великой Отечественной войны: с В. К. Соболевой, А. С. Муратовой, Р. М. Вашуриной, А. И. Степановым, Д. Ф. Степуриной, с режиссёром П. П. Васильевым. А тогдашний директор театра Виктор Тарасович Токарев стал даже моим официальным оппонентом при защите дипломной работы.

Впервые я увидел его в театре на торжественном вечере, посвящённом 70-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности нашей прекрасной актрисы – Заслуженной артистки РСФСР Доры Фёдоровны Степуриной. Я невольно обратил внимание на то, что Виктор Тарасович говорил о ней с искренней любовью и уважением, и тогда, сидя в зрительном зале, я подумал, что именно такой человек, искренне, глубоко любящий театр, его историю, может быть моим оппонентом на защите дипломной работы. Спустя некоторое время я обратился к нему с таким предложением, и он охотно согласился, чему я был, конечно, рад. До сих пор я бережно храню его отзыв о моей дипломной работе, где он писал, что она может быть использована в печати...

К сожалению, Виктор Тарасович вскоре ушёл из жизни. Мне очень хотелось, чтобы его пожелание сбылось. И с тех пор я начал публиковаться в местной прессе.

Тогда же дружеские отношения у меня сложились с одной из старейших сотрудниц театра Людмилой Михайловной Уваровой.

Она начала работать в театре ещё в 30-е годы прошлого века и прослужила в нём более 50 лет. Со временем у нас было много интересных совместных дел. По её предложению в мае 1980 года мы провели замечательную встречу в школе № 95, где я тогда работал учителем истории. Она была посвящена 35-летию Великой Победы. В этой встрече приняли участие актёры театра драмы, театра оперы и балета, филармонии и театра оперетты. Вероятно, эту встречу помнит и одна из её участниц, ныне народная артистка России, профессор Саратовского театрального института Римма Ивановна Белякова.

А к 40-летию Великой Победы мы с А. М. Уваровой подготовили в театре драмы имени К. Маркса прекрасную выставку. Для этой выставки я поделился материалами из своего архива.

И по сей день я очень благодарен Людмиле Михайловне и за то, что именно по её инициативе мне посчастливилось встретиться с легендарным человеком, Героем Советского Союза, генерал-майором авиации Андреем Борисовичем Юмашевым.

Эта встреча была, конечно, неслучайна. Дело в том, что в годы Великой Отечественной войны наш театр драмы имени К. Маркса в качестве почётных гостей посещали многие известные в стране люди. Это председатель Совнаркома РСФСР А. Н. Косыгин, драматург А. Е. Корнейчук, народные артисты СССР А. К. Тарасова, И. М. Москвин, Н. П. Хмелёв, член Военного совета Юго-Западного фронта генерал-лейтенант А. С. Желтов. Почётным гостем театра был и Герой Советского Союза генерал-майор авиации Андрей Борисович Юмашев, что и послужило поводом для нашей с ним личной встречи.

Мне не забыть февральские дни 1983 года. Скорый поезд Саратов–Москва стремительно приближал меня к встрече с легендарным человеком. И вот я в Москве. С чувством некоторого волнения я вышел из метро на красивый Ленинградский проспект. Через несколько минут я увижу человека, имя которого золотыми буквами вписано в историю нашей страны.

Дверь открыла его жена, Кира Семёновна. А вот передо мной и хозяин квартиры – высокий, статный, красивый, каким я и знал его по фотографиям. Время мало изменило его, только поседевшие волосы напоминали о возрасте. И было удивительное чувство давнего знакомства с этим человеком. Я передал ему привет и вручил цветы от коллектива Саратовского академического театра драмы имени К. Маркса, с которым его связывала давняя дружба. Он был тронут этим вниманием со стороны театра.

Я знал Андрея Борисовича как выдающегося лётчика, но, только находясь в его квартире, узнал, что он ещё и замечательный художник. В комнатах много картин. «Без живописи, – перехватив мой

Андрей Борисович Юмашев

Кира Семёновна Юмашева

А.Б. Юмашев с женой

взгляд, сказала Кира Семёновна, – он не может жить. Казалось, не было ни дня, чтобы он не писал».

А. Б. Юмашев родился 31 марта 1902 года в Петербурге в семье служащего. В юности Андрей учился в художественной школе и мечтал об академии художеств, но Гражданская война изменила судьбу юноши. В 16 лет он добровольцем вступил в Красную Армию и служил в артиллерийских войсках. После Гражданской войны он увлекается авиацией. Перед ним открывалась новая жизнь, полная романтики, трудностей – и он полностью отдаётся делу, которое полюбил. Служба в авиации выработала в нём самообладание, закалила волю и характер.

Шло время, и Андрей Юмашев, возмужавший, опытный лётчик, сам уже учил молодых пилотов. Всё шло своим чередом, но его всегда влекло что-то новое, неизведанное, и он приобрёл новую профессию лётчика-испытателя. В 30-е годы прошлого века он совершил много трудных испытательных полётов, одерживал победы, о которых говорили как о выдающихся событиях. С одним из таких успехов его поздравил И. В. Сталин.

Но всё же главное событие в его жизни было ещё впереди.

Летом 1937 года в истории авиации да и всей нашей страны произошло два знаменательных события. 18 июня экипаж самолёта АНТ-25 в составе В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова, А. В. Белякова впервые в истории пролетел через Северный полюс и произвёл посадку в США (Портленд). Мировой рекорд тогда не был побит, но тем не менее мир был изумлён мощью советской науки и техники, хотя было немало и таких людей, которые говорили, что это было везение, счастливая случайность.

Но вот наступило 12 июля 1937 года. Этот день навсегда остался в памяти Андрея Борисовича да и всего экипажа. На рассвете этого дня экипаж самолёта АНТ-25 в составе командира – Героя Советского Союза М. М. Громова, второго пилота А. Б. Юмашева и штурмана С. А. Данилина начал исторический беспосадочный перелёт по маршруту Москва–Северный полюс–США. Перед лётчиками стояла задача – побить мировой рекорд.

Весь экипаж готовился к этому полёту как к самому важному событию в своей жизни. Все они знали, что трасса будет трудной, что предстоит пробиваться сквозь циклоны, преодолевать встречные ветры, бороться с обледенением. Но они твёрдо верили в себя, в успех, в надёжность нашей техники. И над просторами Северного полюса, над городами Канады и США пронёсся советский самолёт, неся на своих крыльях славу нашей стране.

Да, в ходе полёта действительно было много препятствий, но отважный экипаж всё это достойно преодолел и успешно долетел до Сан-Франциско, а это значило, что был установлен новый мировой рекорд дальности полёта по прямой – 10148 километров. Долетев до Мексики, пересекать границу которой было нельзя, они повернули обратно и, рискуя очень многим в трудных условиях, благополучно посадили самолёт на поле в районе города Сан-Джасинто. В Сан-Франциско, ожидая советский самолёт, собралось очень много людей, а здесь на поле было пустынно, и, пожалуй, это было даже хорошо. Ведь в небе в напряжённом состоянии они пробыли 62 часа 17 минут. И им нужно было хоть какое-то время, чтобы побыть наедине, чтобы прийти в себя, чтобы спокойно вздохнуть полной грудью чистого, свежего воздуха, пережить, прочувствовать эти радостные, восторженные минуты завершённого полёта. Сама судьба им благоволила, и они были просто счастливы.

Однако вскоре они увидели автомобиль, который мчался к самолёту. Как выяснилось, это был фермер, хозяин поля. С. Данилин показал ему на такой

случай заранее составленную записку на английском языке. В ней говорилось: «Мы, русские лётчики, совершаем перелёт из Москвы через Северный полюс в Америку и просим оказать нам содействие». Фермер был понятливым человеком, и он сделал всё, что было нужно. Вскоре к месту посадки стали прибывать машины с официальными лицами, а фермер был счастлив оттого, что ему первому удалось пожать руки советским лётчикам.

В Нью-Йорке

из английских газет, – этот полёт должен быть назван величайшим. Тому, кто до сих пор не верил в силы советской авиации, теперь придётся изменить своё мнение». «Удивлены, снимаем шляпы», – писала другая газета.

После завершения полёта началось триумфальное шествие по городам США. «В Лос-Анджелесе, – вспоминал Андрей Борисович на страницах своей книги, – было объявлено о времени нашего приезда, и на перроне собралась огромная толпа. Как только поезд остановился, раздались звуки оркестра, он играл «Интернационал». Это было удивительно и трогательно. Нам преподносили цветы, и было море людей с просьбой дать автограф. Мы осмотрели город, побывали в Голливуде, познакомились с актёрами».

Во время официального приёма мэр города Франк Л. Шоу вручил им знаки почётных граждан города Лос-Анджелеса.

Прибытие в Вашингтон

Этот небывалый полёт завершился настоящим триумфом. О мировом рекорде советских пилотов в те дни писали не только в США, но и в Англии, во Франции, в Австрии, в Финляндии и во многих других странах. Кира Семёновна показала мне пожелтевшие от времени многочисленные зарубежные газеты, читатели которых были свидетелями тех поистине исторических дней. «В год великих полётов, – писала одна

Памятной для экипажа осталась встреча и с известным американским писателем Эптоном Синклером, который специально прибыл в Лос-Анджелес, чтобы увидеться с отважными лётчиками. Он был очень оживлён, смеялся, шутил, и по всему было видно, что он очень рад знакомству с советскими авиаторами. «Никогда ещё в Америке, – сказал Синклер, – не писали так много хорошего о советских людях и о вашей стране, как сейчас. Очень важно, что либеральная интеллигенция поняла и оценила вас».

Дружеская, волнующая атмосфера была и в Сан-Франциско, а затем лётчики прибыли в Вашингтон. И как только они вступили на трап, их стали фотографировать, и один из организаторов встречи сказал, обращаясь к А. Б. Юмашеву: «Мистер Юмашев, не скупитесь на улыбку, ведь ваша улыбка покорила Голливуд, а значит, всю Америку».

Первый официальный визит был нанесён президенту США Франклину Рузвельту. «Наша беседа, – вспоминал Андрей Борисович, – прошла в непринуждённой обстановке. Он оживлённо говорил и, восхищаясь нашим подвигом, внимательно присматривался к нам, стараясь понять нас, людей иного мира».

В эти волнующие дни советские лётчики получили огромное количество поздравлений, в том числе и от руководства страны. На всём их пути в США они ощущали дружескую, искреннюю, тёплую атмосферу, и всё же их неудержимо влекло домой, на родину. В эти минуты счастья им хотелось видеть родные лица близких, друзей, просто знакомых, разделить с ними свою радость.

4 августа стал последним днём пребывания наших лётчиков в Америке. В этот день они отбыли в Москву. Вначале прибыли в Англию, а затем во Францию. В Париже их ждала приятная встреча с жёнами. А. С. Данилин, сын прославленного лётчика, в своей книге «Через Северный полюс – к мировым рекордам» писал: «Кто был инициатором этого сюрприза – неизвестно, но факт остаётся фактом: жёнам участников героического экипажа выдали визы и разрешили приехать в Париж для встречи своих супругов». Но сегодня, открыв книгу А. Б. Юмашева «Рекорд дальности», мы узнаём, что это была именно его инициатива, которая и увенчалась успехом.

И вот наконец-то они в Москве. Столица с ликованием встретила своих героев.

На площади Белорусского вокзала состоялся многотысячный митинг, после которого под дождём приветственных листовок они через живой коридор проследовали по улице Горького в Кремль, где был устроен торжественный приём. Родина высоко оценила их поистине героический подвиг. Командир экипажа, Герой Советского Союза М. М. Громов был награждён орденом Красного Знамени, а А. Б. Юмашеву и С. А. Данилину было присвоено звание Героя Советского Союза с вру-

В Москве

Медаль де Лаво

чением ордена Ленина. Как драгоценную реликвию держал я в руках медаль Анри де Лаво – высшую награду Международной авиационной федерации.

Эту награду получил весь экипаж за установленный мировой рекорд дальности беспосадочного полёта по прямой – 10148 километров. «Впервые эту медаль, – говорил Андрей Борисович, – получили лётчики Советского Союза,

и мы были горды мировой славой нашей родины».

Впоследствии эту награду получил Юрий Алексеевич Гагарин за первый в мире космический полёт. В то время имена В. Чкалова, Г. Байдукова, М. Громова, А. Юмашева, С. Данилина и других прославленных лётчиков не сходили с уст подрастающего поколения, и в дальнейшем многие действительно связали свою жизнь с авиацией.

Этим замечательным полётом и закончилась яркая история самолёта АНТ-25. Да, это была славная страница в истории авиации. Но мысль человеческая безгранична, и уже в 1938 году советские конструкторы и лётчики считали, что полёт самолёта без посадки вокруг земного шара вполне реален.

В 1940 году был построен новый, улучшенный самолёт, но его нужно было ещё доработать. Однако предвоенная обстановка, а затем и начавшаяся Великая Отечественная война не позволили это сделать.

В это трудное для страны время А. Б. Юмашев вступил в ряды коммунистической партии, выполняя важные правительственные задания. В августе 1941 года он в составе делегации был командирован в США для переговоров с президентом Ф. Рузвельтом о поставке американских самолётов в СССР.

А. Б. Юмашев героически сражался на Калининском, Западном, Южном и других фронтах, за что был удостоен многих правительственных наград. В эти годы военная судьба забросила его в Саратов. Будучи командующим Военно-воздушными силами Восточного фронта Противовоздушной обороны, он защищал города Поволжья, в том числе и Саратов.

В немногие свободные часы А. Б. Юмашев, как человек, любящий искусство, бывал вместе со своими бойцами и офицерами в театре драмы имени К. Маркса, который в то время был одним из лучших периферийных театров страны. С большим интересом они смотрели «Три сестры» А. П. Чехова, «Фландрию» В. Сарду.

«После спектаклей, – вспоминала во время одной из наших встреч заслуженная артистка РСФСР В. К. Соболева, – А. Б. Юмашев и все с ним пришедшие солдаты и офицеры встречались с актёрами и выражали нам свою искреннюю фронтовую благодарность, завязывался сердечный разговор».

А вот что мне рассказывала бывший консультант Саратовского отделения Всероссийского театрального общества Людмила Михайловна Уварова: «При всей своей занятости А. Б. Юмашев находил время, чтобы поинтересоваться, как живут работники театра. Мы всегда чувствовали его заботу и внимание. Он видел, как трудно было актёрам, которым порой не хватало сил, чтобы

играть. И как-то ненавязчиво, чтобы не обидеть, он помогал нам, чем только мог, то продуктами, а иногда углём».

Да, много лет прошло с тех пор, но люди, пережившие войну, умеющие ценить человеческую доброту, помнят именно тот военный уголь. В то суровое время он согревал не только их тела, но – что может быть ещё важнее – их души.

Именно тогда между актёрами и всеми сотрудниками театра и А. Б. Юмашевым установилась настоящая дружба, которая выдержала самое важное испытание – испытание временем. Вот что писал прославленный лётчик тогдашнему директору театра Виктору Тарасовичу Токареву: «Вспоминая годы Великой Отечественной войны, хочу отметить роль Вашего театра в повышении боеспособности солдат и офицеров войск противовоздушной обороны и других частей Саратовского гарнизона. Тысячи бойцов в спектаклях и игре Ваших талантливых актёров черпали бодрость и силы, которые дарит людям искусство. Зимой 1944 года, командуя авиацией Восточного фронта ПВО, я имел счастливую возможность видеть игру Вашего коллектива. Посещение Вашего театра осталось ярким и радостным воспоминанием на фоне суровых дней войны. Желаю Вам творческих успехов в стремлении к вершинам прекрасного».

Это письмо, датированное 18 апреля 1978 года, свидетельствует о том, что накануне великого праздника – Дня Победы над фашистской Германией – фронтовик, вспоминая военные годы, переживая их как бы заново, с глубокой благодарностью говорит о людях искусства, которые внесли свой достойный вклад в общее дело Великой Победы.

Жизнь подарила А. Б. Юмашеву знакомства со многими замечательными людьми, но особенно он дорожил дружбой с академиком Сергеем Павловичем Королёвым – главным конструктором космических кораблей, открывшим эру космических полётов. Андрей Борисович был очень тронут, когда Сергей Павлович подарил ему свою фотографию с надписью: «Дорогому Андрею Борисовичу на добрую память о незабываемых днях нашей юности, о первых полётах на планерах, о ранних горестях и радостях».

В мае 1982 года театральная общественность Саратова, все любители сценического искусства необычайно торжественно отметили вековой юбилей народного артиста РСФСР И. А. Слонова. Встреча в военные годы с выдающимся мастером сцены, личное с ним знакомство произвело на А. Б. Юмашева неизгладимое впечатление. В телеграмме, присланной в адрес театра в связи с торжествами, он писал: «Вместе с саратовцами отмечаю знаменательную дату – столетие со дня рождения народного артиста Республики Ивана Артемьевича Слонова. Будучи в Саратове, смотрел спектакль «Три сестры». Слонов в роли Вершинина был бесподобен. Память о прекрасном актёре сохранится в наших сердцах».

А. Б. Юмашев с юных лет и через всю жизнь пронёс увлечение живописью. Познания в этой области он черпал из специальной литературы. Многое ему дало дружеское общение с художниками: М. Волошиным, П. Кончаловским, Н. Ромадиным и Р. Фальком.

Большой школой для него становятся картинные галереи. Кстати, будучи в Саратове в годы Великой Отечественной войны, он также посещал наш художественный музей имени А. Н. Радищева, о чём свидетельствует фотография из его личного архива, что подтвердили сотрудники музея. Так постепенно у него выработался свой живописный язык.

В 1946 году А. Б. Юмашев вышел по болезни в отставку, и с этого времени постоянно занимается живописью. В этом же году он становит-

*Пётр Кончаловский.
Портрет А.Б. Юмашева*

ся членом Московского союза художников. А. Б. Юмашев с большим увлечением писал портреты, пейзажи Крыма, Средней Азии, родного Подмосковья.

В человеке А. Б. Юмашев ценил прежде всего красоту души. Он умел увидеть и запечатлеть моменты её наиболее яркого проявления. Этим привлекает портрет выдающейся балерины, Народной артистки СССР Ольги Васильевны Лепешинской.

Кому довелось быть в Санкт-Петербурге в Русском музее, тот, вероятно, помнит портрет лётчика А. Юмашева. Однако немногим известно, что А. Б. Юмашев не только позировал П. Кончаловскому, но и сам создал замечательный портрет художника.

В натюрморте А. Б. Юмашев отдавал предпочтение цветам. Только что распустившиеся, они поражают яркостью красок, от них веет свежестью, словно

ощущаешь их нежный запах. Так автор передаёт своё жизнерадостное мироощущение.

Юмашевские пейзажи полны поэзии и романтики, наполнены радостью, солнечным светом. За этими произведениями угадывается человек доброй души, тонко чувствующий и любящий природу.

По случаю 80-летия со дня рождения А. Б. Юмашева в Москве, в Центральном доме архитектора, была открыта первая персональная выставка его живописных и графических работ. Большую помощь в этом деле оказала Кира Семёновна, жена, кандидат искусствоведения. Все знали А. Б. Юмашева как прославленного лётчика, и выставка его работ (а их было более 80) стала подлинным открытием.

Кира Семёновна показала мне альбом с отзывами. Одна из посетительниц, сотрудница Третьяковской галереи Н. Д. Вилисова, писала: «Спасибо за редкую возможность видеть удивительную личность человека-творца, стоящую за каждым произведением». «После подобной выставки, – пишет другой автор, – хочется жить, потому что видишь: в мире есть Красота и Любовь...» На одной из страниц альбома есть и такая запись: «Я познакомился с удивительно хорошим, светлым, солнечным человеком с какой-то особой, редкой добротой, и всё это через живопись...» «Я горд, что твой труд художника однозначно высоко оценён» – эти слова принадлежат Герою Советского Союза, генерал-полковнику Г. Ф. Байдукову.

Перелистываю последнюю страницу альбома. Здесь много тепла, душевной благодарности А. Б. Юмашеву за радость прикосновения к настоящему искусству.

...Как-то незаметно пролетело несколько часов в этом радушном, гостеприимном доме. Обогащённый этим незабываемым общением, я покидал квартиру Андрея Борисовича. На память о нашей встрече он подарил мне несколько фотографий, крепко пожал руку и тепло улыбнулся.

Вернувшись домой, в Саратов, и находясь под впечатлением встречи с поистине легендарным человеком, я опубликовал статью в местной прессе. В этой статье я упомянул столь поразивший меня портрет прославленной балерины О.В. Лепешинской.

Я отправил ей письмо со статьёй о А.Б. Юмашеве. В ответном послании Ольга Васильевна писала: «Дорогой Виктор Васильевич, благодарю Вас за Ваше письмо, оно тронуло меня. Вы сколыхнули воспоминания моей юности. Они прекрасны, и я благодарю Вас за это. Вы написали очень хорошую заметку об Андрее Борисовиче Юмашеве. Вероятно, Вы его не знали, но поняли прекрасную душу этого духовно красивого человека...»

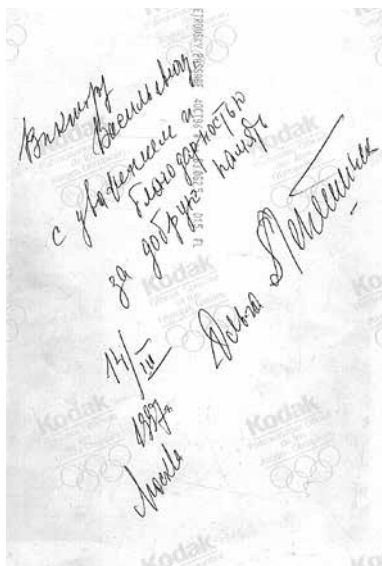
Да, в далёкие 30-е годы прошлого века Андрей Борисович и Ольга Васильевна дружили, но затем он увлёкся авиацией, а она – балетом, и жизненные пути их разошлись, но, как мы видим, память друг о друге они сохранили на всю жизнь. И по сей день как драгоценную реликвию я бережно храню дорогой для меня подарок от Ольги Васильевны – её фотографию, сделанную в дни её 80-летия, с дарственной надписью: «Виктору Васильевичу с уважением и благодарностью за добрую память. Ольга Лепешинская. 14.03. 1997 г. Москва».

А.Б. Юмашева не стало в мае 1988 года. После его кончины моя переписка продолжилась с его вдовой, Кирой Семёновной Володиной. Она сделала всё возможное, чтобы увековечить память своего мужа. Душа его живёт в работах, которые сегодня можно увидеть в ряде картинных галерей и музеев нашей страны.

Работы А.Б. Юмашева вдова подарила и нашему Художественному музею имени А.Н. Радищева. Это живопись: «Сирень и море», «Ай-Петри сквозь деревья», «В Крыму». Есть и графика: «Гиацинты», «Черешня», «Фиолетовый ирис», «Сирень» и другие – всего 19 произведений.

Ольга Васильевна
Лепешинская

Автограф О.В. Лепешинской

Ну а мне в этом важном деле довелось быть как бы связующим звеном. В одном из писем Кира Семёновна писала:

Уважаемый Виктор Васильевич!
 Очень Вам благодарна за все, что Вы сделали для работы Андрея Борисовича. Без Вашего активного содействия они бы, вероятно, так и не попали в Саратовский музей.
 Прислали Вам небольшие этюды Андрея Борисовича, пусть он Вам его напомнит. И розы. Несколько фото, еще раз все готово. С приветом
 Кира Семёновна
 январь 2004г.

Через 20 лет после нашего личного знакомства я получил от Киры Семёновны драгоценный подарок – книгу А. Б. Юмашева «Рекорд дальности» с её дарственной надписью. Эта книга вышла в свет в 2002 году и была посвящена 100-летию со дня рождения Андрея Борисовича.

Приятно отметить, что в год 120-летия А. Б. Юмашева и 85-летия исторического рекордного перелёта Москва–Северный полюс–США наш Художественный музей имени А. Н. Радищева в лице старшего сотрудника отдела русского искусства Елены Шкута подготовил интересный, содержательный видеоролик, посвящённый А. Б. Юмашеву, его работам. Выйдя на сайт музея имени А. Н. Радищева, мы сможем увидеть его и сегодня. А столь поразивший меня портрет О. В. Лепешинской, как свидетельствует Елена Шкута, в настоящее время находится в Москве, в театральном музее имени А. А. Бахрушина.

Андрей Борисович как-то сказал: «Мне хочется пожелать молодёжи наряду с завоеваниями в области своих профессий быть причастными к мировой культуре, любить художественное наследие Родины и ценить его».

Эти слова выдающегося лётчика, прекрасного, духовно богатого человека сегодня звучат особенно актуально, как своего рода завещание молодым, ведь именно им принадлежит будущее нашей страны.

Юрий
КАРГИН

САРАТОВ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Журнальный вариант

Окончание. Начало в № 4 2022

ВЕСНА 1943 ГОДА

Завершилась победоносная для СССР Сталинградская битва. Фронтовикам нужно было гнать врага дальше на запад, а тыловикам восстанавливать разрушенный город.

«Бюро обкома ВКП(б) одобрило инициативу коллектива завода им. Ленина, обратившегося ко всем рабочим и инженерно-техническим работникам предприятий Саратовской области с призывом оказать помощь в восстановлении Сталинграда.

Горкомам, райкомам ВКП(б) и первичным организациям предложено широко обсудить это обращение.

Бюро обкома ВКП(б) считает важнейшей задачей партийных, советских и хозяйственных организаций области оказание помощи Сталинграду. Эта помощь должна идти по линии выделения стройматериалов (цемент, кирпич, гвозди и другие), а также оборудования для коммунального хозяйства, связи и культурно-бытовых учреждений».

(«Коммунист», 5 марта 1943 г.)

Вот только несколько примеров бескорыстия жителей Саратовской области:

– Рабочие Балашовского мясокомбината отчислили в фонд восстановления Сталинграда пятидневный заработок.

– Коллектив Саратовского восьмирамного лесокомбината решил в свободное от работы время сделать для посылки в Сталинград 200 оконных рам, 200 табуреток, 50 столов. Кроме того, завод подготовит два вагона пиломатериалов.

– Коллектив Саратовского государственного университета единодушно решил собрать для восстановления Сталинградской областной библиотеки 7 тыс. книг и оборудовать наглядными пособиями одну среднюю школу.

Профессора и научные работники университета Можаровский, Вагнер, Усов, Голубков, Додонов, Васильев, Фалькович внесли в фонд восстановления библиотеки по 70 книг. Они обратились с призывом ко всей интеллигенции Саратовской области последовать их примеру.

«За первые два дня собрано более двух тысяч книг», – сообщала через газету директор научной библиотеки СГУ В. Артисевич.

(«Коммунист», 13 марта 1943 г.)

На страницах газеты стало больше появляться публикаций о помощи раненым, лежащим в саратовских госпиталях. Сколько трогательного в статье П. Жуковой о работницах одной из саратовских швейных фабрик, которые «после работы, едва управившись с неотложными делами дома, спешат в госпиталь»:

«Каждая старается чем-нибудь порадовать бойца, прихватив для него кисет, курительную бумагу, карандаш, газету, книжку. По 10–11 часов проводят они в длинные зимние вечера и ночи у постели тяжелораненых в подшефном госпитале. Пошевеливается больной – и над ним склоняется озабоченное лицо дежурящей работницы. Вот она идёт к крайней койке: ей кажется, что больному плохо укрыт. Бойцу очень тяжело. Боль отгоняет сон. Но, согретый словами утешения, он склонил голову на руки женщины и заснул. Он спал долго, и женщина не вынула руки, оберегая сон страдающего человека.

А сколько уюта внесли эти заботливые руки работниц в больничные палаты! Салфетки на тумбочках, коврики у кровати, личный столовый прибор – от всего этого веет родным, домашним, близким...»

(«Коммунист», 24 марта 1943 г.)

Не отставали от взрослых и дети.

«Кому-то из ребят 6-го класса 5-й средней школы Саратова стало известно, что в 1-й Совбольнице лежит мальчик из Сталинграда, тяжело раненный в ногу. Пионеры узнали, что отец его на фронте, а мать погибла во время бомбёжки.

И вот у маленького раненого Моти Шульмана появились заботливые друзья. Они приносили ему обед из детской столовой, булочки, книги, карандаши, игрушки. Когда пришло время Моте выписываться из больницы, оказалось, что у него нет ни обуви, ни одежды. И здесь на помощь пришла пионерская дружина. Ребята собрали деньги и вещи, и Мотя получил пальто, сапоги, бельё, шапку.

(«Коммунист», 17 марта 1943 г.)

В культурной жизни Саратова главным событием весны стала новая цирковая программа, которая «радует зрителя своим разнообразием»: «Особенно хорошее впечатление оставляет выступление старейшего артиста, орденосца Исаенко с его группой дрессированных медведей, – писал корреспондент «Коммуниста». – Воздушные полёты под куполом цирка саратовцы видели уже не раз. Сейчас они могут познакомиться с прекрасной работой орденосца Рябинина и его коллег. А отличие от многих других подобных номеров Рябинины исполняют свои трудные полёты легко, красиво и всегда точно.

Быстро и умело работают акробаты Масловы. Хорош акробатический этюд, исполняемый Боргуновым и Лисиненко. Занимательны и фокусы иллюзиониста Микоши».

(«Коммунист», 16 марта 1943 г.)

Состоялись и другие премьеры в саратовских театрах, но ни одна из них не вызвала бурной положительной реакции зрителей. Наоборот, некоторые из премьер подверглись серьёзной критике.

Среди них – спектакль в Саратовском драмтеатре по пьесе А. Арбузова и А. Гладкова «Бессмертный». Главные герои – студенты. Они «свободно, сознательно, по своему внутреннему чувству, убеждению и выбору идут на смерть ради великого и справедливого дела».

«Какая величественная тема, и какая глубокая заключена в ней поэзия! Но авторы пьесы даже не прикоснулись к этой поэзии, они были за тридевять земель от неё. Как грубые ремесленники-«драмоделы», они попросту подвели своих героев под пули, не дав им даже серьёзно объясниться со зрителем.

Это один из тех случаев в театральной практике, когда ни умение режиссёра, ни вдумчивое и серьёзное отношение к своим ролям со стороны актёров не могут преодолеть органических недостатков драматургического произведения.

И если этот художественно недоброкачественный материал одержал верх в спектакле, то в этом нет вины актёров. В этом вина театра, непродуманно выбравшего пьесу для своего первого молодёжного спектакля в дни войны.

(«Коммунист», 27 марта 1943 г.)

ЛЕТО 1943 ГОДА

Всё чаще и чаще газеты публикуют материалы о подвигах своих земляков. Им отводятся целые газетные полосы, которые сопровождаются фотографиями: «Саратовцы на фронте», «Слава храбрым сынам Волги! Трудиться так, как бьются на фронте наши земляки!», «В гостях у сталинских соколов».

«Нашими истребителями и огнём зенитной артиллерии бóльшая часть самолётов противника была рассеяна и к городу не допущена», – в этих немногословных строчках сообщения Совинформбюро заключена целая повесть о боевой работе лётчиков, охраняющих подступы к Саратову.

«В эту ночь было очень светло, и Волга, сверху казавшаяся неподвижной, напоминала широкую зимнюю дорогу...

Вверху показалось чёрное пятно. Это был самолёт противника. Старший лейтенант Аркадий Гончаренко стремительно рванулся к нему и дал длинную очередь. Враги заметили истребитель, и Гончаренко видел, как яркие строчки трассирующих пуль прошли небо. Он дал ещё очередь и не удержался от радостного возгласа: вражеский самолёт, сильно накренившись влево, стремительно летел вниз...

Старший лейтенант Иван Соболевский в групповом бою совместно с лейтенантом Николаевым и капитаном Титовым сбил вражеский самолёт...

Участвуя в отражении воздушных нападений на Саратов, сбили по вражескому самолёту лейтенант Николаев и старший лейтенант Халявка. Немецкие машины и их водители, замыслившие разрушить чудесный волжский город, зажечь его заводы, театры, институты, превратились в бесформенную груду обгорелых обломков».

(«Коммунист», 2 июля 1943 г.)

Но среди соколов были не только мужчины:

«Отважно сражаются с фашистскими стервятниками сталинские соколы – гвардии мл. лейтенант Раиса Аронова, награждённая орденом Красной Звезды, и гвардии капитан Ирина Дрягина, награждённая орденом Красного Знамени. Обе девушки – воспитанницы Саратовского комсомола».

(«Коммунист», 22 июня 1943 г.)

Впервые рассказала газета и о самоотверженной работе бойцов МПВО в дни вражеских налётов:

«Трое друзей по работе, трое молодых саратовцев – Н. П. Долгова, И. И. Кузнецов, К. Л. Катруца. Они были вместе, когда на город налетели фашистские стервятники. Как только прозвучала сирена, они поспешили на свои посты – в команду МПВО. Команду бросили на тушение пожара. Они были впереди других – разряжали бомбы, гасили огонь, не давали ему распространяться. Они действовали смело и умело».

(«Коммунист», 23 июня 1943 г.)

В дни войны большую помощь в разных делах оказывали дети.

«О многообразной кипучей полезной деятельности ребят на благо родины рассказывают письма в редакцию.

Летом прошлого года по окончании занятий школьники под руководством своих преподавателей пололи колхозные поля и огороды, косили сено, заготавливали силос, убрали обильный урожай. 3340 трудодней выработали только учащиеся Ртищевской школы № 1 в колхозах.

Хорошо поработали учащиеся 5-й средней школы г. Саратова в колхозе «Культурная революция» Красноярского района. В горячие дни уборки юные патриоты энергично выполняли сложные сельскохозяйственные работы. Группа из 15 мальчиков скосила простейшими машинами и комбайном 325 га ржи, ячменя, пшеницы, заскирдовал 98 га ржи, выработав за лето 1804 трудодня и внеся 200 из них в фонд обороны страны. За самоотверженный труд ребята были награждены Почётной грамотой ЦК ВЛКСМ и Наркомпроса РСФСР.

Особой, присущей только детям лаской и любовью окружают школьники раненых бойцов и командиров в госпиталях. Десятки писем в редакцию из госпиталей выражают трогательную благодарность маленьким шефам.

Лейтенант Скляревич: «Хочется при каждом посещении ребят поднять с постели и крепко-накрепко обнять их всех за тёплые детские слова, за подарки, приготовленные детскими руками. Так много дают нам их посещения! Они возвращают в обстановку домашнего уюта, которого лишила нас война».

«Знаю, что не новость в нашей стране видеть высокую заботу о раненых бойцах, но, когда видишь её своими глазами, хочется рассказать о благородных маленьких сердцах, о детях, которые своим присутствием, своими руками стараются доставить как можно больше радости нам, временно ушедшим с поля боя, – пишет красноармеец П. К. Синягин об учащихся одной районной школы для глухонемых детей. В мастерской этой школы мальчики приготовили несколько комплектов домино, шашек, шахмат, девочки починили сотни пар носков, пошили кисеты».

(«Коммунист», 15 июня 1943 г.)

При госпиталях создавались коллективы художественной самодеятельности:

«На днях самодеятельный художественный коллектив госпиталя, где заместителем начальника по политчасти т. Волочков, показал свою новую постановку – пьесу «Старые да малые» украинского драматурга-фронтовика Ю. Костюка. После спектакля, очень тепло принятого зрителями – ранеными бойцами и командирами, состоялся концерт, в программе которого были исполнены песни, стихи, юмористические рассказы, народные пляски.

За полтора года своей работы коллектив художественной самодеятельности дал много постановок и разнообразных концертных программ. Руководит коллективом медсестра госпиталя, артистка Львовского государственного театра им. Леси Украинки О. К. Сидоренко».

(«Коммунист», 28 июля 1943 г.)

Несмотря на трудные военные годы, у государства находились средства для дополнительной социальной поддержки рабочих.

«В живописной местности на 9-й Дачной остановке открыт Дом отдыха для стахановцев завода, где директором тов. Минкин. Срок пребывания в Доме отдыха – две недели. Помимо продуктов, получаемых из общегосударственных фондов, для питания отдыхающих дополнительно из подсобного хозяйства завода будут завозиться зелень и овощи. Из этого же хозяйства за Домом отдыха закреплено 5 дойных коров».

(«Коммунист», 15 июня 1943 г.)

Регулярная информация о достижениях добавляла оптимизма: война ещё не закончилась, а мы уже живём мирной кипучей жизнью.

Саратов:

– Санаторная площадка для детей рабочих и служащих открылась в Детском парке.

– 55 детей дошкольного возраста, живущих в домах, прилегающих к театру им. Чернышевского, посещают ежедневно площадку, организованную при театре.

– Детский санаторий на территории подсобного хозяйства Саратовского завода Совхозреммаштреста открыт в живописной местности за Волгой.

– Артель «Бытовая» организована в Саратове Коопинсоюзом. Она создана для обслуживания инвалидов Отечественной войны.

– Саратовская артель Коопинсоюза «Победа» заканчивает установку и монтаж станков для изготовления шурупов. Это производство – единственное в Саратовской области.

– 34 мастерские открыты Горпромкомбинатом для бытового обслуживания населения Саратова.

– Больница для инвалидов войны, рассчитанная на 400 стационарных больных, начала приём больных в Саратове.

Энгельс:

– Открыта детская музыкальная школа. В школе организуются классы фортепиано, скрипки, виолончели, оркестровых инструментов. В качестве преподавателей приглашены работники Саратовской консерватории.

– Семьям фронтовиков в дни Декадника помощи выдано свыше 10 тыс. различных предметов одежды и вещей домашнего обихода.

– Энгельсский горпищекомбинат закончил строительство нового пивоваренного завода.

Вольск:

– Детский санаторий оборудован при школе № 15.

– Новые столовые открываются при 17 предприятиях и учреждениях города.

– Новая механическая печь построена на городском хлебозаводе № 1.

Хвалы́нск:

– В Хвалы́нске начал работать новый завод безалкогольных напитков, организованный промысловой артелью «Коопдело». Ежедневно завод выпускает 1 тыс. литров газированной воды на натуральных сиропах и морс.

– Новый пивоваренный завод пущен в эксплуатацию.

Балашов:

– Пионерский лагерь появился в живописной местности на берегу реки Хопёр близ Балашова. В лагере отдыхает сейчас более 150 школьников и пионеров. На своём лагерном огороде ребята посадили различные овощи и уже сейчас получают с него для своего стола лук, редис, морковь.

Петровск:

– Сушильный цех вновь открывающегося завода по переработке овощей выпустит в этом сезоне 80 т сушёных овощей и корнеплодов, из них 65 т картофеля.

Аткарск:

– Аткарский райпищекомбинат освоил изготовление напитка из лепестков розы. Напиток очень приятен на вкус, содержит весьма ценные для организма витамины и обладает ароматом розы. Сырьё для выработки напитка райпищекомбинат получает из розариума местного совхоза.

Приготовлено уже 500 литров напитка.

Лысые Горы:

– Открыта новая районная больница.

– Закончен первый этап работ по электрификации районного центра. Заготовлены столбы, проволока, вырыты ямы. Электрифицируется село за счёт энергии местной мельницы, работающей на дровах.

– Райпищекомбинат организован недавно в районном центре. При комбинате оборудован цех по производству кваса, бражки и лимонада из местного сырья. В ближайшее время начнут работать мыловаренный и кулинарный цеха.

Саратовское отделение Союзкинохроники представило новые выпуски киножурнала «Поволжье»:

«Зрители увидят на экране парад 1-го Саратовского Краснознамённого ордена Красной Звезды танкового училища им. Героя Советского Союза генерал-майора А. И. Лизюкова в честь 25-летия училища; торфоразработки передового в Саратовской области Вязовского леспромхоза; ремонт комбайнов в Благодатинской МТС Хвалынского района, – писала газета. – Особый интерес представляют кадры, посвящённые передаче депутатом Верховного Совета СССР В. Н. Образцовым боевого самолёта «Ртищевский железнодорожник», приобретённого им на свою Сталинскую премию, знатному лётчику, трижды орденноносцу лейтенанту т. Лавренову».

(«Коммунист», 4 августа 1943 г.)

В самый разгар войны было объявлено о реформе образования: Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 23 июля 1943 г. в 72 городах Советского Союза, в том числе в Саратове, вводилось раздельное обучение мальчиков и девочек:

«Современные обстоятельства настойчиво диктуют воспитание мальчиков как настоящих мужей, людей твёрдой воли, непоколебимого духа, мужественных воинов с развитым интеллектом и сильным телом. Девочкам, получающим в нашей средней школе широкое общее образование, недостаёт важнейших в жизни будущей женщины навыков ухода за ребёнком, его достойного воспитания, навыков домоводства, глубоких знаний по гигиене, психологии и педагогике.

В Саратове открывается 5 мужских средних школ, 7 мужских неполных средних школ, 16 женских средних школ, 2 женские неполные средние школы и 19 начальных школ. Во главе мужских школ будут поставлены директора-мужчины, во главе женских – директора-женщины).

(«Коммунист», 28 августа 1943 г.)

Конечно, не всё так безоблачно было в тыловом Саратове. По-прежнему люди жаловались на жилищно-коммунальные службы и на учреждения общепита:

«Если предполагать, что работники столовой завода «Трактородеталь» пользуются поварской книгой, то надо думать, что в книге этой остались целыми какие-нибудь полстранички – до того ограничен ассортимент изготавливаемых здесь блюд. Сколько вкусных вещей, казалось бы, можно приготовить из рыбы, а в столовой завода знают только один вид её – отварную. Из мяса делают лишь поджарок, из крупы – только кашу, причём очень часто в обед каша повторяется дважды: на первое блюдо лишь в более жидком состоянии, чем на второе. Меню здесь неизменно. Чтобы приготовить, к примеру, рыбные котлеты или пудинг из той же крупы, у поваров и зав. столовой «фантазии не хватает». Они предпочитают не затруднять себя кулинарией. Но ведь кроме них меню заводской столовой должен заниматься и директор завода, ведь он обязан знать, чем кормят рабочих на руководимом им заводе. Как можно, например, допустить, что в середине июня в столовой завода почти не было зелени (за всё время из подсобного хозяйства сюда завезли с полтонны салата да немного редиски и щавеля)».

(«Коммунист», 15 июня 1943 г.)

Одним из главных событий культурной жизни тылового Саратова стало создание при Саратовской консерватории струнного квартета в составе педагогов А. Н. Амитон, Л. В. Зайц, А. Л. Бессмертного и В. Н. Бурлакова. Во время своего первого выступления на сцене Большого зала своей альма-матер они исполнили 2-й квартет Чайковского и фортепианный квинтет Танеева. В квинтете принял участие доцент консерватории Е. М. Зингер.

«Задача вновь созданного квартета – раскрыть красоту и внутреннюю силу русской камерной музыки», – писала газета «Коммунист» 11 июля 1943 года.

ОСЕНЬ 1943 ГОДА

Газета «Коммунист» продолжала публиковать материалы о героях-земляках. Одна из полос была посвящена Героям Советского Союза, чьи биографии связаны с Вольском: лётчикам Виктору Талалихину, Виктору Хальзову и Василию Трубаченко, танкисту Евгению Лазареву, политруку Василию Клочкову. Причём это не очерки, а воспоминания самых близких людей – родителей и друзей. Вот, например, что писали о политруке Клочкове, героепанфиловце, его друзья и сослуживцы:

«Работал Клочков несколько лет на вольском заводе «Металлист» бухгалтером. Скромная должность, но Василий Клочков вникал во все дела на заводе. К нему шли за советом, с просьбой помочь. На собраниях, в стенгазетах он громил бюрократов и дезорганизаторов производства. Если он ничего не мог сделать внутри завода, писал в городскую газету «Цемент». Он был самым активным рабкором газеты».

А насколько прост и трогателен рассказ Марии Ефимовны Хальзовой:

«...Вот говорят, сердце матери – вешун. И правда. В марте этого года сижу я дома. И вдруг меня на улицу потянуло. Вышла, вижу: самолёт летит, да так низко, над самым домом. Вдруг, думаю, Витя, и платком махать стала. Вскоре получаю письмо. Он это был. Летел с фронта, в Куйбышев (сегодня – Самара. – Прим. Ю.К.) мимо Вольска. «Как увидел родную Волгу, – пишет, – город родимый, сердце захолонуло. А потом показалось, что я дом родимый вижу и тебя, мамочка». Нет, не показалось тебе, Витя, – я это была».

(«Коммунист», 24 октября 1943 г.)

Ещё одна полоса («Богатыри земли Волжской») была посвящена двухлетию подвига героев-панфиловцев, но больше внимания было уделено землякам: генералу Ивану Панфилову и политруку Василию Клочкову. Причём о первом рассказывает его брат Константин:

«Мы рано остались сиротами: сначала умерла мать, потом отец, мелкий конторский служащий. Меня взял на воспитание дядя, а Ванюша должен был самостоятельно зарабатывать на хлеб. Окончив Петровское четырёхклассное городское училище, 12-ти лет от роду уехал Ванюша в Саратов на заработки. В Саратове поступил он «мальчиком» в обойно-художественный магазин купца Соколова, что был на углу Никольской и Московской улиц. Через некоторое время брат вызвал в Саратов меня, и мы вместе служили у Соколова.

Не стану описывать жизнь мальчиков у поволжского купца. Кто читал Горького, тот знает правду об этом. Трудно было выйти из этого тесного, мрачного мира на хороший, правильный путь...»

(«Коммунист», 21 ноября 1943 г.)

В октябре в залах областного краеведческого музея открылась выставка, посвящённая 25-й годовщине Ленинско-Сталинского комсомола.

«На выставке представлены портрет Зои Космодемьянской, простреленный комсомольский билет Алексея Дурнова, материалы о Героях Советского Союза, саратовцах: портреты Тарасова, Иванова, Талалихина, Осипова, Хальзова, Терёхина и газетные статьи, рассказывающие об их подвигах, письма их родным и боевым товарищам.

Особый интерес представляют боевые костюмы Тарасова и Иванова.

Привлекают внимание посетителей макеты танка и самолёта, построенные на средства комсомольцев Саратовской области.

Представлены на выставке также материалы о трудовых подвигах молодёжи Саратова».

(«Коммунист», 31 октября 1943 г.)

В эти же дни, накануне очередной годовщины Великой Октябрьской революции, жители Саратовской области собирали подарки для фронта.

«Сейчас, в дни решающих боёв с немецко-фашистскими захватчиками, когда наша доблестная Красная Армия под водительством великого Стали-

на гонит всё дальше и дальше на запад гитлеровские полчища, трудящиеся Саратовской области подготовили и отправляют на фронт ко дню 26-й годовщины Октября эшелон подарков.

Продукты, музыкальные инструменты, сласти, вино, домашнее печенье, табак, расшитые кисеты, писчебумажные принадлежности, бритвенные приборы – трудно перечислить всё, что собиралось заботливыми руками в городах и сёлах области.

В состав делегации, едущей на фронт, вошли представители различных профессий. Делегация везёт на фронт сотни писем. Все они проникнуты восхищением героическими подвигами советских бойцов, глубокой благодарностью за защиту родины и уверенностью в скорой победе.

«Мои родные места ещё оккупированы немцами, но я уверена, что вы скоро освободите их от немецких захватчиков, – пишет в своём письме Ксения Мисюкевич из колхоза 1 Мая Вязовского района. – Помните, что во всех уголках Советского Союза, в самых глухих местах народ гордится вашими успехами, живёт вместе с вами одним желанием, одним стремлением победить скорее врага».

(«Коммунист», 22 октября 1943 г.)

В октябре группа медицинских работников Саратова и Саратовской области была отмечена государственными наградами «за самоотверженную работу в эвакогоспиталях, успешное проведение противоэпидемических мероприятий, хорошую организацию медицинского обслуживания населения и подготовку медицинских кадров», а колхозники Кистендейского района (ликвидирован в 1958 г. и поделён между Аркадакским и Ртищевским районами. – **Прим. Ю.К.**) взяли шефство над Саратовским госпиталем: они регулярно снабжали раненых свежими овощами, яйцами, маслом, молоком.

Большое внимание уделялось школам.

«По инициативе коллективов промышленных предприятий Энгельса в школах города введены горячие завтраки.

Из фондов подсобных хозяйств предприятий выделены продукты. Так, подсобное хозяйство завода, где секретарём парткома тов. Хацернов, выделило 500 кг мяса, тонну рыбы, 3 тыс. л молока, 20 ц пшеницы, 50 ц картофеля, 100 ц капусты, 140 ц огурцов и помидоров.

Пример Энгельса, начавшего большое патриотическое дело, должен быть подхвачен всеми городами и сёлами нашей области».

(«Коммунист», 17 октября 1943 г.)

«В Саратове организован совет учёных по шефству над школой. В совете выделено более 20 секций, которые возглавляют член-корреспондент Академии наук проф. В. В. Челинцев, заслуженный деятель науки проф. И. И. Жуков, профессора Г. М. Фихтенгольц, Б. А. Можаровский, А. П. Скафтымов, В. В. Костровский, В. П. Пиотровский, С. А. Щукаров и другие. К участию в работе совета привлекаются педагоги и родители.

Совместно с областными и городскими отделами народного образования шефами подготовлены цикл докладов по повышению квалификации педагогов, а также лекции для родителей и подростков».

(«Коммунист», 20 октября 1943 г.)

Продолжалась работа по открытию новых учреждений и по освоению новых производств:

- в Балашове сдана в эксплуатацию новая водопроводная линия протяжённостью немногим более одного километра, построенная силами ответственности и домохозяек города и полностью обеспечившая водой промышленные предприятия и население города;
- в том же городе после капитального переоборудования появилась баня, пропускная способность которой увеличилась с 600 до 2 тыс. человек в сутки;
- в Саратове областное аптекоуправление открыло новую мастерскую по изготовлению стёкол для очков;
- артель инвалидов «Коопдело» в Хвалынске выпустила новый сорт пудры «Катюша» и мыльный порошок, для производства которых использовалось местное недефицитное сырьё.

Наиболее важные события культуры:

«6 сентября Московская консерватория в связи с отъездом в Москву провела прощальный вечер совместно с Саратовской консерваторией и общественностью города.

На вечере присутствовали секретарь обкома ВКП(б) тов. Комаров, заместитель председателя облисполкома тов. Трушко, секретарь горкома ВКП(б) тов. Киселёв, председатель горисполкома тов. Шишкин и другие руководители областных и городских организаций».

(«Коммунист», 8 сентября 1943 г.)

«В художественном музее им. Радищева открыт отдел советского искусства. В трёх залах размещены картины виднейших советских художников: Герасимова, Грабаря, Иванова и других. Наряду с живописью на выставке представлены советская графика и фарфор».

(«Коммунист», 19 сентября 1943 г.)

«Недавно в Саратове сооружён памятник пламенному трибуну революции С. М. Кирову. Он находится в центре Кировского района на стыке двух улиц: им. Рахова и Ленинской. Построен он по инициативе трудящихся Кировского района на средства, собранные ими по подписному листу.

Железобетонная скульптура (автор Виленский) имеет три метра вышины. Вокруг памятника разбит небольшой сквер».

(«Коммунист», 10 октября 1943 г.)

ЗИМА 1943–1944 ГОДОВ

В декабре завершилась очень важная стройка. Этому в газете «Коммунист» была посвящена целая полоса под «шапкой»: «Принимай подарок, Родина!» Не называя, какая именно стройка, строители («где начальником тов. М. Иванов») рапортовали «великому маршалу И. В. Сталину»:

«Мы счастливы доложить Вам, что строительство важнейшего оборонного объекта закончено в срок, установленный Государственным Комитетом Обороны, и сдано в эксплуатацию.

За 6 месяцев мы построили 132 производственных и жилых здания общим объёмом 120 тысяч кубических метров, переработали около 4 миллионов кубометров грунта, смонтировали оборудование общей мощностью 6000 лошадиных сил, собрали металлические конструкции общим весом в 25000 тонн.

Мы одновременно строили и учились. Более 2000 рабочих получили строительные квалификации, стали плотниками, каменщиками, изолировщиками, монтажниками».

На строительстве были задействованы не только саратовцы. Как писал главный инженер, заместитель начальника строительства А. Юрышев, огромную работу на стройке выполнили и землекопы из Узбекской, Таджикской и Туркменской республик: «К нам прибыло большое количество колхозников, никогда раньше не работавших на индустриальных стройках. Многие из них, работая землекопами, показали изумительные примеры самоотверженного труда».

(«Коммунист», 11 декабря 1943 г.)

Что же это было за предприятие? Скорее всего, речь шла о крекинг-заводе, который почти полностью был разрушен немецкой авиацией в июне 1943 года. Но почему-то в официальной истории Саратова военного времени этот трудовой подвиг не отмечен.

В декабре 1943-го в Саратове в Доме Красной Армии открылась выставка трофейного оружия. На ней были представлены образцы стрелкового вооружения германской армии. Особый интерес представляла большая карта-схема «Разгром немецких войск под Москвой». При выставке была организована консультация военных специалистов по вопросам изучения боевых свойств и материальной части трофейного вооружения.

(«Коммунист», 19 декабря 1943 г.)

Буквально через несколько дней в «Коммунисте» была опубликована информация о новом гимне СССР:

«Ввиду того, что нынешний Государственный гимн Советского Союза «Интернационал» по своему содержанию не отражает коренных изменений, происшедших в нашей стране в результате победы Советского строя, и не выражает социалистической сущности Советского государства, Совет Народных Комиссаров Союза ССР решил заменить текст Государственного гимна новым текстом, соответствующим по своему содержанию духу и сущности советского строя (текстом, написанным Сергеем Михалковым и Эль-Регистаном. – Прим. Ю.К.).

Для нового государственного гимна принята музыка композитора Александра А. В. Ноты к музыке гимна будут опубликованы особо.

Повсеместное исполнение нового государственного гимна вводится с 15 марта 1944 года».

(«Коммунист», 21 декабря 1943 г.)

Активно разучивать новый гимн начали уже в 1944 году. В феврале областной Дом народного творчества даже провёл специальный вечер-семинар для культработников и руководителей художественно-самодеятельных коллективов.

И снова газета рассказывала о тимуровцах:

«Пятеро детей у меня. Трое из них совсем маленькие. Целый день я на работе. А домой бегу – одна мысль: как они у меня там без присмотра. Прибежишь домой – комнаты не убраны, холодно. Не знаешь, за что раньше братья: печку топить, ребятишек покормить, обласкать или за уборку братья. А наутро чуть свет снова на работу. Так было каждый день. Редко, когда

выберешь свободный часок. Чтобы помыть ребят, постирать, убраться, – рассказывала читателям жена бойца Наталья Марутова. – Прихожу я однажды домой, открываю дверь и не узнаю свою квартиру. Пол вымыт, в комнатах убрано, ребятишки мои все чистенькие, одетые в новые платьишки, рубашки, штанишки.

Рассказывает мне моя старшая, что без меня к ним тут девочки приходили из 10-й средней школы, убрали комнату, нагрели воды, помыли малышей, одели в новую одежду. Помню, что у меня тогда даже горло перехватило. Сказать ничего не могу. Только гляжу на ребят, а во рту от слёз солоно.

С тех пор стали пионеры из тимуровской команды Клавы Стукалиной частыми нашими гостями. Помогают они мне во всём: и в большом, и в малом. Надо – дрова наколют, напилят, комнату уберут».

(«Коммунист», 13 февраля 1944 г.)

В феврале 1944-го отметил 25-летие саратовский госпиталь, «где начальником подполковник медицинской службы тов. Тихонов»:

«Четверть века тому назад в Саратове был организован военный лазарет, ставший в наши дни крупным научно-лечебным центром, хорошо оборудованным лечебной и диагностической аппаратурой.

Много незаметных героев проявили себя в месяцы сталинградских боёв, когда госпиталь принимал раненых непосредственно с фронта и когда без дополнительных штатов, часто без света врачи, политработники, сёстры, санитарки работали неделями, буквально не выходя из госпиталя.

Возвращая в часть до 91% больных и раненых, коллектив получает с фронта от выздоровевших офицеров сотни писем, содержащих тёплый привет и благодарность за восстановление сил и здоровья, за получение возможности с новой энергией уничтожить врага, за чуткое и внимательное отношение.

В лечебной работе госпиталь применяет новейшие активные методы лечения и диагностики.

Госпиталь широко открыл свои двери для научных работников (физиологов) Ленинградского университета, предоставив им базу и материал для исследования. Он является школой для врачей гарнизона, для студентов военфака и студентов биофака университета, для курсов медсестёр, которые проходят теоретические занятия и практику под руководством врачей госпиталя.

Наряду с этим госпиталь готовит врачей и сестёр для фронтовых формирований и работает над повышением квалификации и политическим развитием собственных кадров. Восемь сестёр из бригады добровольцев, уехавших на фронт, и два врача получили правительственные награды.

А. Сушков, заместитель начальника госпиталя по политической части».

(«Коммунист», 19 февраля 1944 г.)

В 1944-м в Саратове своё 125-летие отпраздновал Ленинградский университет, награждённый накануне орденом Ленина. Торжественное собрание, посвящённое этому знаменательному событию, прошло в театре оперы и балета им. Н.Г. Чернышевского 25 февраля. После торжества его участникам показали музыкальную комедию Николая Стрельникова «Холопка».

А одним из главнейших событий культурной жизни Саратова стало обновление работы театра юного зрителя им. Ленинского комсомола, который вернулся в своё здание на Вольской, 83, где временно размещался театр музыкальной комедии. Это был практически новый коллектив, состоявший

не только из саратовских актёров, но и актёров Днепропетровского и Калининского ТЮЗов. Художественным руководителем театра был утверждён Ю. П. Киселёв.

Открытие Саратовского ТЮЗа состоялось 20 февраля 1944 года премьерой спектакля по пьесе И. Штока «Осада Лейдена».

«Первый спектакль ТЮЗа, тепло принятый юношеской и взрослой аудиторией, заполнившей блистающее чистотой здание театра, свидетельствует о том, что в лице ТЮЗа город получил хороший молодой творческий коллектив, от которого он может ждать дальнейших серьёзных успехов», — отреагировал на премьеру профессор Ленинградского университета, историк М. А. Гуковский («Коммунист», 26 февраля 1944 г.)

В разряд главнейших событий можно поставить и присвоение статуса государственного театру оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского и художественному музею им. А. Н. Радищева.

В театре музыкальным руководителем был назначен дирижёр Сатановский, и началась работа по капитальной реконструкции театра.

Музей открыл в феврале новый отдел западно-европейского искусства, где были представлены 33 шедевра французских художников второй половины XIX в. Барбизонской школы.

А незадолго до этого в «Коммунисте» профессор Ленинградского университета, искусствовед И. Иоффе высказал озабоченность состоянием дел в музее:

«Возвращение музея к нормальной жизни, полное восстановление выставок является первоочередной задачей его работников. Но нельзя развернуть выставки в холодных, нетопленных залах».

(«Коммунист», 19 января 1944 г.)

В январе 1944-го прошёл всесоюзный смотр спектаклей русской классики, объявленный Всесоюзным комитетом по делам искусств при Совнарком СССР, Управлением по делам искусств при Совнарком РСФСР и Всероссийским театральным обществом. Приняли в нём участие и саратовские театры. Театр им. К. Маркса показал пьесы «Волки и овцы» и «Бесприданница» А. Н. Островского, «Три сестры» А. П. Чехова и «Варвары» А. М. Горького, а театр им. Н. Г. Чернышевского — оперы «Царская невеста» Н. А. Римского-Корсакова, «Пиковая дама» и «Орлеанская дева» П. И. Чайковского.

Просмотровая комиссия решила выдвинуть «Бесприданницу» и «Орлеанскую деву» для показа в Москве.

ВЕСНА 1944 ГОДА

Фронт откатывался всё дальше от Саратова, и в саратовской газете «Коммунист» регулярно появлялись материалы о героях-земляках.

«Поздняя ночь. Дождь. Ветер сбивает с ног. Отворяется дверь, и в медсанбат, запыхавшись, входит с тяжелораненым старший сержант, санинструктор Н. Алпатов. Он весь мокрый, в грязи и забрызган кровью.

До войны Алпатов был администратором театров им. Чернышевского и им. Карла Маркса в Саратове. Теперь на его долю выпало на поле военных действий подбирать раненых. Он оказывает им первую медицинскую помощь,

спасает жизнь наших бойцов и командиров. И эту трудную, но благородную работу коммунист Алпатов выполняет с честью.

В трудных условиях, действуя под пулемётным и миномётным огнём врага, при разрывах авиабомб, старший сержант вынес с поля боя более 40 раненых советских воинов вместе с их оружием.

О своих славных делах тов. Алпатов рассказывает очень мало. Зато о них говорят две медали: «За оборону Ленинграда» и «За отвагу». Старшина В. Кабанов. Полевая почта 37355-Н».

(«Коммунист», 14 мая 1944 г.)

Весной 1944-го появились первые факты присвоения имён героев-земляков улицам и школам.

«В боях за родину пал смертью храбрых уроженец г. Энгельса генерал-лейтенант танковых войск П. В. Волох. Решением правительства в память о боевом генерале одна из улиц Энгельса переименована в ул. Волоха».

(«Коммунист», 15 марта 1944 г.)

«Легендарный герой обороны Москвы Герой Советского Союза, гвардии генерал-майор Иван Васильевич Панфилов вырос и учился в Петровске. Для увековечивания памяти своего славного земляка исполком горсовета решил переименовать одну из улиц, где жил Панфилов, в улицу имени Героя Советского Союза Панфилова и присвоить средней школе № 3, реорганизованной из четырёхклассного городского училища, наименование «Школа имени Героя Советского Союза, гвардии генерал-майора Панфилова».

В школе в честь присвоения ей славного имени состоялся торжественный вечер. Учащиеся прослушали доклад о жизни и боевых подвигах Героя.

На здании школы устанавливается мемориальная доска».

(«Коммунист», 25 апреля 1944 г.)

Одним из главных событий культурной жизни Саратова стала реорганизация концертно-эстрадного бюро в областную филармонию.

«В коллективе филармонии 70 актёров: вокалистов, чтецов, сатириков, инструменталистов. Среди ведущих – певицы М. А. Владыкина, З. Н. Комарова, чтецы Георгий Гришин, А. Н. Андреев, инструменталисты Б. Бурлаков (виолончель), Л. В. Зайц (скрипка), И. Я. Паницкий (баян), сатирики Волгин и Зеленская и др.

В составе филармонии также ансамбль волжской песни и пляски под художественным руководством И. Ф. Коваленко».

(«Коммунист», 27 мая 1944 г.)

Саратовцев радовали цирк и художественный музей им. Радищева, а раненых – местные художники.

«Зритель с большим интересом смотрит новую программу Саратовского цирка, отличающуюся разнообразием номеров многогранного циркового жанра.

Как известно, в искусстве танца слоны стяжали себе весьма дурную славу. Слон Юрия Дурова решительно это опровергает. Он лихо пляшет, легко балансирует и выделяет такие антраша, что в цирке стоит гомерический хохот и долго гремят аплодисменты.

Танцующий слон не единственное достижение заслуженного артиста республики, орденоносца Ю. Дурова, показанное в новой программе цирка. Дуровские животные выступают перед зрителями в самых необычных ролях. Тут и лихие наездники – обезьяна, лиса, волк, собака и медведь, и исполняющий замысловатые па танцор – верблюд, и попугаи, раскачивающиеся на качелях, и собака-математик, производящая сложные вычисления, и, наконец, любимец детворы «Мишук» – бурый медведь-акробат...»

(«Коммунист», 19 апреля 1944 г.)

Наиболее обстоятельно и полно представлен в Радищевском музее отдел русского искусства.

«Сейчас значительная часть этого отдела (искусство XVIII и первой половины XIX столетия) обновлена и открыта для обозрения. Новая экспозиция его построена на научной основе. Произведения русских художников показаны в строго хронологическом порядке и сгруппированы по школам и авторам.

В экспозицию отдела введены значительные по своим художественным качествам экспонаты живописи, скульптуры, графики и прикладного искусства, долгие годы хранившиеся в запасных фондах музея. Среди них – значительный по своим размерам, но чрезвычайно тонко выполненный пастелью художником Барду портрет поэта Е. А. Баратынского (в детстве); сделанный с большим мастерством художницей Виже-Лебрен портрет князя А. А. Вяземского.

Большой интерес представляют также впервые показываемые посетителю два портрета, приобретённые музеем им. Радищева за годы Отечественной войны: портрет Энева работы известного русского художника XIX века Тропинина и портрет А. Б. Маркова, исполненный художником Изабе...»

(«Коммунист», 16 мая 1944 г.)

«Выставка картин для тяжелораненых бойцов и офицеров Красной Армии организована в госпитале, где начальником т. Миркин, саратовские художники отобрали на выставку в госпиталь лучшие свои вещи. Здесь представлены образцы разнообразных жанров и видов изобразительного искусства».

(«Коммунист», 7 мая 1944 г.)

ЛЕТО 1944 ГОДА

Накануне Дня авиации, который праздновался в третье воскресенье августа, в Саратове произошло сразу несколько серьёзных событий.

«Коллектив Саратовского завода комбайнов (будущий авиазавод. – Прим. Ю.К.) вышел победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании и отличной работой в июле завоевал Почётное Знамя Государственного Комитета Обороны.

Вчера состоялось вручение знамени коллективу завода. Митинг открылся утром, на стыке двух смен, на заводском дворе.

Под звуки духового оркестра встреченные громкими аплодисментами присутствующих офицеры-гвардейцы пронесли к трибуне знамя.

Слово получил гвардии подполковник тов. Елисеев. Поздравив коллектив завода с одержанной победой, он с большой похвалой отозвался о продукции завода». (Самолёты Як-1 и Як-3. – Прим. Ю.К.)

(«Коммунист», 19 августа 1944 г.)

«Почти два года назад, в холодный декабрьский день 1942 года лётчик гвардии майор Борис Николаевич Ерёмин принял из рук своего земляка, колхозника Ферапонта Головатого, боевой истребитель Як-1.

Долгий путь прошла боевая машина, приобретённая на трудовые сбережения славного советского патриота. Боевое крещение приняла она в ожесточённых битвах за сталинградское небо.

Самолёт с дарственной надписью Головатого хорошо запомнили германские лётчики, пытавшиеся остановить победоносное наступление Красной Армии. За свою боевую жизнь самолёт сделал 200 боевых вылетов. Шесть вражеских самолётов уничтожил на нём в воздушных боях гвардии майор Борис Ерёмин.

В дни, посвящённые советской авиации, самолёт Ферапонта Головатого выставлен на центральной Кировской площади города (теперь пл. Чернышевского у Липок. – Прим. Ю.К.) Не редает толпа, окружающая прославленную боевую машину. Саратовцы внимательно рассматривают все детали воздушного корабля, за боевую жизнь которого следили с таким интересом, выслушивают пояснения научных сотрудников музея, преподавателей авиатехникума, дежурящих у самолёта.

На днях самолёт будет установлен в специально для этой цели расширенном помещении краеведческого музея. Здесь посетители сумеют познакомиться со всей документацией самолёта, его боевой характеристикой».

(«Коммунист», 20 августа 1944 г.)

«На зелёном поле Саратовского аэродрома, широко распластав лёгкие крылья, стоит готовая к полёту машина. На свежеевыкрашенных в серо-голубую краску бортах её чёткая надпись: «Лётчикам-истребителям от колхозницы колхоза им. 7-го съезда Советов Куриловского района Саратовской области Селивановой А. С. 3-й самолёт». Этот самолёт – символ нерушимого единства советского тыла и фронта, народа и его армии. У самолёта вся семья Анны Сергеевны Селивановой: муж её, старший сержант Андрей Романович Селиванов, прибывший с фронта вместе с лётчиком лейтенантом Паршиным за дорогим подарком, дочери Александра и Нина – все с любопытством осматривают новую машину, самый лёгкий самолёт среди воюющих истребителей мира – Як-3. Представитель Н-ского авиационного завода, на котором сооружён боевой истребитель и откуда прибыл он на местный аэродром, рассказывает о боевых качествах машины, показывает её устройство.

На трибуне, задрапированной алыми стягами и кумачом знамён, появляются гости, прибывшие на торжество передачи самолёта. Тов. Яковлев открывает митинг.

Слово получает Селиванова. Немного волнуясь, она рассказывает о том, как они с мужем решили приобрести в подарок фронту третий самолёт.

– Радостно сознавать, – говорит она, – что на двух наших боевых машинах славные сталинские соколы бьют фашистских стервятников. Надеюсь, что и третий наш самолёт с честью послужит Родине.

На трибуне лётчик-истребитель, орденосец, лейтенант П. Н. Паршин, молодой пилот, на боевом счету которого уже 4 сбитых фашистских самолё-

та. Командование части поручило ему принять дорогой дар из рук Селивановой».

(«Коммунист», 25 августа 1944 г.)

Целая газетная полоса была посвящена трудовому подвигу колхозников Ворошиловского района (сегодня он называется Саратовским), которые взяли шефство над одним из авиаполков.

«Двадцать сталинских соколов сражаются с немцами на именных самолётах, подаренных колхозниками Ворошиловского района Саратовской области. Полтора года назад колхозники района первыми в стране преподнесли советскому Военно-воздушному флоту боевой самолёт. Это был истребитель, подаренный тружениками колхоза «Сигнал революции» Герою Советского Союза В. И. Шишкину...

Лётчики, получившие именные самолёты, делают всё, чтобы прославить свой колхоз, чтобы в боевом соревновании быть в числе первых. На самолётах ворошиловцев 5 лётчиков из подшефного истребительного авиаполка стали Героями Советского Союза. Это майор тов. Шмелёв, которому преподнесли самолёт работники Ворошиловской МТС; майор тов. Рязанов, который летает на самолёте Ворошиловского райпотребсоюза; капитан тов. Степаненко на самолёте колхоза им. Чапаева; капитан Лещенко на машине колхоза «Дружба»; старший лейтенант Флейшман, пилот самолёта, подаренного колхозом «Заветы Ильича». Эти пять лётчиков имеют на своём счету свыше 100 лично сбитых немецких самолётов, да ещё почти столько же вражеских машин, уничтоженных в групповых боях».

(«Коммунист», 22 июня 1944 г.)

Летом 1944-го отметил 25-летие НИИ микробиологии и эпидемиологии Юго-Востока СССР.

«Это было первое научное учреждение в Союзе, призванное обеспечить борьбу с особо опасными инфекциями, оставленными в наследство царской Россией, – напомнил читателям газеты директор института Д. Савостин. – В дни Отечественной войны институт, не ослабляя своей основной деятельности по предупреждению особо опасных инфекций, принимал непосредственное участие в предотвращении вспышек других заболеваний. Немалую консультативную работу провели научные сотрудники института в госпиталях Саратова. За время войны институт выполнил 90 научных работ и выпустил ряд новых, весьма ценных профилактических препаратов».

(«Коммунист», 1 августа 1944 г.)

Газета «Коммунист» впервые рассказала о том, как актёры и работники театра им. К. Маркса оказывали помощь госпиталям.

«Это был обычный понедельник – традиционный день отдыха актёров. Но уже с утра в здании театра им. Карла Маркса царило необычайное оживление. Сюда собрался весь коллектив республиканского драматического театра».

К 12 часам первая группа работников театра – гардеробщицы, контролёры, уборщицы – отправилась в подшефный госпиталь. Приняв заранее заготовленное бельё, они старательно принялись за починку. К 5 часам начальнику госпиталя тов. Васильчук были сданы тщательно вычиненные и аккуратно сложенные стопки одежды: 30 пар белья и 100 ватных брюк.

К этому времени в госпиталь собрались все артисты театра. Часть из них вместе с рабочими монтажных цехов готовились к вечернему спектаклю. Актёры, не занятые в пьесе, разбившись на 6 бригад, разошлись по палатам. В комнатах, где лежали наиболее тяжело раненные, прикованные на продолжительное время к постели, были даны концерты. В гулких коридорах госпиталя далеко разносились песни исполнителей, протяжные звуки баяна и весёлый смех и аплодисменты слушателей. С большим интересом и удовольствием слушали раненные художественное чтение артисток Соболевой и Веровской, песни Степуриной и Локштанова, игру на баяне Мильрада, юмористические рассказы Петрова, Слабиняка и Вагина, скетчи Власовой и Сафронова, Гринберга и Борисовой и другие номера в исполнении артистов театра.

В одной из офицерских палат госпиталя саратовский писатель, заведующий литературной частью театра В. И. Смирнов-Ульяновский прочёл сцены из написанной им совместно с Б. Найхиным пьесы «Чернышевский», в своё время шедшей на сцене театра им. Карла Маркса.

Ровно в 8 часов в большом зале – столовой госпиталя – начался спектакль. В полном реквизите и костюмах дал коллектив театра им. К. Маркса один из лучших своих спектаклей «Генерал Брусиллов». В переполненном до отказа зале (сюда собрались все находящиеся на излечении в госпитале раненные, имеющие возможность передвигаться) ведущие артисты театра – народный артист республики И. А. Слонов, заслуженные артисты республики С. М. Муратов, П. Н. Карганов и другие – показывали своё превосходное мастерство, выступая с большим подъёмом и воодушевлением».

(«Коммунист», 2 июня 1944 г.)

Из культурных событий наиболее заметным стала выставка картин И. Е. Репина, открытая 6 августа в музее им. Радищева и посвящённая 100-летию великого русского художника. Помимо его произведений были представлены картины его современников Ф. Васильева, В. Поленова, И. Шишкина, К. Савицкого. В день открытия в музее прошла «Репинская» научная конференция.

Кроме того, произошли серьёзные изменения в доме-музее Н. Г. Чернышевского.

«В будущем году исполняется 25 лет со дня организации дома-музея Н. Г. Чернышевского. Готовясь к этой дате, он значительно расширяет свою площадь, – писала газета «Коммунист» 11 августа. – Решением горисполкома освобождаются от посторонних жильцов дом Пыпиных и домик, где жила О. С. Чернышевская в дни ссылки своего мужа. Оба дома находятся на территории музея.

В доме Пыпиных будут размещены подсобные помещения: фотолаборатория, склады фондов, библиотека.

В домике Чернышевской выставляются экспонаты, посвящённые Ольге Сократовне. Здесь собираются личные её вещи, портреты, а также вещи, привезённые из Сибири от Николая Гавриловича».

ОСЕНЬ 1944 ГОДА

Главным событием осени 1944 года в Саратове стало открытие суворовского училища, которое состоялось 2 октября. Накануне газета «Коммунист» посвятила этому целую полосу.

«Одно из суворовских училищ, созданных по предложению товарища Сталина, открывается завтра в Саратове. Здесь будут учиться дети в возрасте от 8 до 14 лет.

Все они – дети погибших или сражающихся на войне, преимущественно дети офицеров Красной Армии и командиров партизанских отрядов.

Всё необходимое для плодотворной учёбы у нас есть. Нам предоставлено одно из лучших в городе зданий. Мы надеемся на помощь города в дальнейшем благоустройстве училища. Со своей стороны мы приложим все усилия, чтобы наши воспитанники всегда с благодарностью вспоминали город, где они учились, чтобы всегда произносилось с уважением: «Этот офицер – воспитанник Саратовского суворовского училища.

Начальник училища – генерал-майор Пётр Дьяконов».

«Мне 11 лет, но на моей суворовской форме – значок гвардии. Мать у меня умерла, и поэтому отец взял меня на фронт. Потом отца ранило, и я остался на фронте один. Работал телефонистом, потом давали мне поручения по разведке.

Я всем говорил, что хочу быть офицером-артиллеристом, и меня направили в Саратов, в суворовское училище. Нас здесь встретили хорошо, одели в красивую форму, хорошо кормят, проводят интересные беседы о Сталине, о Суворове. Сам генерал с нами беседует. А завтра начнутся занятия. Я буду хорошо учиться, чтобы стать отличным офицером, которого будут любить и уважать бойцы. Пушки под моим командованием будут самые меткие на фронте.

Анатолий Горошников, 4-я рота, старший подготовительный класс».

«Большинство офицеров – воспитателей и преподавателей суворовского училища – прошло суровую школу Отечественной войны. Лучшие традиции русского офицерства были приумножены в эту великую войну. Эти традиции – быть всегда в гуще боя, личным примером увлекать бойцов на подвиг, действовать, зная, что нет для русского воинства неприступных крепостей и безвыходных положений, – мы будем передавать нашим юным воспитанникам.

Все мои знания, весь боевой опыт, всю ненависть к врагу, всё, что вращено в душе в грозные, величественные годы войны, – всё постараюсь передать юным патриотам, тем, кто пришёл в училище, чтобы посвятить свою жизнь защите отечества, кто принял на себя почётное звание суворовец.

Капитан Александр Широбоков, кавалер ордена Суворова, командир 2-й роты».

(«Коммунист», 1 октября 1944 г.)

А 8 ноября на площади Революции юные суворовцы принимали присягу, и им было торжественно вручено воинское знамя.

К 7 ноября территория СССР была полностью освобождена от фашистских захватчиков. Пора было заниматься возрождением экономики.

«Среди работников Рязано-Уральской железной дороги широко развернулся сбор средств в фонд восстановления Белорусской железной дороги. Поступило уже свыше миллиона рублей, в том числе от аткарских железнодорожников 326 тыс. рублей, и от саратовских – 256 тыс. Транспортни-

ки Энгельсского отделения собрали на восстановление подшефной дороги 95 тыс.».».

(«Коммунист», 31 октября 1944 г.)

Тем временем саратовцы продолжали осваивать новую продукцию.

Мыло и клей из отходов производства стал изготавливать в годы войны Вольский мясокомбинат. В 1944 году он выпустил свыше четырёх тонн мыла.

Из отходов производства вырабатывались и другие товары ширпотреба. Изготовлено около 2 тыс. метров струн, 700 пар комнатных туфель, 400 пар рукавиц.

(«Коммунист», 13 сентября 1944 г.)

Производство телеграфных аппаратов «Бодо» освоил Саратовский электротехнический завод. Первая сотня аппаратов была отправлена на железные дороги, освобождённые от немецких оккупантов. Завод освоил также изготовление моторов к этим аппаратам и приспособления для их настройки.

(«Коммунист», 24 сентября 1944 г.)

Выпуск репродукторов типа «Рекорд» освоило 13-е ремесленное училище. За два месяца им передано организациям города и области около 300 репродукторов и создан задел деталей ещё на 5 тысяч.

(«Коммунист», 26 ноября 1944 г.)

К изготовлению детской одежды и белья приступила Саратовская фабрика медицинских пакетов. Изменение профиля её работы связано с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям...»

(«Коммунист», 26 ноября 1944 г.)

ЗИМА 1944–1945 ГОДОВ

В декабре 1944-го много материалов было посвящено использованию природного газа, что было связано с решением Государственного Комитета обороны о начале строительства газопровода Саратов–Москва («Больше добывать – лучше использовать»).

«Газ – наиболее эффективное, благородное топливо. Благодаря его внедрению нам удалось снизить в 1944 году удельный расход условного топлива на киловатт-час на 22%. Применение газа значительно уменьшило расход электроэнергии на собственные нужды электростанций, благодаря чему мы сэкономили за 1944 год 6 млн киловатт-часов электроэнергии.

Газ повысил коэффициент полезного действия наших котлов. Благодаря применению газа на 10% сократилась потребность в обслуживающем персонале.

Н. Дроздов, управляющий Сарэнерго».

«Перевод хлебозаводов на газовое отопление сразу дал возможность ликвидировать перебои в снабжении печёным хлебом населения Саратова.

Если до этого все действующие хлебозаводы могли выпускать максимум 200 тонн хлеба в сутки, то сейчас эта выработка увеличилась до 300 тонн. Резко увеличилась производительность труда. До перевода на газовое отопление выпуск продукции на одного рабочего составлял 6,5 тыс. кг в месяц, теперь поднялся до 10 тыс. Резко снизился брак.

Газификация хлебозаводов дала возможность высвободить 315 человек, занятых на дровозаготовках.

Общая годовая экономия топлива по всем хлебозаводам составила до 7 млн рублей. Стоимость топлива на единицу продукции снизилась в 15 раз.

С. Дарбинян, управляющий трестом «Росглавхлеб».
(«Коммунист», 10 декабря 1944 г.)

Саратовцы, как и все советские люди, понимали, что война приближается к концу. Пора подводить итоги. И одна из публикаций в газете посвящается вкладу саратовских учёных: «Учёные Саратова – фронту и Родине».

«За период Отечественной войны учёными университета закончено свыше 500 исследований, выполнено более 1,5 тыс. практических заданий по оказанию помощи оборонным организациям и частям Красной Армии.

Большую работу проделали учёные мединститута. Заслуженный деятель науки Миротворцев закончил изучение воспалительных процессов при ранении крупных суставов. Профессор Краузе разработал метод подкожной подсадки тканей при различных заболеваниях и ранениях, осуществил скоростной способ химической стерилизации ампульного кетгута. Профессор Архангельский ведёт работу, посвящённую вопросам ранения центральной нервной системы и, главным образом, черепа. Своими исследованиями он внёс ясное представление о болепроводящих путях и предложил эффективный метод лечения нейротравм.

Все исследования сотрудников медицинского института быстро внедряются в практику. Особо плодотворна их работа в госпиталях. Здесь они провели более 5 тысяч наиболее сложных операций, свыше 20 тысяч консультаций».
(«Коммунист», 15 декабря 1944 г.)

«На днях исполнилось 40 лет научной и педагогической деятельности члена-корреспондента Академии наук СССР, заслуженного деятеля науки, профессора-орденоносца В. В. Челинцева. Со дня основания Саратовского университета он возглавляет в нём кафедру органической химии и имеет 40 напечатанных научных работ».

(«Коммунист», 24 декабря 1944 г.)

И всё-таки больше всего саратовцы интересовались тем, что происходит на фронте, который с каждым днём всё ближе продвигался к столице фашистской Германии Берлину. И одно из стихотворных новогодних пожеланий, написанных саратовским поэтом Исаем Тобольским и проиллюстрированных саратовскими художниками Заборовским и Тимофеевым, было посвящено воинам-землякам:

*«Шумит метель. Подставив ветру лица,
Наперевес держа в руках штыки,
Перешагнув немецкую границу,
Идут вперёд и наши земляки.»*

*Их славный путь суров, тяжёл и длинен,
Они идут сквозь тысячу атак,
Чтоб кончить бой в поверженном Берлине
И водрузить над ним победный стяг.
Они дошли от Волги за Карпаты,
До Будапешта – и в Берлин придут!
Чтоб их родной, ликующий Саратов
С победой встретил в нынешнем году!»*

(«Коммунист», 1 января 1945 г.)

А в феврале была напечатана целая страница «Саратовцы на земле врага». На ней – стихи Тобольского, небольшие рассказы фронтовиков, очерк военного корреспондента Михаила Патрикеева. Среди героев – бывший балетмейстер Саратовской филармонии, танкист, Герой Советского Союза Виктор Иванович Пономаренко.

(«Коммунист», 4 февраля 1945 г.)

В День рождения Красной Армии – ещё одна яркая страница, посвящённая землякам, – «На пути к Берлину», и снова множество материалов об их фронтовых победах, в том числе напоминание о подвиге 28 панфиловцев и их политруке, уроженце с. Синодское Воскресенского района Саратовской области Василии Клочкове, сопровождаемое его фотографией с дочерью, на которой надпись: «И за будущее дочки ухожу я на войну».

(«Коммунист», 23 февраля 1945 г.)

А 1 января на катке «Динамо» состоялось открытие зимнего хоккейного сезона: был проведён блиц-турнир, в котором приняло участие 5 команд.

(«Коммунист», 3 января 1945 г.)

Немало важных событий произошло и в культурной жизни Саратова.

«При Саратовской консерватории создан симфонический оркестр. В его составе 40 музыкантов: профессоров, преподавателей и студентов консерватории и музыкального училища.

Под руководством доцента консерватории И. Януса оркестр готовит первую программу, посвящённую памяти выдающегося русского композитора Антона Рубинштейна, 50-летие со дня смерти которого отмечалось совсем недавно».

(«Коммунист», 22 декабря 1944 г.)

«В этом году при Саратовском художественном училище организована детская художественная школа. Занимаются в ней школьники средних и неполных средних школ города без отрыва от основной учёбы. К работе в школе привлечены лучшие художники-преподаватели.

Срок обучения в школе – 4 года. Школа ставит своей целью развитие у детей способности к рисованию, привить основы знания культуры изобразительного искусства и подготовить одарённых детей для получения дальнейшего художественного образования».

(«Коммунист», 27 декабря 1944 г.)

«Из Москвы возвратилась группа ведущих актёров Саратовского государственного драмтеатра им. К. Маркса, которая принимала участие в юби-

лейном спектакле «Горе от ума», показанном 15 января в Большом театре СССР в день 150-летия со дня рождения великого русского писателя А. С. Грибоедова. Спектакль был дан силами артистов Ленинградского орденна Ленина Академического театра, Московского Академического Малого театра, Московского Художественного Академического театра и Саратовского государственного театра им. К. Маркса.

Саратовские артисты – народный артист республики И. А. Слонов, заслуженная артистка республики В. К. Соболева, артисты Н. А. Гурская и И. П. Локштанов – показали на сцене Большого театра четыре явления из первого акта бессмертной комедии.

Эти же сцены были показаны на концерте, состоявшемся 16 января в концертном зале Чайковского.

(«Коммунист», 6 февраля 1945 г.)

ВЕСНА 1945 ГОДА

8 марта, в Международный женский день, были подведены итоги претворения в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня».

«464 многодетные матери, проживающие в Саратове, получили за последние 6 месяцев пособий на сумму 614 тыс. рублей. 57 матерям выдана одежда и обувь. Наиболее нуждающимся завезены дрова.

По Саратову награждены орденами 55 многодетных матерей и медалями – 34 матери. Среди них С. С. Долгова, награждённая орденом «Материнская слава» II степени. Семь сыновей тов. Долговой защищают родину. Шесть сыновей А. А. Лихаревой, награждённой орденом «Материнская слава» I степени, также находятся на фронте.»

(«Коммунист», 8 марта 1945 г.)

Забота о детях во время войны стала одной из важных задач, стоявших как перед властью, так и перед руководителями предприятий и учреждений.

«На заводе комбайнов для детей одиноких работниц и детей рабочих-инвалидов войны учреждён пансионат. Дети здесь проводят всё время после школьных занятий: отдыхают, обедают, ужинают, готовят уроки под наблюдением учительницы. Пансионат выдал мальчикам по две смены костюмчиков, девочкам – платица, джемперы и проч.»

(«Коммунист», 8 апреля 1945 г.)

Один за другим стали открываться и другие оздоровительные учреждения.

Весной 1945-го в Саратове открылось учебное заведение, которое спустя 10 лет окончит будущий первый в мире космонавт Юрий Гагарин.

«Вчера состоялось открытие вновь организованного индустриального техникума Главного управления трудовых резервов. На первый курс принято 240 человек – отличников ремесленных и железнодорожных училищ. Тех-

никум будет готовить технологов по холодной обработке металла, механиков и технологов-литейщиков».

(«Коммунист», 23 марта 1945 г.)

Открывались и новые предприятия.

«Петровский завод тракторных деталей сдал на склады «Автотракторсбыта» первую продукцию: 280 поршней к дизельным тракторам и тракторам ЧТЗ, 400 поршней к моторам ГАЗ-НАТИ и 300 направляющих втулок к моторам трактора СТЗ.

Коллектив осваивает производство клапанов и направляющих втулок к моторам ГАЗ».

(«Коммунист», 5 мая 1945 г.)

Несмотря на то, что война близилась к концу, саратовцы продолжали покупать за свой счёт боевую технику для фронта.

«Работники молочной промышленности нашей области собрали средства на покупку двух самолётов в подарок фронту. На днях эти самолёты были вручены лётчикам-орденоносцам В. Зубареву и К. Батурину».

(«Коммунист», 10 апреля 1945 г.)

«Более 4 млн рублей собрали осоавиахимовцы области на приобретение боевых самолётов для Красной Армии. На днях делегация осоавиахимовцев осматривала на аэродроме в городе N закупленные боевые машины».

(«Коммунист», 5 мая 1945 г.)

И всё же главным событием весны 1945 года стала Победа. К ней начали готовиться заранее, придавая благоустройству города особое значение:

«На Саратовском вокзале весело, оживлённо. Комсомольцы станции под руководством начальников комсомольского поезда Гарочкиной и Боржовой проводят субботник. Вокзал – это ворота города. Они должны быть в образцовом порядке, ведь скоро эти ворота широко распахнутся – через них польётся широкий поток возвращающихся домой победителей.

Город готовится к этому великому дню. Первыми выдвинули этот лозунг октябрьцы: подготовить город к возвращению героев. Призыв сразу дошёл до саратовцев – они хотят, чтобы к этому дню в городе улицы стали как никогда чистыми, дороги – образцовыми, дома были окрашены, чтобы деревья и цветы ласкали взор победителей.

Недалёк этот день, когда, закончив победно войну, у знакомого Саратовского вокзала сойдут наши земляки-фронтовики, поправят свои заплечные, выдавшие виды вещевые мешки и, по привычке печатая солдатским шагом мостовую, пройдут по улицам города – каждый к своему родному дому.

Чувством гордости за свой родной город наполнятся их сердца. Вырос и возмужал Саратов в эти годы. Расскажут герои, как бились они смертным боем с лютым врагом, как шли в бой за Родину, за Сталина, за родные края – за Волгу, за Саратов. А мы расскажем, как под руководством партии Ленина–Сталина трудились, учились. Жили во имя победы, как кипуч, напряжён, плодотворен был военный день нашего города».

(«Коммунист», 25 апреля 1945 г.)

И вот – долгожданная ПОБЕДА! Саратов ликует!

«Десятки тысяч трудящихся Саратова, бойцы и офицеры гарнизона собрались на площади Революции (сегодня – Театральная площадь. – Прим. Ю.К.) – на общегородской митинг в честь Великого праздника Победы. Пришли те, кто завоевывал победу ратными подвигами, и те, кто ковал для неё грозное оружие...

Митинг закончен. Торжественным маршем проходят через площадь курсанты саратовских военных училищ – пехотинцы, танкисты, связисты, политработники, моряки. Почти у всех на груди ордена – сверкают звёзды орденов Славы, сияют лучи орденов Отечественной войны. Это идут закалённые в боях сталинские солдаты.

Долго гремит площадь. Ликует Саратов, празднуя день разгрома поверженной в прах гитлеровской Германии, день Великой Победы Великого Народа».

«...Над городом поднимается рассвет. Кажется, он наступил сегодня раньше обычного. Ни на одну минуту не пустеют улицы и площади города.

На Кировской площади, у огромной карты, по которой тысячи саратовцев ежедневно следили за этапами продвижения доблестной Красной Армии на запад, сегодня снова нарядная толпа. На импровизированной эстраде выступает ансамбль волжской народной песни, участники кружков самостоятельности, здесь же в стороне пляшет молодёжь.

Задрапированные кумачом, мчатся по городу грузовики. Артисты поздравляют саратовцев с всенародным праздником Победы, показывают своё мастерство. Стихийно возникают демонстрации, танцы, особенно легко и радостно поются сегодня весёлые песни.

У подъезда одного из госпиталей – оживлённая толпа. Группу раненых окружили девушки. Только что проходил мимо баянист. Он очень торопился – его ждали во многих местах, но девушки так убедительно просили и так настаивали раненые бойцы, что баянист сдался. Он присел на обочину и долго играл всё, о чём просила его молодёжь.

Блестя золотом погон, идут юные суворовцы. Жители города провожают их любовным и ласковым взглядом: это дети тех, кто сражался за Родину.

Две девушки ведут военного на костылях. Ему трудно идти, но лицо его сияет, и он смеясь говорит своим спутницам: «Сегодня мне легче, совсем легче. Ведь день-то какой!»

Вечером огни большого города зажигаются особенно ярко. До поздней ночи не редеет толпа горожан, заполнившая все центральные магистрали Саратова. Над городом то и дело вспыхивают трепетные огни фейерверка. Не смолкают песни, радостные возгласы, весёлый смех.

Город ликует...

И вот снова город слышит позывные Москвы... У репродукторов огромные толпы людей. Затаив дыхание, слушают они мудрые слова любимого вождя и учителя товарища Сталина.

Ю. Лейтес».

(«Коммунист», 10 мая 1945 г.)

А.Б. Юмашев

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и массовых коммуникаций Саратовской области,
Саратовское региональное отделение Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».
Директор – В. В. Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Е. С. Данилова.

Дизайн и вёрстка – Л. В. Баранова.

Корректор – Е. Н. Березина.

Подписано в печать 5 октября 2022 года.

Дата выхода в свет 30 октября 2022 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/05102

Цена свободная.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2022.

© «Волга–XXI век», 2022.

Антон Кузнецов и его курс
(театральный факультет Саратовской консерватории)

«Сплендидс»

Театр драмы. Саратов
(старое здание, 1960-е гг.)

